

НОВАЯ ПОЛЬША

№10
(167)

2014

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ ЛЕШЕКА БАЛЬЦЕРОВИЧА
ДЖОЗЕФ КОНРАД И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ
ДИНОЗАВРЫ МАШУТ ХВОСТАМИ
Польский Чехов времен романтизма
НОВАЯ ПРОЗА ПАВЛА ХЮЛЛЕ
СТИХИ ПЕТРА МИХАЛОВСКОГО
Польская косметика покоряет мир

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata*.**

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:

Instytut Książki
ul. Szczepańska 1
31-011 Kraków

Подписка в Польше:

Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:

Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:

Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:

Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

НАПУТСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРЕМЬЕРУ ЭВЕ КОПАЧ 3
Беседа с Лешекком Бальцеровичем

Анна М. Щепан-Войнарская 7
ПЕРЕД ЛИЦОМ СОЮЗНИКА-ВРАГА
*Об отношении Джозефа Конрада к России
во время Первой мировой войны*

Антоний Слонимский 14
КОНРАД

Юзеф Виттлин 16
ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В СЕНТ-ОНОРИН-ДЕ-ПЕРТ

Виктор Кулерский 18
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Лешек Шаруга 27
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Войцех Мазярский 30
ДИНОЗАВРЫ МАШУТ ХВОСТАМИ»

Данута Данек 32
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОЛЬСКИЙ ЧЕХОВ
ВРЕМЕН РОМАНТИЗМА

Павел Хюлле 45
ПОЙ О САДАХ
(отрывок из романа)

Лешек Шаруга 56
НЕИЗВЕСТНАЯ ОПЕРА РИХАРДА ВАГНЕРА

Кшиштоф Виттельс 57
ОСКАР КОЛЬБЕРГ — ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Петр Михаловский 61
СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр Вирпша 66
ХОЛОДНАЯ ТОЧНОСТЬ

Эльжбета Савицкая 67
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Павел Бем 71
ПАРИЖСКАЯ «КУЛЬТУРА» В СЕТИ

Эустахий Рыльский 73
КТО ПОВЛИЯЛ НА ВАШУ ЖИЗНЬ?

Патриция Отто, Беата Томашкевич 75
ПОЛЬСКАЯ КОСМЕТИКА ИЗВЕСТНА ВО ВСЕМ МИРЕ

Александра Кретковская 77
У НАС ЕСТЬ НОУ-ХАУ И 100 ЛЕТ ОПЫТА

МАЛОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ 79
ДВИЖЕНИЕ — БОЛЬШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
Беседа с мэром Гданьска Павлом Адамовичем

Редакционный совет

Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер

(зам. гл. редактора)

Евангелина Скалинская

(секретариат)

Гжегож Пшебинда

Ежи Редлих

(зам. гл. редактора, секретарь редакции)

Эльжбета Савицкая

Лешек Шаруга

Дмитрий Швионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Швионков-Кисмелов

Техническая редакция

Паулина Зеленая

Адрес редакции

INSTYTUT KSIĄŻKI

al.Niepodległości 213

02-086 Warszawa

Ал. Неподлеглости, 213

02-086 Варшава

тел: (22) 608 27 95; 608 25 65

факс: (22) 608 25 05; 608 27 96

e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о журнале

для стран СНГ

Издательство МИК, Москва,

ул. Большая Переяславская,

д.15, кв.49

тел: 621-41-42

e-mail: mic@inbox.ru

Журнал издается по поручению Министра Культуры

и Национального Наследия Республики Польша

WYDAWCA:

Instytut Książki, 31-011 Kraków

DZIAŁ WYDAWNICTW:

al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa

tel/fax (22) 608 24 88

Тираж 4700 экз.

Переводчики: А. Базилевский, И. Белов, Е. Гендель, И. Лаппо,

В. Окунь, С. Политыко, К. Старосельская

© **Фото:** Archiwum (стр. 7, 32), К. Dubiel (стр. 73),

East News (стр. 3, 79), К. Hejke (стр. 34, 37, 42)

НАПУТСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРЕМЬЕРУ ЭВЕ КОПАЧ

С Лешеком Бальцеровичем беседовали Агата Новаковская и Доминика Веловейская

— **Какая самая важная задача стоит перед новым премьер-министром Эвой Копач?**

— Успехи партии «Гражданская платформа» (ГП) на выборах в значительной степени достигались благодаря тому, что у «Платформы» были очень слабые конкуренты. Однако пугало «Права и справедливости» (ПиС) уже истрепалось и постепенно приходит в негодность. Одновременно получилось так, что от «Платформы» оттолкнули ее наиболее идейный электорат. Это большая политическая ошибка.

Следует расширять электорат, но не за счет потери поддержки тех людей, которые поверили в первоначальные обещания ГП, в проведение реформ, расширяющих свободу и укрепляющих законность. Удар по сбережениям, хранившимся в открытых пенсионных фондах (ОПФ), был не только крупнейшей антиреформой после 1989 г., но и величайшей политической ошибкой. Были предприняты и другие шаги подобного толка, но не столь резкие и сильнодействующие. А как можно привлекать молодых людей лозунгом о «теплой воде в кране»*? Надеюсь, что Эва Копач отдает себе в этом отчет и исходя из этого будет формировать действия своего правительства и «Гражданской платформы».

* В сентябре 2010 г. Дональд Туск в интервью популярной в Польше «Газете wyborczej» сказал: «...Я предпочитаю политику, гарантирующую, как язвительно говорят некоторые, теплую воду в кране». Прим. пер.

— *Вы должны быть довольны. В новом правительстве нет ни Яцека Ростовского, ни Яна Кшиштофа Белецкого, которые стояли за всеми этими изменениями. Как вы оцениваете новый кабинет?*

— Я бы был гораздо более доволен, если бы Яцек Ростовский и Ян Кшиштоф Белецкий вообще не участвовали в принятии этих вредных как для Польши, так и для партии решений. Но раз уж так вышло, раз уж «Гражданской платформе» приходится возвращать доверие к себе, то им не следует украшать своими именами имидж нового правительства и партии.

Что касается правительства, то важнее всего, какой сигнал оно пошлет — посредством своих действий и слов — польскому обществу. А вот по поводу его состава возникают вопросы, например: почему Гжегожа Схетыну, который считается хорошим организатором, направили именно в МИД? Или почему постоянно что-то меняется в министерстве юстиции, где после 1989 г. средний стаж пребывания министра на посту составляет всего лишь год. Как можно в такой ситуации реформировать эту важную часть государства? Но, повторяю, важнее всего — чтобы «Гражданской платформе» удалось вернуться к своим программным источникам.

— *Вы имеете в виду приватизацию, снижение налогов?*

— Я не жду, что ГП в течение ближайшего года наверстает предыдущие пять лет. Но кое-что она способна сделать. Во-первых, не вредить — Польше и самой себе. Поэтому ей следует прекратить расширение политизации польской экономики, осуществляемой с помощью разнообразных форм государственного интервенционизма. Последние примеры — это анонсирование предстоящего объединения правительственного акционерного общества «Польские инвестиции в развитие» с Банком национального народного хозяйства (единственным банком в Польше, который принадлежит государству) или же реакция на кризис в государственной горнодобывающей промышленности. Эва Копач окажется в выигрыше, если хоть немного даст в себе проявиться железной леди. Многое предстоит сделать в сфере правосудия, хотя кто знает, — не получится ли таким образом, что, едва только Цезарий Грабарчик освоится в министерстве юстиции, как перестанет им руководить.

— *Что следует сделать в сфере правосудия?*

— Начать, наконец, устранять причины недостаточно эффективных и неудачных решений в сфере судебного преследования людей и вынесения им приговоров.

— *После семи лет на посту премьер-министра Дональд Туск едет в Брюссель. Пришло время подвести итоги.*

— Действия политиков я оцениваю главным образом лишь с одной точки зрения — укрепляют они долговременный экономический рост или же ослабляют? Невозможно переоценить значимость этой цели. Положительным моментом в деятельности правительства Дональда Туска я считаю ограничение ранних выходов на пенсию, удлинение пенсионного возраста, акцент на дерегулирование. Сама идея преобразования больниц в акционерные общества была правильной, речь шла об ответственности органов местного самоуправления за финансы своих медицинских учреждений. Аналогично, рациональный стержень имелся и в изменениях порядка возмещений за лекарства, хотя воплощение этой идеи оставляет желать лучшего.

Однако долговременный рост нашей экономики ослабляло расширение государственного интервенционизма, т.е. рост влияния политиков, чему сопутствовала антирыночная и антиреформаторская пропаганда, которая уподобляла образ ГП ее политическим конкурентам. В результате в польской политике мы имеем одно большое антиреформаторское течение, хотя и с разными оттенками. А ведь при отсутствии реформ нас ждет устойчивое замедление роста экономики. Об этом не говорит сегодня ни одна партия.

— *Самые крупные поражения правительства Туска...*

— Самой большой ошибкой был удар по сбережениям в ОПФ. Пренебрегли также реформой в горнодобывающей промышленности. Теперь непродуктивные шахты собираются объединять с электростанциями. Такое решение означает, что убытки перебрасываются на последующие звенья, но в окончательном итоге заплатят за это потребители. Вместо приватизации предлагаются разнообразные слияния государственных фирм.

Очень покорило освобождение Малгожаты Краснодембской-Томкель от должности главы Управления по защите конкуренции и потребителей, поскольку перед этим она не согласилась на слияние энергетических акционерных обществ «Energga» (производство электричества и тепла) и «Enea» (производство, дистрибуция и торговля электроэнергией). На ее место назначили Адама Яссера, сотрудника Яна Кшиштофа Белецкого. А следовало бы ввести на этом посту ограниченный срок полномочий.

Недавно я слышал от некоторых политиков «Платформы», в частности, от заместителя министра экономики Томаша Томчикевича, что правительство готовит закон, цель которого — заблокировать импорт дешевого угля из России. Это было бы глупым оппортунизмом, который ударит по беднейшим слоям, так как именно они покупают российский уголь. Кроме того, такое решение дало бы Путину повод ввести специальные санкции против польской экономики. Польша должна действовать в рамках Запада и стараться — так же, как до сих пор, — чтобы совместные санкции были более сильными.

— Вы считаете, что лекарство против почти всех бед — это приватизация акционерных обществ государственного казначейства. Возьмем Польскую компанию по добыче нефти и газа (PGNiG) — ни одно правительство не выставит ее на продажу, так как явится Газпром и даст самую высокую цену. Не все инвесторы хороши, не каждая приватизация выгодна.

— Я не говорил, что приватизация — это лекарство против почти всех бед. Я ведь имел в виду сферу правосудия и дерегулирование. Зато я многократно указывал — на основании массы исследований, — что государственная собственность отравляет в равной мере и политику, и экономику. А у нас этой политизированной собственности больше, чем положено по средним показателям Организации экономического сотрудничества и развития. Поэтому, как правило, предприятия должны быть частными и подчиняться законам конкуренции. Из данного правила могут быть исключения, а бремя доказательства этого должно возлагаться на тех, кто хочет от него отступить. Причем всякие сбивающие с толку ярлыки, типа «стратегическое значение» или «родовое серебро», — доказательствами не являются.

— Что же, по вашему мнению, было бы хорошим обоснованием, позволяющим оставить фирму в руках государства?

— Серьезная угроза для безопасности поставок, с которой не удастся справиться посредством особого устава данного акционерного общества.

— Дональд Туск считает: чтобы выигрывать выборы, надо ставить перед собой средние цели, поскольку максималистские без поддержки со стороны общества реализовать невозможно. И даже если это получится, очередные правящие команды вернут всё в прежнее состояние. Ведь Пис и Союз демократических левых сил сразу же заявили, что снизят пенсионный возраст, когда вернутся к власти.

— Дональд Туск не говорил о средних целях. Но, к сожалению, употреблял много антиреформаторской риторики. Я знаю многих политиков, в том числе и в постсоциалистических странах, которые продержались в политике дольше него и провели в своих странах больше реформ, например, Микулаш Дзуринда в Словакии, Андрус Ансип в Эстонии или же Стивен Харпер в Канаде.

— В Польше Ярослав Говин предложил такую либеральную программу и получил 3% голосов.

— Разве это доказывает, что всё сказанное и сделанное Дональдом Туском правильно? В политике всегда есть место политическому театру, но не везде очковитательство, иначе говоря, пиар доминирует в ней так, как это происходит сегодня в Польше.

У нас две главные партии, обе строятся с оглядкой на лидера, в обеих — нет места для дискуссий по существу.

— В вопросе об ОПФ позицию, отличающуюся от точки зрения Яцека Ростовского, заняли, например, Михал Бони и Ежи Бузек.

— Бони стал по стойке «смирно» и поддержал то, против чего вначале возражал. Так не делается. А Ежи Бузек действительно протестовал, но был в ГП исключением.

Далее, из налогов большие деньги идут на партийные институты. Я не знаю ни одной толковой разработки какого-нибудь из таких институтов. Обычно это отрывочные куски никчемной пропаганды.

Очередной вопрос — отношение к конституции. Принимаются законы, которые, как можно предполагать, противоречат конституции. Нигде на Западе я не наблюдал такого конституционного нигилизма, как в Польше.

— *Недавно вы сказали, что в Польше необходима новая партия — молодых либералов.*

— Мне бы хотелось, чтобы наконец-то молодые люди, в том числе и те, которые молоды только духом, обновили польскую политику, поскольку сегодня она по своей сущности, но также и по стилю хуже, чем десять-пятнадцать лет назад. А может быть, это обновление произойдет в рамках ГП?

— *В своей книге «Надо сражаться» вы живописуете идеалистическое видение государства, которое нужно реализовывать без оглядки на образ мысли поляков. Из-за этого критики упрекают вас, считая, что вы — антидемократ. Если вы хотите внедрять свои либеральные перемены, то должны основать партию и завоевать поддержку избирателей.*

— Вы деформируете мои взгляды. Я сказал, что, желая внедрять реформы, по большей части необходимо — в рамках демократии — бороться с разными группами, которые пользуются существующим статус-кво или же ненавидят свободный рынок. Этим я и занимаюсь. Не потому, что мне это нравится, а потому, что иначе нельзя.

Тезис, что тот, кто критикует что-то в политике, должен основать политическую партию, — абсурден. В соответствии с таким принципом «Газета выборча» давно должна была замолкнуть либо основать политическую партию.

Многим группам хотелось бы получать от государства больше, скажем, материальных благ, или же они просто — как это говорится высокопарным слогом — «по идейным соображениям» любят раздутое государство и ненавидят свободный рынок. Если такое течение доминирует какое-то длительное время, то для людей это кончается печально — кризисом, как в Греции, либо экономическим застоєм, как в Италии или Франции.

— *Вы перечеркиваете целый политический класс, обвиняя его в самом обыкновенном надувательстве. Это опасно. Никогда не будет идеальных политиков, которые на сто процентов реализуют наши требования. Надо выбирать среди тех, кто есть.*

— Вы, уважаемые дамы, пытаетесь приделать мне физиономию доктринального утописта. А ведь свои взгляды я логически вывожу из наблюдения действительности. И критикую существующий ныне стиль польской политики. Не назвав проблему, трудно ее решить. Кроме того, я ведь предлагаю средства, позволяющие исправить существующую ситуацию, например, введение конкретного срока полномочий на всех выборных должностях в политике или же реформу финансирования политических партий. Тогда будет меньше тех депутатов сейма и сенаторов, которые ведут себя, словно оппортунистические автоматы, реагирующие на каждый жест своего лидера.

Речь идет о том, чтобы течение, выступающее против свободы и против рынка, не стало в нашей публичной жизни господствующим. Необходимо мобилизовать людей, внушить им необходимость следить за политиками — не с позиции своих претензий, а с позиции свободы и законности.

Анна М.
Щепан-Войнарская

ПЕРЕД ЛИЦОМ СОЮЗНИКА-ВРАГА ОБ ОТНОШЕНИИ ДЖОЗЕФА КОНРАДА К РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Джозеф Конрад

Юзеф Теодор Конрад Коженёвский — Джозеф Конрад любил по отношению к самому себе использовать определение *homo duplex*¹, подчеркивая свою польскость и свою британскость одновременно. С самого начала восприятие поляками Конрада было отмечено спорами о его патриотизме, о его польскости и его отношении к родине. Эти вопросы подробно рассматривали такие исследователи, как Здислав Найдер, Стефан Заберовский, Агнешка Адамович-Поспех, Веслав Крайка, Иоанна Сколик и Петр Новачинский, если привести лишь несколько имен из обширной библиографии. Принципиально преобладали два типа понимания биографии писателя: мартирологический и модернистский.

В первом, мартирологическом типе подчеркивался патриотизм его родителей: отец был организатором заговора против царских захватчиков, мать — верной спутницей и участницей политической деятельности мужа, семья испытала репрессии, конфискации, заключение в Цитадели², судебный процесс, ссылки борцов за народное дело в Сибирь.

В модернистской же версии биографии Конрада акцент делался на бурную жизнь человека, реализующего свои помыслы, невзирая на реакцию окружающих и общепринятые схемы, нонконформиста, с нищенской силой преодолевающего трудности, не имеющего ниче-

го общего с обычными людьми. Примером может служить жизнеописание Конрада, составленное Остапом Ортвином³.

Были, однако, и такие критики как Казимеж Валишевский, Мария Коморницкая, Мария Раковская, Станислав Бжозовский — которые, рассматривая Конрада как автора, прежде всего, модернистского, относили его творчество к традициям англосаксонской романистики.

«В современной английской литературе Джозеф Конрад принадлежит к числу наиболее выдающихся личностей. (...) Здесь я имею в виду наполненность верой в то, что интеллектуальное строительство, творимое в данном обществе в различных его классах, слоях, типах, индивидуумах, представляет собой глубочайшую реальность данного общества, что все современные трагедии разыгрываются в стихии, измененной и определенной разумом, что диапазон, характер, сила, виды крушений и ограничений мысленных процессов, создающих повседневность общественной жизни, составляют именно то, что является самым характерным, наиболее творческим в общественной и личной жизни»⁴.

Конрад навсегда остался шляхтичем из Калиновки, наследником Польши Ягеллонов, естественной многокультурности и сосуществования традиций, несравнимого ни с одной системой, ни на Востоке — основанном на абсолютизме, ни на Западе — основанном на собственности. Интериоризация этой исключительной модели привела к тому, что модель национального государства стала совершенно чуждой для Коженёвского. Писателю, однако, пришлось заплатить за это свою цену — быть непонятым и обособленным не только среди чужих, но и среди своих, не только из-за языка, национальности, но, прежде всего, из-за поразительной истории XX века, в котором ему довелось обрести себя.

«Сохранившиеся в памяти у некоторых поляков фрагменты прежнего образа свободы отделяют их от чужих и от своих надежнее и секретнее, чем язык и политическая зависимость. Остатки этого образа, разорванные в ключья испытаниями времени и историческими катастрофами, не умещаются в представлениях наших современников, их трудно описать в общедоступных терминах»⁵.

Итак, ягеллонская модель сосуществования не только анахронична, но и не подлежит объяснению и эквивалентизации. Эту мысль далее развил Чеслав Милош⁶ в эссе «Стереотип у Конрада», подчеркивая, что в Конраде оставил свой след менталитет шляхтича с кресов⁷, сформировав в нем стереотип польской политической эмоциональности, идущей от польской литературы XIX века. Этот менталитет проявлялся в неприязни к России, основанной не только на травме разделов Польши, но вытекающей из намного более раннего отвращения к русскому самодержавию, а также неприязни по отношению к революционерам, олицетворявшим восточную дикость. Немаловажным остается и отношение к России отца — Аполлона Коженёвского, которое демонстрировалось не только прямым образом в повседневной, отмеченной страданием жизни, но и в очерке «Польша и Москва», где он представил свою судьбу в контексте «мученического состояния многих миллионов поляков» и вечной борьбы «варварства с цивилизацией».

«Однако же правительства и народы смотрят на Москву и остаются спокойными. Правительства и народы видят Москву, и хотя порою их передергивает от отвращения, они не замечают надвигающейся опасности. Тем временем, если предположить, что откроют тюрьмы и выпустят преступников всего мира, это будет пустяком по сравнению с разверстой Москвой, организованной и готовой излиться на Европу миллионами своих злодеев»⁸.

Вот как комментировал этот вопрос Чеслав Милош:

«У Конрада привязанность к Британской империи и острое ощущение границ западноевропейской цивилизации представляют собой как бы транспозицию веры в Речь Посполитую как *antemurale christianitatis*⁹. Ислам и византийская Россия в сознании поляков, в особенности из Литвы и Украины, были той самой враждебной, антицивилизационной стихией, которая постоянно стремилась к уничтожению Европы»¹⁰.

В этой связи будят воображение замечания японской исследовательницы Асако Накаи по поводу того, как сам Конрад определял свою идентичность:

«Польша представляет прошлое, тогда как Англия указывает в будущее; между ними покоится обширная территория Европы, в которой как Англия, так и Польша находятся на окраинах»¹¹.

Упомянутые Асако Накаи окраины соприкасались с другим миром: Польша с Россией, Англия же в качестве колониальной державы создавала из своей окраинности не бастион или крепость, а центр относительно других окраин мира. Таким образом, Англия как окраина Европы становилась ее центром по отношению к остальному миру. Покоряла народ за народом и навязывала свое правление, черпала в широких масштабах материальные выгоды, возбуждая зависть и восхищение остальных европейских стран. Чем при ведении дипломатических переговоров с Россией был польский вопрос по сравнению с согласованием с Германией раздела сфер влияния в Африке?

Конрад на протяжении своей жизни познал и колониальную мощь Британской империи, и авторитарную власть царизма, ему были знакомы ценности и мечты, которыми руководствовались поляки, знал он и отношение других народов к польскому вопросу. Писатель, однако, не ставил знака равенства между русским и британским империализмом, не сравнивал Польшу с колониальными странами, и сегодня ему, наверное, был бы чужд анализ его романов в духе постколониальной критики. Признать Польшу российской колонией было для него немисливо, это было бы тотальной ложью и изменой тем ценностям, которые он исповедовал.

Хотя сам Конрад не принимал участия в сражениях, вместе с семьей он оказался в центре событий, который установили на европейском континенте новый порядок. Прихав в Краков накануне начала Первой мировой войны, 31 июля 1914 г., семейство Конрадов, как британских граждан, оказалось в тылу врага, под австрийской оккупацией. Это был первый более чем за 20 лет (считая с 1893 г.) визит Конрада на родину и первый за 40 с лишним лет визит в Краков, состоявшийся в значительной степени благодаря усилиям молодого Юзефа Ретингера¹² и его жены Отолии Зубжицкой, мать которой, Эмилия, пригласила семью Конрадов в свое поместье в Гоше неподалеку от Кракова. Сам Ретингер — серый кардинал мировой политики — был представлен Конраду в 1912 г. Арнольдом Беннеттом¹³, но яркая и полная неясностей биография Ретингера позволяет предположить, что приглашение Конрадов на польские земли носило не вполне частный характер. Скорее, оно имело целью приобрести поддержку писателя для дипломатических усилий Ретингера, стремившегося придать польскому вопросу международный характер. Много лет спустя в посвященной Конраду книге Ретингер намеренно придает особое значение тому, что писатель оказался в Польше «в тот единственный день, который таил в себе несбывшуюся мечту его предков, грядущую свободу его родины»¹⁴. Хотя этот момент, возможно, был вовсе не делом случая, а результатом его сознательных действий. Среди хранящихся в краковском отделении библиотеки Польской академии наук¹⁵ документов есть отпечатанное на машинке жизнеописание Ретингера, из которого следует, что он был неофициальным посланником Польского национального комитета¹⁶ в Лондоне еще за год до знакомства с Конрадом, т.е. в 1911 г., хотя Временный комитет объединенных партий сторонников независимости¹⁷ был создан только в ноябре 1912 года. Зато Верховный национальный комитет¹⁸ возник в 1914 г. — ни один из этих фактов не исключает, однако, того, что Ретингер фактически был послан с секретной миссией — соединить имя выдающегося писателя с польским вопросом. Патриотическим организациям приходилось сохранять большую осторожность и соблюдать правила конспирации, так что они могли действовать задолго до окончательной формальной регистрации¹⁹. У Ретингера были весьма разнообразные знакомства в политическом мире, но, по большей части, в консервативных кругах.

В первые дни настроения среди поляков были оптимистическими, и пока Англия не вступила в войну, Конрад мог разделять это радостное возбуждение. В ночь с 1 на 2 августа были мобилизованы стрелковые союзы Пилсудского, 1 августа в Кракове прошли уличные манифестации в их честь. Конрады покинули Краков 2 августа, направившись в Закопане, где сначала поселились в отеле «Стамары», а затем в пансионате Загурской²⁰.

Закопане, однако, не могло быть безопасным убежищем. Все советовали Конрадам, прежде всего, молчать и не привлекать к себе внимания австрийских властей, а в дальнейшем — возвращаться в Англию. Были опасения, что когда власти узнают о пребывании столь известного британского подданного почти на линии фронта, то его вместе с семьей интернируют и отправят в лагерь вглубь Австрии. Из воспоминаний, в частности, Теодора Коша следует, что ситуацию спасла жена тогдашнего коменданта крепости Краков ген. Карла Кука (1853–1935), которая, узнав о положении Конрада, выхлопотала у мужа бумагу следующего содержания:

«Джозеф Конрад Коженёвский намерен вместе с семьей выехать в Вену. С военной точки зрения препятствий для этого не имеется. Просьба ко всем органам власти пропускать эту семью»²¹.

Политические дискуссии протекали в «Константиновке» бурно, и голос Конрада воспринимался как излишне рациональный и слишком сдержанный. По сообщениям известного краковского адвоката Теодора Коша, настроения там были «безумными», а сам Конрад был весьма озабочен всей этой ситуацией. По его мнению, Конраду нелегко было примирить глубокое убеждение в том, что сторона, на которой воюет Англия, выйдет из войны победителем, со взглядами, возглавляемыми надежды на независимость Польши на политические и военные действия, ведшиеся под эгидой Австрии. Тот факт, что союзником Англии в этой войне была Россия — по мнению и Конрада, и легионеров — главный враг Польши, еще сильнее углублял этот конфликт. Иначе рассматривал его поведение Казимеж Гурский, который возмущался «спокойствием и флегмой» Конрада, а его взгляды на польские дела в международном аспекте считал предательством национальных идеалов только потому, что Конрад не боялся назвать вещи своими именами и не питал на этот счет

никаких иллюзий. Он не оправдывал связанных с ним ожиданий, а, скорее, рассуждал, как реалист и прагматик, способный взглянуть на проблему с некоторого отдаления, различая интерпретацию событий, полную наивных надежд, и их действительные последствия. От остальных его отличал не столько иной политический выбор, сколько болезненное осознание того, что, кроме поляков, никто не горит желанием умереть за Польшу, не видя в этом особого смысла. Возможно, отсюда и его горькие слова:

«Франция, связанная союзом с Россией, и, тем более, Англия не отдавали себе отчета о значении польского вопроса для Европы. Стотридцатилетняя зависимость Польши отучила народы Западной Европы считаться с ней и с необходимостью ее возрождения»²².

Несмотря на все эти противоречия, Конрад хотел убедить английское общество в том, что национальные права поляков должны быть признаны как побежденными, так и победившими странами, так как до сих пор обе стороны ими пренебрегали. Во время путешествия в Англию через Вену 13 октября 1914 г. он встретился с Марианом Билинским, братом Леона, министра финансов Австро-Венгрии. Они говорили о польском вопросе и о том, как его вынести на обсуждение Конгресса Европы.

В марте 1915 г. Игнаций Падеревский²³, член основанного 9 января в Веве (Швейцария) Комитета помощи жертвам войны в Польше, призвал Конрада войти в состав Комитета. Писатель ответил телеграммой:

«При всем уважении к Вашей выдающейся личности, я не могу вступить в Комитет, в котором, как мне известно, будут фигурировать имена русских»²⁴.

Конрад придерживался принципа — не присоединяться ни к каким предприятиям, в которых принимали участие русские. Кроме того, у писателя было ясное понимание того, что Великобритания оставила польский вопрос на усмотрение России как ее внутреннее дело, что он переживал необычайно болезненно. Однако его отказ привел к тому, что польские круги стали негативно относиться к нему, обвиняя в отсутствии доброй воли, что выразительно отражено в эссе Яна Перловского²⁵ «О Конраде и Киплинге»:

«Нам хотелось бы напомнить миру о том, что поляки существуют, что Польша хочет существовать и что она имеет на это неотъемлемые права. Конрад отказался сотрудничать с нашим Комитетом под предлогом, что в нем принимает какое-то участие посол царской России. Помню тот момент, когда адвокат Осуховский, вице-председатель Комитета, сухопарый старичок с глазами, все еще горевшими благороднейшим жаром, потрясая костлявыми руками и заикаясь от волнения, сообщил нам, что «г-н Конрад Коженёвский, знаменитый английский писатель, не оправдал наших ожиданий». Наступила тишина. Нас охватило недоумение, хоть нам и было известно прошлое Конрада. Ведь с Комитетом сотрудничали даже благожелательные к Польше иностранцы. Откуда эта антипатия? Ответ на это дал Сенкевич, как всегда, спокойно и простыми словами: «Это обычное дело. Человек порой мстит за свой собственный дурной поступок»»²⁶.

В очередной раз его шаг был признан предательством, уклонением от обязанностей патриота. Эта реакция выглядит несправедливой по отношению к Конраду, тем более что он предпринимал самостоятельные действия, помогая польскому делу. В то же время, Комитет помощи жертвам войны в Польше демонстративно поддерживали русские послы Извольский в Париже и Бенкендорф в Лондоне. Таким образом, даже деятельность польских патриотов вписывалась в британскую политику, предписывающую подходить к польским делам как к внутренним делам России, не имеющим никакого значения для международной политики.

Этот вопрос был поднят еще раз в малоизвестном в Польше интервью, которое Конрад дал Энтони Чарнецкому. По его словам, Конрад очень страдал из-за недоразумений и ошибочного понимания его позиции по отношению к соотечественникам. Сам писатель рассказывал об этом событии как о происшествии изначально неприятном. Организаторы связались с ним и попросили согласия на включение его имени в список членов. Конрад принципиально не соглашался на членство в каком-либо комитете, если не мог уделять ему время и присутствовать на его заседаниях. Кроме того, он не соглашался быть членом какого бы то ни было комитета, если не знал списка имен тех, с кем ему предстояло сотрудничать. Когда он увидел список, а в нем, помимо ряда выдающихся британцев

и поляков, фамилию тогдашнего посла российского царя в Великобритании — он понял, что не вступит в этот Комитет. Интерпретация такого поведения лишь как антироссийской позиции была бы упрощением. Нельзя забывать о детской травме, о жизни в изгнании, о польской романтической традиции и отцовском воспитании, однако в приведенных выше словах Конрада нет ни ревности, ни возвышенно-эмоционального жертвенного тона — есть холодная оценка ситуации, рациональный расчет, желание быть последовательным. Взгляд на польско-русский конфликт как на конфликт цивилизаций, быть может, кажется в наше время проявлением экзальтации, но для писателя он составлял реальную историческую действительность. Польские земли представляли собой не только окраину империи — они были границей той же империи, автономной сущностью, которая не может позволить себе проявить покорность, что является вопросом не только симпатии или антипатии, но и обыкновенной политики. Г-н Конрад был не только «знаменитым английским писателем», но и британским подданным. Лояльность к Польше требовала от него отказа от сотрудничества с Комитетом, а лояльность по отношению к Великобритании не позволила ему привести причины своего отказа, чтобы не оскорбить ее союзников.

Патриотический меморандум Конрада «Нота о польском вопросе» был представлен писателем в британском министерстве иностранных дел в августе 1916 г. По принципиальным вопросам нота Конрада представляла собой отражение меморандума Ретингера от 1915 г., озаглавленного по-французски «La Pologne et l'équilibre européen» (Польша и европейское равновесие). Конрад верил в возможность создания польского государства под протекторатом Франции и Англии. При всей своей русофобии²⁷ Конрад, однако, сознавал роль и значение России.

«Англо-французский протекторат был бы идеальной формой моральной и материальной поддержки. Россия же, как союзник, должна будет принять в нем участие таким способом, который успокоил бы ее возможные опасения и удовлетворил ее национальные чувства»²⁸.

Писатель не перечеркивает в этом месте возможность союза с Россией, но лишь при условии, что Польша будет равноправным членом такого союза, а союз не будет строиться на лжи и замалчивании фактов из позорного прошлого русско-польских отношений. Однако сознание того, что ни одна западная страна не станет провоцировать войну со столь сильным противником, доводило его до отчаяния. Конрад пытался выторговать соглашение, которое могло бы быть принято англичанами, о чем свидетельствует письмо Юзефу Ретингеру от 21 августа 1916 г., подытоживающее их встречу с сэром Джорджем Расселлом Кларком — высшим чиновником британского МИДа — относительно меморандума и плана протектората. Конрад отдавал себе отчет в том, что Кларк не мог сказать больше того, что сказал. Кларк подчеркивал, что не представляет себе обсуждения польских вопросов где-либо, кроме Петербурга. В то же время он признавал, что англичане открыты для конкретно сформулированных требований поляков, предусматривающих как можно более широкий спектр политических и общественных взглядов польских партий и организаций. Конрад подхватил эту мысль и принял такую позицию Кларка как поощрение к дальнейшим действиям, склоняя Ретингера к работе над получением согласия на проект протектората.

«Поскольку лучше получить дар государственности из рук друзей, нежели врагов. Договоренность же по этому вопросу никоим образом не лишает в будущем партии свободы действий.

Сейчас речь идет о том, чтобы начать жить, дышать, а прежде всего, набрать вес. Впоследствии, так же, как в любой свободной стране, развернутся идеологические трения в рамках существующих институтов»²⁹.

Этим планам не суждено было осуществиться. По прошествии лет, когда Конрад писал предисловие к изданию «Ноты», он защищал ее тон и саму идею протектората, ссылаясь на тогдашнюю политическую ситуацию. Конрад старался вести себя осторожно и прагматично, считаясь с возможной реакцией адресатов. Через год после обретения Польшей независимости было опубликовано эссе «Преступление разделов», представлявшее точку зрения, полностью противоположную позиции тогдашнего британского правительства. В этом тексте Конрад позволил себе прикоснуться к польским ранам:

«Пресса Западной Европы, почти без исключения, отказывалась в XX веке затрагивать польский вопрос в каком-либо виде и форме. Факт существования поляков никогда не был для европейской дипломатии более неудобным, чем накануне воскресения Польши.

Когда началась война, в прокламациях императоров и эрцгерцогов, обращенных к непобедимой душе народа, существованию и моральным ценностям которого они так бесцеремонно противились больше столетия, было что-то чудовищно-комичное»³⁰.

Вес этих документов подчеркивает негибкая убежденность в значении, которое Польша имеет в современном мире. Может быть, не столь радикальная, как у романтиков, но неизбывная. Убежденность Конрада в важности роли Польши окрепла, когда произошло чудо над Вислой, остановившее аннексию Европы большевистскими войсками.

Взгляд на литературное творчество требует отдельного обсуждения. На страницах романов Конрада появляются представители разных народов, однако поляки — лишь дважды (в «Эми Фостер» и «Князе римском»), а русские либо упоминание о России присутствуют почти в каждом произведении. Причем образы эти вовсе не так однозначны, как политические высказывания. Есть у Конрада и многочисленные германские персонажи — он часто употреблял такое определение. Нужно, однако, отметить, что литературная материя обходится с людьми все же менее жестоко, чем история.

Конрад не мог предотвратить трагедии, которая была уделом его самого и его народа. Винновиками этой трагедии были, среди прочих, и русские. Он критически относился к политике царизма, к разрушительному влиянию самодержавного правления, развращавшего личность, отнимавшего у нее достоинство и свободу. Он критически оценивал деятельность революционеров — не потому, что это были русские революционеры, но потому, что создавал ужасающую цену, человеческую цену такого переворота, любой революции, что и доказал, написав «Ностромо». Наконец, он критически относился к безразличию Европы, конкретных государств, которые сначала участвовали в разделах, а затем — в заговоре молчания, окутавшего эти преступления. Добываясь права голоса и уважения, он подчеркивал свое присутствие и независимость. Он не был энтузиастом «Запада», не поддавался иллюзиям, но и не сеял ненависти к русским, австрийцам, немцам. Он поблагодарил за дворянство, дарованное ему британской королевой, заявив, что нельзя стать дворянином, когда уже им являешься. Он добивался места на карте Европы и мира для таких, как он сам — людей чести с нелегким прошлым.

¹ Человек двойственный (лат.). Прим. пер.

² Варшавская или Александровская цитадель — русская крепость XIX века в Варшаве. Построена по приказу Николая I после польского восстания 1830 года. Место заключения и казни польских повстанцев и революционеров. Прим. пер.

³ Ostap Orwin, (*Przypisek wydawcy*), [w:] St. Brzozowski, *Głosy wśród nocy*, Lwów 1912, s. 375-376. Здесь и далее, если иного не указано, — прим. автора.

⁴ St. Brzozowski, *Józef Conrad*, [w:] *Głosy wśród nocy*, Lwów 1912, s. 369.

⁵ P. Hostowicz, *Bagaż z Kalinówki*, [w:] *Conrad żywy*. Książka zbiorowa wydana staraniem Związku Pisarzy Polskich na Obczyźnie, red. W. Tarnawski, Londyn 1957, s. 90-91.

⁶ Cz. Miłosz, *Stereotyp u Conrada*, [w:] *Conrad żywy*, op. cit., s. 93.

⁷ Кресы — территории нынешних западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входившие в состав Речи Посполитой. Прим. пер.

⁸ Apollon Korzeniowski, *Polska i Moskwa...*, op. cit., s. 88.

⁹ Бастион христианства (лат.) Прим. пер.

¹⁰ Cz. Miłosz, *Stereotyp u Conrada*, [w:] *Conrad żywy*, op. cit., s. 95.

¹¹ Nakai Asako, *Europe as Autobiography? // Conrad's Europe*. Conference Proceedings, red. Z. Najder, Opole 2005, s. 28.

¹² Джозеф (Юзеф) Ретингер (1888–1960) — польский и английский политик, основатель Совета Европы и Европейского движения, позднее эволюционировавшего в Европейский союз. Прим. пер.

¹³ Арнольд Беннетт (1867–1931) — английский писатель. Прим. пер..

¹⁴ J. Retinger. *Conrad and his contemporaries*, New York 1943, p. 158.

¹⁵ *Varia* 8066.

¹⁶ Польский национальный комитет официально основан 15 августа 1917 г. в Лозанне лидерами ряда польских партий с целью создания независимого Польского государства с помощью Антанты. Прим. пер.

¹⁷ Временная комиссия объединенных партий сторонников независимости — объединение всех польских партий, поддерживавших Австро-Венгрию как единственную державу, способную объединить и освободить разделенные польские земли. Прим. пер.

¹⁸ Главный национальный комитет был создан 16 августа 1914 г. в Кракове. Занимал проавстрийскую позицию. Прим. пер.

¹⁹ Эти вопросы шире рассматривает Гражина Бранны в эссе: *Conrad i Retinger* [w:] *Conrad a Polska*, red. W. Krajka, Lublin 2011, s. 335-355. О самом Юзефе Ретингере: Ciechanowiecki Jan, *Józef Retinger (1888-1957) [sic!] w świetle raportów brytyjskiego wywiadu z lat 1913-1941*. «Zeszyty Historyczne» 59 (Paryż 1982), s. 196-205. Pomian, Jan, red. *Józef Retinger, Życie i pamiątki pioniera jedności europejskiej*. Warszawa 1994; Pająk Henryk, *Retinger – mason i agent syjonizmu*, Lublin 1996; Witkowski Grzegorz, *Józef Retinger – polski inicjator integracji europejskiej*, Warszawa 2000.

²⁰ Анеля Загурская (1881–1943) — родственница Дж. Конрада, владелица виллы «Константиновка» в Закопане. Перевела на польский язык почти все произведения Конрада. Прим. пер.

²¹ *Polskie zaplecze Josepha Conrada Korzeniowskiego*. Pod red. Zdzisława Najdera i Joanny Skolik. Lublin 2006, t. II, s. 260.

²² Kazimierz Górski, *Moje spotkanie z Conradem*, [w:] *Polskie zaplecze Conrada...*, op.cit., s. 256.

²³ Игнаций Ян Падеревский (1860–1941) — польский пианист, композитор, государственный и общественный деятель, дипломат. С января по декабрь 1919 года занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел Польши. Прим. пер.

²⁴ Джозеф Конрад Игнацию Падеревскому, телеграмма датирована 25 марта 1915. *Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego*, red. W. Stankiewicz, A. Piber,

²⁵ Ян Перловский (1872–1942) — польский дипломат. Прим. пер.

²⁶ Jan Perłowski, *O Conradzie i Kiplingu*, 1937, s. 122.

²⁷ Комплекс ненависти к России в творчестве Конрада анализировал в Польше Р. Блют; в воспоминаниях и биографических материалах можно найти ряд следов, подтверждающих тезис о глубокой травме Конрада: он не дружил с русскими, не пользовался русским языком, не принимал участия ни в каких предприятиях, в которых как-либо участвовали русские — например, в 1909 г. он разорвал сотрудничество с «English Review», так как журнал должен был купить русский эмигрант. Образ России в романах Конрада неоднократно анализировался в мировой конрадистике, в Польше о нем писали в т.ч.: Бригида Пуделко, Гражина Бранны и Веслав Ратайчак.

²⁸ J. Conrad, *Nota w sprawie polskiej*, [w:] *Szkice polityczne*, Warszawa 1975, s. 62.

²⁹ Письмо Дж. Конрада Ю. Ретингеру, цит. по: *Polskie zaplecze Conrada*, op. cit., s. 106.

³⁰ Joseph Conrad, *Zbrodnia rozbiorów*, [w:] *Szkice polityczne*, Warszawa 1975, s. 47.

Антоний Слонимский

Перевод Игоря Белова

КОНРАД

В Лондоне на Бессборо-Гарденс
он вымолвил вдруг:
«Можете это уже убрать».
(Там была пустая чашка,
тарелка с остатками бекона,
немного мармелада и кусок гренки).
На опустевшем столе
он разгладил листок бумаги
и, думая то по-французски,
то по-польски,
написал первое слово:

ТНЕ.
И когда написал он те
буквы
(читается «ти», «эйч», «и»),
стороной обошел этот плоский берег
неглубокой реки
и выплыл на простор океана!
английского языка,
там, где появляются
буквы те:

ТНЕ.
Сквозь молочный туман
рассвет занимает сцену,
проникает на Беркли-бэнк,
озаряет шлем полисмена.
В камине трещит огонь.
Диккенс, Марк Твен.
Трубка. Звонит Биг-Бен.
Сон крепок — трезвонь, не трезвонь.
А там была Вологда,
Житомир и Чернигов,
и мать, плачущая украдкой,
и царский солдат у дверей.
Но не тишь и не мгла, только вихрь
мог оскорбить эту боль, эту тяжесть,
что давила на сердце.
Есть поговорка у англичан:
путешествовать — значит побеждать.
Побеждать — значит прощать.

И поплыл он морем, упоен окоемом,
свободой своей ведом.
Он домой не вернулся, ведь не был домом
в графстве Кент его собственный дом.
И на палубе, ночью, где лежали вповалку
пилигримы, забывшись сном,
где во тьме их пятки, словно мигалки,
мрак пронизывали кругом,
где мечталось о Мекке посреди звездопада,
посреди всех на свете морей,
я слышал, как слышал Лорд Джим² когда-то,
чей-то голос: «Прыгай скорей!».

[около 1965]

¹ Возможная аллюзия на «Аккерманские степи» Адама Мицкевича.

² Лорд Джим — главный герой одноименного романа Джозефа Конрада, моряк, прыгнувший в спасательную шлюпку, бросив свой корабль в минуту опасности, и всю жизнь терзавшийся муками совести.

Юзеф Виттлин

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В СЕНТ-ОНОРИН-ДЕ-ПЕРТ

Давно уже не терпится мне описать явление, которое летом 1929 года осмыслил я для себя в Сент-Онорин-де-Перт, в департаменте Кальвадос, на берегах Ла-Манша. Это в высшей степени недемократичный феномен, о да, он прямо-таки метит в самое сердце демократии, и тем более удивительно, что он открылся мне во Франции.

Мне, после стольких лет общения с польским языком, понадобилось забраться в такую даль, к утесам Нормандии, и провести наедине с ним восемь славных недель, чтобы познать девственность этого языка и воспылать к нему любовью. Уверен, что здесь никто кроме меня польского языка не знает, и этой уверенности достаточно, чтобы язык сей вырос в моих глазах, в моих ушах, да что там — даже под моими пальцами, до мифических, гигантских размеров и стал явлением природы, таким как море. Именно перед лицом моря, а также неба (чужого моря и чужого неба, как сказали бы «соотечественники») каждое слово обыденного нашего языка начинает звучать не обыденно, а празднично, подобно некой орфической музыке, недоступной непосвященным. В часы прилива волны приносят с побережья Англии целые груды польских слов, нужных мне, чтобы писать. Я отыскиваю их только в часы отлива, на берегу, посреди водорослей, посреди ракушек и креветок. Слова польской речи, принесенные морем, влажны, пахнут глубинами, йодом и солью. И каждое из них звучит легендарно. А в Сент-Онорин меня начинают зачаровывать такие слова как: *po cichutku, pomalutku* (потихоньку, понемножку); я вдруг открываю их скрытый смысл, тот, что находится вне утилитарной оболочки каждого выражения. Только среди людей, которые даже не знают, на каком языке говорят в Польше, я еще ощущаю радость от того, что я польский писатель. Недаром молился я перед Острой брамой¹ в Вильне: «Так на чужбину унеси, явив мне чудо...»².

Да, для меня уже нет никаких сомнений: в Сент-Онорин летом 1929 года я убеждаюсь, что польский язык это орган, исключительно так называемой, прошу прощения, души моей, что-то вроде прелата его святейшества моего разума, или просто инструмент, которым единственно я имею право пользоваться, идиомой, которой единственно я имею право давать о себе знать. В Сент-Онорин для меня вдруг исчезают те двадцать миллионов людей, которые в пределах Речи Посполитой и в эмиграции от рассвета до поздней ночи и даже во сне говорят, думают, чувствуют, лгут, бранят, обожают, капризничают, торгуют, мошенничают, арестовывают, пишут, защищают, обвиняют, свидетельствуют, декламируют, поют, продают, покупают, обучают, сквернословят, соблазняют, безумствуют, отчаиваются, льстят, оскорбляют себя и других — по-польски.

Там, на родине, бывало, что и надоест мне порой этот язык. Слишком часто я слышал его из уст своих врагов. Слишком много неприятностей познал я на этом языке. Особенно в Варшаве я чувствовал иногда физическое отвращение к нему. Он кричал на меня с безобразных вывесок на Маршалковской улице, обслонял меня из отвратных газет, каждый сутенер близ Главного вокзала бегло им владеет. Определенно, слишком много польского языка в стране! Его там употребляют по всякому поводу! Даже палач в Польше говорит по-польски! А в Сент-Онорин-де-Перт язык польских палачей, сутенеров и поэтов — это язык лишь поэтов. И служит он мне для объяснений не с людьми даже, а с той текучей субстанцией, которая — насколько душа существует — является моей душой. Он живет здесь только для того, чтобы переносить мой разум сквозь путаницу беспорядочных мыслей к ясности. А существует вообще только в письменной форме.

¹ Острая брама в Вильнюсе — старинные ворота городской стены и часовня с чудотворным образом Матери Божией Остробрамской. Прим. пер.

² Автор перефразирует строку из поэмы «Пан Тадеуш» А. Мицкевича: «Ты нас на родину вернешь, явив нам чудо...» (в переводе С.Аксеновой-Мар). Прим.

Как же он чист — в Сент-Онорин, как умен, возвышен и здоров! Здесь у него нет уже ничего общего с обывательщиной, немало выражений раз и навсегда были удалены из него, например: *przebój, forsa, dźwiękowiec, bujda, bubek, facet* (шлягер, деньжата, звуковик, лабуда, пижон, типчик) и т.п.

Так что это абстрактный язык, как древнегреческий или латынь, и поэтому в высшей степени конкретный для так называемого творца. Пусть он станет «мертвым» в жизни народов, лишь бы остался живым в поэзии. Сколько же раз потом на родине мне приходилось, так сказать, духовно убегать в Сент-Онорин, чтобы слово, заурядное польское слово с улицы, из кафе, из газеты, слово моих близких, соседей, моих врагов — претворить в слово моей внутренней чести, моей правды! Лишь претворенные слова имеют еще в литературе какую-никакую ценность. И мне приходится уезжать за границу, в безлюдные нормандские деревушки, чтобы совершенствоваться в польском языке. Отсутствие контакта с читателем, абстрактность читателя, облагораживает как писателя, так и читателя. Делает его идеальным адресатом наших слов, читателем, для которого вообще стоит писать. В интересах польской литературы, для писателей должны существовать отдельные эмигрантские союзы.

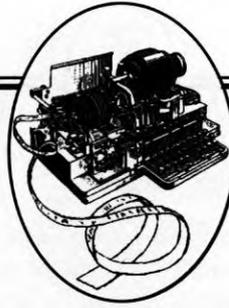
Польские слова лежат, валяются на асфальтовом шоссе от Сент-Онорин до Сен-Лоран. Если морской ветер швырнет порой кусочек польской газеты на лужайку фермы господина Леконта, я знаю, что это будет клочок газеты, которая пришла мне. Я узнаю клочки своих собственных рукописей, которые я разорвал и бросил в ведро. Мадам Берта, убирая мою комнату, вылила их на улицу вместе с водой. Хоть вода и смазала чернила, я узнаю печаль своего сердца, выплеснутую вместе с помоями на асфальт междугородного шоссе. Польский язык останется здесь после меня, пролежит на этом шоссе, как *membra disiecta*³ *моей души, и, может быть, сохранится до будущего года, пока пожелтевшие обрывки бумаги, исписанные чужим языком, не обнаружит по дороге на пляж какой-нибудь французский отпускник и скажет своей спутнице: «Voyons, c'est drôle ça! Quelle langue ça pourrait être, suédoise?»*⁴.

1932

Юзеф Витлин (1896-1976), поэт и эссеист, с 1939 г. в эмиграции.

³ *membra disiecta* – (лат.) разбросанные члены.

⁴ *Voyons, c'est drôle ça!...* - (франц.) Посмотри, это странно! На каком языке это может быть, на шведском?

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» «Многие надеялись, что Москва со временем станет тесно сотрудничать с НАТО по вопросам, связанным с безопасностью всего евроатлантического сообщества. (...) В последние годы руководство России стало придерживаться совершенно иного курса. (...) Вопреки тревожным сигналам, западные лидеры пытались заручиться симпатией России и ее политической верхушки. Однако с агрессией на Украине Рубикон был перейден. После 1945 года в Европе не происходило ничего подобного. (...) Использование вооруженных сил против соседей, аннексия их территорий, воспрепятствование свободному выбору внешнеполитической ориентации — всё это, к сожалению, очень напоминает наиболее трагические страницы европейской истории XX века. (...) Так что приходится приспособляться к нынешней ситуации. И это касается как оборонной инфраструктуры, так и различных форм присутствия вооруженных сил НАТО на восточных территориях альянса. (...) Необходимо давать симметричный ответ. (...) Евроатлантическое сообщество не должно терпеть подобных попыток раскачать ситуацию. (...) Безопасность — это основа нашего благополучного развития, уважения к закону и дружественных отношений с другими странами. Мы бы хотели, чтобы дружественными когда-нибудь стали и наши отношения с Россией», — президент Польши Бронислав Коморовский. (*«Жечпосполита»*, 29 авг.)

» «Как показывают опросы ЦИОМа, ситуация на Украине вновь начинает оказывать влияние на польскую политическую жизнь. Интерес к украинским событиям проявляют 83% опрошенных. (...) 78% опрошенных считают, что происходящее за нашей восточной границей угрожает безопасности Польши (по сравнению с предыдущим опросом этот показатель вырос на 30%)», — Павел Маевский. (*«Жечпосполита»*, 4 сент.)

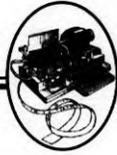
» «Агрессивная политика России — это главная проблема как для Польши, так и для всего

региона. (...) Такие выводы можно сделать на основе результатов опроса, проведенного Институтом исследования рыночных и общественных отношений «Ното Номіні». (...) 84% опрошенных поляков считают Россию прямой угрозой безопасности Польши. Лишь 9% участников опроса указывают на другие источники опасности, при этом 4% респондентов видят угрозу в исламском терроризме. (...) Перспективу стабилизации региона поляки видят в дальнейшей европейской интеграции Украины. И хотя лишь 36% поляков относятся к Украине как к дружественной нам стране, 59% респондентов поддерживают вступление Украины в НАТО и ЕС», — Енджей Белецкий, Павел Маевский. (*«Жечпосполита»*, 5 сент.)

» «Сегодня больше всего меня пугает то, что творит Путин. (...) Это и развал Украины, и бессилие Европы, и дальнейшее продвижение Путина по проторенной дорожке. Сначала придет очередь Молдавии, а затем мы вдруг услышим о притеснении русских в Латвии и Эстонии, о том, что им необходимо помочь, что Россия опять должна сражаться с фашизмом, коль скоро были в свое время латышские и эстонские подразделения СС. В худшем случае Путин может дойти до Парижа, поскольку ситуация будет набирать обороты, как снежный ком», — Адам Михник. (*«Ньюсуик Польска»*, 8–14 сент.)

» «Россия продолжает свою необъявленную войну в киберпространстве. В пятницу атаке подверглись официальные сайты президента Польши и Варшавской фондовой биржи. Ответственность за атаку взяла на себя группа интернет-активистов «КиберБеркут». (...) Следствие по делу ведет Агентство внутренней безопасности», — Казимеж Сикорский. «Всё это выглядит как вежливое предупреждение: «Имейте в виду, на этом мы не остановимся!», — Винсент В. Северский, бывший офицер разведки. (*«Польска»*, 18 авг.)

» ««Прибалтика, Польша — они вообще обречены. Они будут сметены», — заявил в интервью

каналу «Россия-24» Владимир Жириновский. «Все реальные вопросы войны и мира (...) будет решать один человек — глава российского государства». По его мнению, Путин уже принял решение (...) и теперь ждет реакции Запада. «Пусть решат, нужна ли им снова сгоревшая Европа», — говорил Жириновский, рисуя картины ковровых бомбардировок военных баз в Польше и странах Балтии». (*«Газета выборча», 12 авг.*)

» «Анализ хода больших военных маневров, которые Россия проводила в последние годы (...), свидетельствует, что Москва принимает во внимание возможность большого вооруженного конфликта, в котором именно она является атакующей стороной», — Михал Потоцкий. (*«Дзенник газета правна», 25 авг.*)

» «На территории бывшей тюрьмы НКВД во Владимире-Волынском (...) обнаружены останки почти тысячи человек, среди которых оказались польские военные и полицейские». «Археологами найдены полицейские значки (...), армейские пуговицы, зеркальце с размещенным на оборотной стороне снимком маршала Эдварда Рыдза-Смиглого, кокарды с орлом с головных уборов военных», — Марек Козубаль. (*«Жечпосполита», 27 авг.*)

» «Институт национальной памяти создал виртуальную базу данных всех репрессированных во время советской оккупации после 1939 года. Общий перечень содержит 316 тыс. имен. Находящимися в базе данными могут воспользоваться жертвы преследований, желающие документально подтвердить факт репрессий, лица, разыскивающие сведения о пропавших близких, а также научные работники». (*«Жечпосполита», 27 авг.*)

» «В этом году, в связи с событиями на Украине, правительство Польши внесло коррективы в программу модернизации вооруженных сил с учетом растущей внешней угрозы. «Мы хотим повысить мобильность вооруженных сил и их боевую мощь, особенно в области ракетного потенциала (...),» — комментирует заместитель министра национальной обороны Чеслав Мрочек», — Войцех Хондзынский, Гжегож Осецкий. (*«Дзенник газета правна», 18 авг.*)

» «38,090 млрд злотых — такие расходы на оборону будут заложены в государственном бюджете на 2015 год. Из них 5,3 млрд злотых составят расчеты за самолеты F-16. На модернизацию вооруженных сил планируется

выделить 8,2 млрд злотых». (*«Дзенник трибуна», 5–7 сент.*)

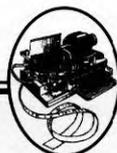
» «В конце сентября сразу на нескольких полигонах в Польше начнутся крупнейшие в этом году боевые учения (...). В них примет участие 12,5 тыс. военнослужащих, в том числе 750 военных из армий стран-союзников. (...) Военные будут отрабатывать сценарий переброски в страну сил быстрого реагирования НАТО», — Марек Козубаль. (*«Жечпосполита», 19 сент.*)

» «На 48 тыс. рядовых приходится 23,6 тыс. офицеров. (...) Вооруженные силы располагают 120 тыс. штатных единиц, в действительности же, как заявил бывший министр национальной обороны Вальдемар Скшипчак, в реальной боевой готовности находятся лишь 17 тыс. военных», — Анджей Краевский. (*«Дзенник газета правна», 5–7 сент.*)

» «Семь лет назад у нас была почти 500-тысячная армия, в которой было лишь 50 тыс. военных чиновников. Сегодня в наших вооруженных силах всего лишь 20 тыс. военных поставлены, так сказать, «под ружье» — остальные же 80 тыс. сидят за штабными столами, среди них полно психологов, социологов, капелланов и разного рода воспитателей», — Рышард Збжызный. (*«Дзенник трибуна», 5–7 сент.*)

» «Давайте спросим у очередного министра обороны, у генералов, почему до сих пор ничего не сделано для того, чтобы укрепить восточную часть Польши? Почему не удалось модернизировать вооруженные силы, превратив их в эффективную и грозную машину? Почему наши F-16 не оснащены должным образом? Почему наша промышленность не знакома с ракетными технологиями, а противовоздушная оборона, больше похожая на музей под открытым небом, легко пропустит любую «случайно» пущенную русскими ракету? Почему не функционируют Национальные резервные силы? Подобных вопросов становится всё больше, и мы поименно знаем всех тех, кто несет ответственность за сложившуюся ситуацию, ибо эти люди по-прежнему занимают руководящие должности», — Артур Бильский, командор-поручик запаса, выпускник военно-морской адъюнктуры в Монтерее, США. (*«Жечпосполита», 5 сент.*)

» «За последние три года на территории Великобритании было задержано 300 российских

агентов. В Польше не был пойман ни один, хотя у нас их в пять раз больше. (...) Российские разведчики занимаются здесь сбором информации о потенциале польских боевых подразделений и знают практически всё. (...) У россиян есть как минимум одно подразделение широкого профиля, в котором все сотрудники говорят по-польски. Зачем? Я уверен, что российские спецслужбы, разумеется, тщательно это маскируя, участвуют в тендерах, организуемых польскими вооруженными силами. Я имею в виду находящиеся на территории ЕС фирмы с российским капиталом, часто не афишируемым. Они предлагают демпинговые цены и выигрывают торги. (...) В существовании этого механизма я убедился во время моего визита в Москву. Вернувшись, я поделился своими наблюдениями с ответственными лицами, однако никто из этих людей не воспользовался полученной информацией. А ведь это стратегия России не только по отношению к Польше. (...) Выигрывает конкурс тот участник, который предлагает самую низкую цену и одновременно пользуется в Польше поддержкой влиятельных лиц. Людям, связанным с этими российскими фирмами, иногда удается достичь высоких руководящих должностей в польских структурах власти», — ген. Вальдемар Скушпчак, бывший главнокомандующий сухопутными войсками и вице-министр национальной обороны. (*«Впрост»*, 25–31 авг.)

» «Они встречаются на учениях в лесах, на развалинах домов, на заброшенных заводах и аэродромах. (...) Учатся защищать от врага мосты и электростанции, отработывают методику преследования неприятельских отрядов. (...) Только в сентябре пройдет около двадцати обучающих мероприятий для лиц, интересующихся тактикой партизанской войны. (...) Проф. Юзеф Марчак из Академии национальной обороны считает, что в польских военизированных организациях вполне может состоять 600–800 тыс. человек», — Марек Козубаль. (*«Жечпосполита»*, 21 авг.)

» «Саммит НАТО в Ньюпорте лишь частично оправдал ожидания поляков относительно усиления так называемого «восточного фланга». Главы 28 государств не приняли решения о размещении постоянных военных баз на территории Польши и стран Балтии, а также не отважились на денонсацию договора между Россией и НАТО. (...) При

этом альянс согласился на формирование группы быстрого реагирования в составе 4 тыс. военных из нескольких стран НАТО, которые в случае необходимости смогут в течение двух-пяти дней оказаться в Польше либо в другой стране альянса. (...) Этот передовой отряд будет приведен в оперативную готовность уже в декабре этого года. (...) Украина тоже получила от НАТО немного. (...) Президент Бронислав Коморовский заявил в четверг, что поставки Польшей оружия Украине возможны, но лишь после окончания военных действий», — Енджей Белецкий. (*«Жечпосполита»*, 6–7 сент.)

» «Итоги встречи в Ньюпорте оказались для нас очень благоприятными. (...) Теперь мы точно знаем, какотреагирует НАТО в случае даже малейшей агрессии. До саммита у нас были опасения, что мы можем оказаться один на один с агрессором. Но этого не будет. За нас вступится весь альянс», — Януш Онышкевич, бывший министр национальной обороны. (*«Польска»*, 8 сент.)

» «В пятницу в Ньюпорте был оглашен список стран, которые планируют помочь США в борьбе с террористами в Ираке и Сирии. (...) Участие Польши ограничится передачей иракским и курдским вооруженным силам гуманитарной помощи, в том числе продовольственных пайков и медикаментов. (...) Минимизацию участия Польши в антитеррористических операциях в Ираке и Сирии поддерживает президент Бронислав Коморовский. Президент считает, что сегодня приоритетом должно быть усиление оборонного потенциала страны (...) в связи с растущей угрозой со стороны России?», — Енджей Белецкий. (*«Жечпосполита»*, 9 сент.)

» ««На саммите НАТО не было принято каких-либо решений относительно поставок современного вооружения из Польши на Украину», — заявил Яцек Соньта, пресс-секретарь Министерства национальной обороны. Однако глава военного ведомства Томаш Семоняк напомнил, что уже в июле ЕС отменил эмбарго на поставку оружия Украине. Яцек Сариуш-Вольский, депутат Европейского парламента и постоянный докладчик по Украине в Европарламенте, написал у себя в Твиттере: «Как я и предвидел, страны НАТО решили копировать стиль Путина и оказывать Украине военную помощь, одновременно отрицая

наличие таковой», — Агатон Козинский. (*«Польска», 8 сент.*)

» «Заместитель министра обороны Чеслав Мрочек утверждает, что нет никаких препятствий для проведения польскими предприятиями оборонной промышленности переговоров с Киевом относительно поставок вооружения Украине. (...) Какие-либо международные запреты или эмбарго на экспорт вооружения Украины не касаются», — Збигнев Лентович. (*«Жечпосполита», 9 сент.*)

» «Генерал Януш Боярский стал первым поляком, занявшим должность коменданта Академии обороны НАТО в Риме. (...) В прошлом году генерал Боярский выиграл конкурс на эту должность». (*«Газета wyborcza», 3 сент.*)

» «200 американских военных с 16 по 26 сентября примут участие в учениях «Rapid Trident» на Западной Украине. В маневрах также планируется участие 110 военных из других стран, в том числе из Польши, Великобритании, Канады, Германии, Норвегии и Испании», — Енджей Белецкий. (*«Жечпосполита», 4 сент.*)

» ««Мы не придаем особого значения провокационным учениям НАТО на Западной Украине, поскольку видим, какую поддержку Америка в действительности способна оказать Польше. Несколько десятков военнослужащих НАТО и пара-тройка самолетов F-16 никак не повлияют на решения, принимаемые Россией», — заверил Руслан Пухов, директор московского Центра анализа стратегий и технологий». (*«Жечпосполита», 5 сент.*)

» «Политика Кремля приводит к появлению на Украине таких антироссийских настроений, каких в Польше никогда не было и какие вряд ли будут. (...) Остается только надеяться, что всё это не приведет к настоящей трагедии, и агрессивная политика России не породит новую волну настоящей ненависти со стороны украинцев. Ибо конфликт, подогреваемый подобного рода эмоциями, может повлечь за собой еще большее количество жертв. И последствия для России, Европы и всего мира могут быть очень и очень серьезными, практически необратимыми», — Александр Квасневский, президент Польши в 1995–2005 годах. (*«Дзенник газета права», 28 авг.*)

» «В своей недавно вышедшей книге Херман Ван Ромпёй пишет, что когда он пять лет назад вступал в должность председателя Европей-

ского совета, отношения между Евросоюзом и Украиной «заботили исключительно Польшу». Сегодня же для глав всех европейских стран, от Голландии до Португалии или Австрии, совершенно очевидно, что происходящее на Украине касается всей Европы. И в этом большая заслуга Польши», — Адам Даниэль Ротфельд. (*«Газета wyborcza», 20 авг.*)

» «Целый поток воинской амуниции пересекает польско-украинскую границу. Волонтеры, частные лица, члены общественных организаций, работающих на благо свободной Украины, на собственных плечах переносят через границу бронежилеты и каски», — Янина Бликковская, Иоанна Чвек. (*«Жечпосполита», 4 авг.*)

» «С 22 августа при пересечении границы можно без специального разрешения в качестве личного багажа вывозить воинское снаряжение для личной защиты (...) — не более пяти бронежилетов и пяти касок на человека», — Ксаверий Вардацкий. (*«Жечпосполита», 3 сент.*)

» «Первые фуры с гуманитарной помощью от Министерства национальной обороны для украинских военных уже в пути». (*«Жечпосполита», 28 авг.*)

» «Впервые в истории Международного салона оборонной промышленности в Кельце участие в его работе примут свыше пятисот экспонентов, приедет тридцать официальных правительственных делегаций, в том числе представители оборонной промышленности Украины», — Збигнев Лентович. (*«Жечпосполита», 29 авг.*)

» «Польша и Китай намерены усилить сотрудничество в оборонной сфере — таков результат визита министра обороны Китая Чана Ваньцюаня в Варшаву. Как заявил польский министр обороны Томаш Семоняк, сотрудничество Польши и Китая будет проходить на стратегическом уровне. Главной темой встречи стал российско-украинский конфликт». (*«Газета wyborcza», 3 сент.*)

» «XXII Экономический форум в Крынице открыл Лех Валенса. (...) Также выступивший на форуме Александр Квасневский заявил, что столь ценная когда-то у политических деятелей способность предвидеть события и быстро на них реагировать сегодня является качеством из области фантастики», — Эльжбета Глапьяк (*«Жечпосполита», 3 сент.*)

» «В этот раз в Крынице всё было по-другому. (...) На форуме появились крупные производители вооружения, между приехавшими на мероприятие россиянами и участниками форума из других стран сразу же возникло явное напряжение. Еще в прошлом году основной темой всех дискуссий была перспектива сотрудничества и развития. Если бы тогда кто-то сказал мне, что вскоре все разговоры в Крынице будут вестись вокруг вооруженных конфликтов, экономических войн, санкций и контрсанкций, я бы ему не поверил. (...) Россия вернулась к мышлению образца XIX века, превращаясь в гораздо более серьезную угрозу для своих соседей, чем всем нам хотелось бы это видеть», — Витольд М. Орловский. (*«Жечпосполита»*, 5 сент.)

» «100 студентов из Восточной Украины уже в сентябре этого года будет обучаться в польских ВУЗах. В следующем году количество таких учащихся возрастет до 450. Украинские студенты будут получать стипендии польского правительства». (*«Жечпосполита»*, 28 авг.)

» «В минувшем учебном году в Польше училось около 36 тыс. студентов из-за рубежа. Они составляли свыше 2% от полутора с лишним миллиона польских студентов. Учебу в Польше чаще всего выбирают украинцы (15 тыс. студентов) и белорусы (4 тыс. студентов)». (*«Пшегленд православный»*, сентябрь)

» «По данным Евростата, 36% поляков обходятся без цифровых технологий — только 64% наших соотечественников пользуются компьютером. Среди них количество пользователей интернета составляет 63%. (...) Мы единственная страна, в которой количество людей, пользующихся компьютером, не меняется годами», — Петр Мазуркевич. (*«Жечпосполита»*, 25 авг.)

» «Количество работающих в Польше иностранцев, приехавших с той стороны нашей восточной границы, в этом году достигнет 310 тыс. человек. (...) «Очень многие украинцы хотят остаться. (...) Речь идет в основном о молодежи», — говорит Александра Велгос из Союза садоводов. (...) Благоприятная иммиграционная политика, поощряющая этих людей поселиться на берегах Вислы, обязательно получила бы отклик. Однако Польша, несмотря на свою тяжелую демографическую ситуацию, таких шагов не предпринимает», — Бартош Марчук. (*«Жечпосполита»*, 20 авг.)

» «По данным Главного управления статистики (ГУС), численность населения Польши составляет 38,5 млн человек. (...) При этом сюда же ГУС относит и тех поляков, которые эмигрировали. (...) Тот же ГУС сообщает, что за границей проживает свыше 2,1 млн поляков. (...) «По моим подсчетам, в Польше живет около 36,8 млн человек», — объясняет проф. Кристина Иглицкая, демограф, ректор Института Лазарского», — Бартош Марчук. (*«Жечпосполита»*, 23–24 авг.)

» «Впервые после 2010 г. в Польше перестала снижаться рождаемость. В период с января по июнь родилось 186,9 тыс. детей. (...) Это на 5,5 тыс. (3%) больше, чем за тот же самый период прошлого года. (...) По сравнению с прошлым годом количество новорожденных увеличивается из месяца в месяц: в июне оно было на 7,9% больше, чем в прошлом году, а в мае — на 2,4%. (...) В первом полугодии в Польше умерло 187,5 тыс. человек — на 0,7% меньше, чем в прошлом году. (...) С января по конец июня в Польше заключено 66,6 тыс. браков — на 6,3% больше, чем за тот же самый период прошлого года. (...) Одновременно уменьшилось количество разводов — в первом полугодии их было 34,5 тыс., на 4,1% меньше, чем в прошлом году», — Януш К. Ковальский. (*«Дзенник газета правна»*, 27 авг.)

» «Открытым пенсионным фондам (ОПФ) конец. Достаточно было поднять крик о богатых жуликах (честных богатых людей, если верить пропаганде правительства и партии «Право и справедливость», у нас нет), как крупнейшие финансовые структуры Польши были низведены политиками до роли карлика-попрошайки», — Ян Врубель. (*«Дзенник газета правна»*, 1–3 авг.)

» «По неофициальным данным, в ОПФ останутся около 2,3 млн человек. В этой ситуации в ОПФ могут поступить взносы застрахованных лиц на сумму примерно 2,5 млрд злотых. «Накопительный уровень выдержит, но в самое ближайшее время ему не избежать консолидации», — говорит главный экономист «Плюс Банка» Виктор Войцеховский», — Матеуш Павляк. (*«Жечпосполита»*, 5 авг.)

» «Представители правительства убеждали, что ОПФ (...) являются причиной роста государственного долга. Поэтому фонды лишились половины денежных средств, а застрахован-

ные лица, которые не заявили о другом решении, оказались приписаны к Национальному фонду страхования (НФС). Оказалось, что электорат правящей партии «Гражданская платформа» (ГП) не поверил правительству. Более того, в ОПФ остались именно молодые поляки, проживающие в крупных городах — то есть самые верные избиратели ГП. (...) В ОПФ решили остаться 2,5 млн человек. (...) Бартоломей Бискуп, политолог из Варшавского университета, считает, что это самый настоящий вотум недоверия в отношении правительственных реформ. (...) И очень опасный сигнал для ГП, поскольку партия теряет симпатии ядра электората, полагает Бискуп. (...) Изабела Мжиглодская, вице-президент клуба ГП (...), объясняет, что люди, выбравшие ОПФ, уверенно чувствуют себя на рынке труда, имеют сбережения и лучше разбираются в экономике», — Бартош Марчук. (*«Жечпосполита»*, 25 авг.)

» «Наш бюджет всё больше расплачивается за отсутствие реформы пенсионной системы. В следующем году государство потратит на социальное страхование 83 млрд злотых, в то время как налогоплательщики перечислят в бюджет 279 млрд злотых. Почти 30% бюджетных поступлений будет выплачено в виде пенсий и пособий. (...) В пенсионной системе самая большая недостача — 50 млрд злотых — придется на НФС. (...) В будущем году подконтрольный НФС Фонд социального страхования потратит свыше 202 млрд злотых, а взносы застрахованных лиц в этот фонд составят 145 млрд злотых. Так что фонду придется помочь, перечислив ему 50 млрд злотых», — Анна Цесляк-Врублевская, Бартош Марчук. (*«Жечпосполита»*, 5 сент.)

» «Мы уже умудрились истратить почти треть того, что в феврале правительство изыало из ОПФ. (...) Несмотря на то, что 130 млрд злотых пошло на частичную выплату государственного долга, тот все равно продолжает расти. (...) К концу июня он уже был на 42 млрд злотых выше, чем после погашения возвращенных под государственный контроль облигаций ОПФ. Если государство и дальше будет влезать в долги в таком темпе, то уже во второй половине этого года сумма долга окажется на том же уровне, на котором была перед переходом части пенсионных накоплений из

ОПФ в НФС», — Анна Цесляк-Врублевская. (*«Жечпосполита»*, 22 авг.)

» «1 009 379 732 554 злотых — такую сумму государственного долга Польши показывал во вторник в 15.00 счетчик долга, включенный по инициативе Фонда гражданского развития, основанный Лешеком Бальцеревичем. (...) На сайте фонда говорится, что при расчете суммы долга не учитывалось погашение облигаций, переданных из ОПФ в НФС, поскольку Конституционный трибунал еще не определился с законностью данной операции». (*«Газета wyborcza»*, 10 сент.)

» «Правительство повысило акцизы на алкоголь, в результате чего количество поступлений по данному виду налога снизилось. (...) Всякий раз, когда политики пытаются как-то химичить в сфере налогообложения, уровень налоговых поступлений моментально падает. (...) Государство получает меньше денег, не пытаясь при этом изменить ситуацию», — Эльжбета Глапьяк. (*«Жечпосполита»*, 29 авг.)

» «Министр Радослав Сикорский всё же вернул Министерству иностранных дел 1 352,25 злотых, истраченные им на ужин с министром Яцеком Ростовским. Ужин проходил в ресторане «Amber Room» во дворце Собанских 15 января 2014 года. (...) Министр Сикорский долго сопротивлялся, но потом все-таки признал, что пользоваться служебной банковской картой в этом случае было неправильно, поскольку за экстравагантную вечеринку рассчитались налогоплательщики», — Сильвестр Латковский. (*«Впрост»*, 25–31 авг.)

» «Только 23% поляков одобряют политику правительства Дональда Туска, против же выступают целых 44%. (...) Опрос ЦИОМа». (*«Жечпосполита»*, 29 авг.)

» «Дональд Туск начинал свою работу на посту премьера с бюджетным дефицитом на уровне 1,9% и долгом, составлявшим 45% ВВП. Сегодня, когда Туск уезжает в Брюссель, где его ждет кресло председателя Европейского совета, эти показатели достигли соответственно отметок 4,3% и 50%. При Туске ВВП вырос на одну пятую — 459 млрд злотых. Количество безработных выросло почти на 400 тыс. человек, а средняя зарплата — на 959 злотых. Появился 821 км новых автострад. Для своих противников Туск останется мягким политиком, сосредоточенным на решении сиюминутных вопросов вроде горячей воды в кране, человеком, годами состригав-

шим купоны с лелеемого им союза с Ангелой Меркель. А для сторонников — олицетворением эффективного политика, добившегося переизбрания благодаря этой самой эффективности. 1 декабря Туск начинает работу на должности председателя Европейского совета», — Гжегож Осецкий, Якуб Капишевский. (*«Дзенник газета правна»*, 1 сент.)

» **Поддержка партий: «Гражданская платформа» — 30%, «Право и справедливость» — 30%, Союз демократических левых сил — 9%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Конгресс новых правых» — 5%, «Твое движение» — 2%, «Польша вместе» — 1%, ««Солидарная Польша» — 1%, «Национальное движение» — 1%. Не определились с симпатиями — 14%. Опрос института «Ното Номіні», 5–6 сентября. Избирательный порог составляет 5%. (*«Жечпосполита»*, 8 сент.)**

» «Согласно результатам опроса ЦИОМа, Президент Бронислав Коморовский пользуется поддержкой 73% опрошенных, министр Радослав Сикорский — 40%, маршал Сейма Эва Копач — 35%. (...) Уровень доверия Ярославу Качиньскому и Дональду Туску одинаков — 32%. (...) Больше всего респондентов не доверяют Янушу Паликоту (56%)». (*«Газета wyborcza»*, 2 сент.)

» **Бронислав Коморовский — это «первый президент Польши, выступивший в самом «сердце немецкой демократии». (...) В здании немецкого парламента прибыли виднейшие политики, президент Йоахим Гаук, правительство Ангелы Меркель в полном составе, премьеры федеральных земель и даже некоторые политические деятели, находящиеся в отставке. (...) И хотя выступление президента было посвящено 75-й годовщине Второй мировой войны, он связал его с российской агрессией на Украине: «Чувство общей ответственности, объединяющее Польшу и Германию, подразумевает адекватную реакцию на угрожающие нам тенденции в соседних странах». Коморовский отметил, что украинский кризис «давно утратил характер двустороннего конфликта», а Россия пытается разрушить «фундамент демократического общества». (...) «Сначала разговор шел о нашей общей судьбе, затем о наших общих интересах, теперь речь идет о нашей общей ответственности за ситуацию в Европе. И это может придать Евросоюзу**

новых сил и энергии», — заметил один из дипломатов», — Павел Вронский. (*«Газета wyborcza»*, 11 сент.)

» «Эва Копач, до недавнего времени занимавшая пост маршала Сейма, вступает в должность главы нового кабинета министров правящей коалиции «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ после того, как этот пост покинул Дональд Туск, возглавив Европейский совет». (по материалам *«Дзенника газеты правной»* от 9 сент. и *«Жечпосполитой»* от 10 сент.)

» «Польский вице-премьер Эльжбета Беньковская займет должность комиссара ЕС по вопросам внутреннего рынка, промышленности, предпринимательства, а также малого и среднего бизнеса. Кандидатуры всех двадцати семи комиссаров представил вчера в Брюсселе избранный, но еще не вступивший в должность председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер. Сферу деятельности, доверенную Беньковской, он назвал «машинным отделением реальной экономики». (*«Жечпосполита»*, 11 сент.)

» «Эльжбета Беньковская в 1988 г. закончила Институт востоковедения Ягеллонского университета, в 1996 г. — Национальную школу государственного управления, а в 1998 г. — аспирантуру Высшей коммерческой школы. У нее трое детей (26, 25 и 13 лет), в доме также живут две собаки, которых она когда-то приютила, морская свинка и черепаха. Из всех животных Беньковская больше всего уважает волков и свиней за их интеллект. «Животные всё понимают и чувствуют не хуже человека, поэтому я стараюсь относиться к ним в соответствии с заветами св. Франциска», — говорит она», — Славомир Цихий. (*«Польска»*, 5–7 сент.)

» «Ежегодно в Польше опытам подвергаются свыше 233,5 тыс. животных (данные 2012 года). Половина из них становится объектом опытов с наивысшими уровнями вмешательства: 4 уровня, что означает «процедуры, вызывающие сильную боль, стресс и необратимые телесные и психические повреждения», а также 10 уровня — «процедуры, вызывающие сильнейшие мучения». Вот примеры таких опытов (по данным действующей при министре науки Национальной этической комиссии по вопросам опытов над животными): (...) заражение лучевой болезнью, (...), нанесение травм и ожо-

гов без анестезии, смертельные отравления, обезвоживание, морение голодом, воздействие высокой температурой и давлением, провоцирование психозов», — Эва Седлецкая. (*«Газета wyborча», 13 авг.*)

» «Ситуация, при которой всего лишь 8% польской части Беловежской пуши охраняется государством, а 92% эксплуатируется человеком, навязана мощным лобби противников расширения Национального парка. В течение последних ста лет продолжалось безжалостное уничтожение остатков древостоя пуши, насчитывающего многие сотни лет — вырубке подвергалось, как правило, 100–150 тыс. кубических метров ежегодно. (...) Люди живут по принципу: «После нас — хоть потоп!», — проф. Людвик Томялойч. (*«Пшегленд», 8–14 сент.*)

» «Вырубка деревьев в Польше систематически растет. Каждый год мы вырубаем на полмиллиона кубометров дерева больше (...), — объясняет Адам Вашак, генеральный директор «Государственных лесов». В этой ситуации польским предпринимателям ничего не остается, кроме импорта древесины — в основном из Украины, Беларуси и России. В прошлом году мы ввезли почти 4 млн кубометров древесины», — Ярослав Олеховский. (*«Ньюсуик Польска», 4–10 авг.*)

» «11 сентября этого года Фонд экоразвития проводит во Вроцлаве Всепольский форум друзей деревьев. Это первая встреча такого типа в Польше, на которую приглашены организации и частные лица, занимающиеся охраной деревьев и зеленых насаждений в своих местностях. В форуме примут участие и зарубежные гости, в том числе из Чехии, Германии и Великобритании». (*«Дзике жиче», сент.*)

» «Польша — это единственная страна, в которой православные вместе с президентом сажают деревья», — сказал во время торжеств на Святой Горе Гарбарке, состоявшихся во вторник, митрополит Савва, глава Польской православной церкви. Тысячи верующих прибыло туда, чтобы принять участие в торжествах, посвященных празднику Преображения Господня. В праздничных мероприятиях принял участие и президент Бронислав Коморовский с супругой. (...) Митрополит Савва подчеркнул, что визит президента на Святую Гору в такой день свидетельствует о том, что

он является президентом всех поляков, независимо от их национальности и вероисповедания. После литургии президентская чета вместе с митрополитом Саввой посадила Дуб Свободы в честь 25-й годовщины проведения первых свободных выборов», — Эмилия Романюк. (*«Газета wyborча», 20 авг.*)

» «Архиепископ Генрик Хосер запретил священ. Войцеху Леманскому носить сутану и совершать богослужения. (...) Данное наказание носит бессрочный характер и не позволяет священ. Леманскому приступить к исполнению обязанностей капеллана в детской психиатрической лечебнице под Варшавой, как наказал ему епископ две недели ранее», — Александра Павлицкая. (*«Ньюсуик Польска», 25–31 авг.*)

» «Что плохого сделал священ. Войцех Леманский? Организовал диалог христиан с иудеями. Во многих местностях, где были замучены евреи, и где, казалось бы, можно было бы ожидать расширенного присутствия Епископата, он был единственным либо одним из немногих священников. Он освобождал неимущих от уплаты за погребение близких, отказывался пренебрежительно относиться к тем, кто появился на свет благодаря искусственному оплодотворению, а также призывал изгоев и отверженных не покидать лона Церкви», — Ярослав Николаевский. (*«Газета wyborча», 23–24 сент.*)

» «После 1989 года я не припомню ни одного случая, чтобы известный всей стране священник был бы так жестко наказан польской католической Церковью. Такого наказания, как запрет на служение епископы не применяли даже в отношении священников-педофилов. Наоборот, им случалось защищать духовных лиц, обвиняемых в этом преступлении, переводя их одного прихода в другой. Епископат также почти не реагировал, когда в конце 80-х и начале 90-х священники совместно с бывшими сотрудниками спецслужб проворачивали масштабные махинации, связанные с контрабандой автомобилей и реприватизацией церковного имущества. Архиепископ Юлиуш Пец, обвиняемый в сексуальных домогательствах в отношении семинаристов, что подтвердила специальная комиссия Апостольской Столицы, также не был отстранен от совершения богослужений. Напротив, отозванный Ватиканом митрополит познанский уже несколько лет продолжает

«блистать» на всевозможных мероприятиях и раутах, а два года назад даже принял участие в конференции Епископата Польши по вопросам, связанным с проявлениями педофилии», — Мартин Дзежановский. (*«Впрост»*, 25–31 сент.)

» «Настоятель полевого кафедрального собора Войска Польского свящ. Роберт М. и свящ. Ян Ц. (...) проходят в качестве обвиняемых по одному из дел, расследуемых Варшавской прокуратурой и Центральным антикоррупционным бюро. Роберт М., ссылаясь на свои знакомства с влиятельными людьми, обещал выступить посредником в решении ряда вопросов, за что в качестве вознаграждения должен был получить килограммовый брусок золота стоимостью 130 тыс. злотых». (*«Жечпосполита»*, 9 сент.)

» «Сегодняшняя стратегия католических иерархов мало чем напоминает пастырскую заботу о состоянии веры в современном обществе. Разговоры о верховенстве Божьего закона над человеческим — всего лишь видимость. На первый план выходит борьба с... католическим фундаментализмом. Но это борьба за души человеческие. Борьба за умы истинно верующих, тех, кто готов беспрекословно подчиниться словам настоятеля и постулатам веры. (...) Укрепив свое экономическое положение и политическое влияние, на что ушли годы, Церковь заметила, что ее главным капиталом остаются верующие, пусть даже это исключительно люди правых взглядов. Не останется овечек — Церковь обанкротится», — Томаш Минцер. (*«Газета wyborча»*, 5 авг.)

» «Полковник Кшиштоф Олкович, начальник тюрьмы в Кошалине, заплативший 40 злотых штрафа за арестанта, укравшего вафельку, стоившую 99 грошей, признан виновным. На Олковича донесли его же подчиненные, которым не понравилось, что полковник помог заключенному. Человеку, совершившему кражу, неуплаченный штраф заменили на пять дней ареста. Начальник тюрьмы беседовал с заключенным, и выяснилось, что мужчина болен шизофренией и вдобавок официально признан недееспособным, так что Олкович решил заплатить штраф за него. Суды обеих инстанций в Кошалине признали, что Олкович совершил противоправное действие,

однако наказание ему назначено не было». (по материалам *«Газеты wyborчей»* и *«Жечпосполитой»* от 10 сент.)

» «Прокуроры продолжают закрывать дела о призывах к насилию на почве расовой ненависти — бьют тревогу ассоциация «Открытая республика» и 56 других общественных организаций». (*«Газета wyborча»*, 18 сент.)

» «После Второй мировой войны приветствие, выражающееся в поднятии вперед и вверх правой руки, повсеместно трактуется как пропаганда фашизма — признал во вторник суд, приговорив двух националистов из Белостока к 150 часам общественно-полезных работ». (*«Газета wyborча»*, 10 сент.)

» «Он был моим знакомым по Фейсбуку. (...) Когда в мае ему исполнилось 27 лет, я по-польски пожелал ему — он знал польский, родом был из Моршина возле Стрыя, а жил во Львове — чтобы он благополучно вернулся домой, к матери и невесте. (...) В минувшее воскресенье я узнал, что Тарас Бульба погиб в «Иловайском котле». (...) После февральских событий в Киеве это была уже вторая массовая гибель сторонников Майдана, только теперь уже потери исчислялись несколькими сотнями человек. (...) Тарас, пусть украинская земля, которую ты защищал от российского безумия, будет тебе пухом. Пусть твоя смерть не окажется напрасной. Вечная память тебе и твоим товарищам. Вы защищали не только Украину, но и всех нас», — Войцех Пенчак. (*«Тыгодник повсехний»*, 7 сент.)

» «Пылает Донецк, пылают Ирак и Сирия, пылают Газа. Можем ли мы представить себе русские танки в Киеве? Теперь уже да. И в Риге тоже. А в Вильнюсе? (...) А фотографии горящей Варшавы в год господень 2016? (...) У нас пока еще мир, но это мир с видом на войну. (...) Оцепеневшее, загипнотизированное общество ничего не боится, потому что ни о чем не хочет слышать. (...) Нет идей, нет лидеров, нет ни веры, ни дисциплины. Нет гражданского общества. (...) Есть лишь кредиты, несколько отпускных фотографий да умничающая малышня. (...) Так выглядит мир перед катастрофой. (...) Над горизонтом уже алеет зарево большого пожара», — Ян Хартман. (*«Политика»*, 3–9 сент.)

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Хорошим выдался год, который мало-помалу уже идет к концу. Хорошим хотя бы для тех, кто любит юбилеи — эти неотъемлемые от нашей жизни празднования годовщин. На сей раз — как из рога изобилия: 100 лет с начала Первой мировой войны, 75 лет с начала Второй мировой войны (я, разумеется, помню, что для русских война началась несколько позже, да и пакт Молотова—Риббентропа, согласно которому можно избавиться от несносного этого, как говаривал советский министр, «уродливого детища Версальского договора», — всего лишь эпизод), 75-летие Варшавского восстания и, наконец, чтобы не затягивать, 25 лет падения Берлинской стены, о которой всего лишь за месяц до того товарищ Хонеккер сказал, что она и 100 лет простоят. Наверное, можно найти еще немало круглых дат, но я остановлюсь лишь на одной: 25-летию назначения Тадеуша Мазовецкого на должность премьера. Первого некоммунистического премьер-министра от Эльбы до Камчатки после Второй мировой войны! Да, это нечто!

Правительство Мазовецкого не только нарушило, словно бы не считаясь с 200 тысячами советских войск в ГДР и 50 тысячами в Польше, status quo, но и, что самое важное, стало автором наиболее радикального социального эксперимента XX столетия. Сущность этого эксперимента лучше всего отражает популярный четверть века назад анекдот: известно, как сварить из аквариума с рыбками уху, но пока еще никто не пробовал сделать обратное — превратить уху в аквариум. Об этом говорит экономист Григорий Явлинский в интервью, озаглавленном «Московский десант в Варшаве» («Газета выборча», № 212/2014): «Когда в Варшаве начиналась программа экономических перемен, я в Москве руководил группой экспертов Совета Министров, работавшей над нашим планом реформ. (...) Я сказал вице-премьеру Леониду Абалкину: «Отправьте меня в Варшаву. Надо посмотреть, как они это делают, а не выдумывать все самим». Через два дня он мне сообщил, что есть поручение Горбачева. (...) Москва хотела нашими глазами увидеть, как изменяются цены, как рынок наполняется товарами, как удовлетворяется спрос. Насколько рыночное предложение отвечает спросу. (...) Я ежедневно составлял доклад о переменах на финансовом рынке, о ценах, торговле, спросе, предложении». Далее Явлинский говорит о результатах этой разведки и содержании своей работы как советника властей: «О, советов я давал много. Прежде всего, что у нас необходимо провести либерализацию цен. Только ни в коем случае не так, как в Польше. (...) Потому что в Польше была одна принципиальная вещь, которой у нас не было, — индивидуальное сельское хозяйство, частная инициатива в области ремесленничества и торговли. И как только появился свободный рынок, сразу появилась конкуренция. А у нас ничего подобного не было. У нас освобождение цен означало бы полную свободу монополистов. А это сразу привело бы к гиперинфляции. (...) В 1991 году у нас осуществили либерализацию цен, не ликвидировав монополии. Что получилось? Гиперинфляция — 2 600%. (...) Была у нас также «приватизация». А как проводить приватизацию, если из-за гиперинфляции деньги были практически ликвидированы как таковые? (...) У нас не хотели иностранцев. Так что единственным выходом была раздача национального имущества друзьям — так и сделали. Проводили криминальные торги под залог и даром, мошенническим путем раздали все молодым людям, которые в один день стали крупными бизнесменами. И в тот самый момент у нас ликвидировали, причем навсегда, легитимность частной собственности».

В опубликованном параллельно интервью с Даниэлем Фридом, бывшим послом США в Польше, также идет речь о шансах польского эксперимента: «Большинство американских политиков и дипломатов предполагало, что у поляков не получится. (...) Я сидел в кабинете, было девять или десять вечера. Неожиданно мне пришло в голову, что, возможно, Ялта и 1945 год — это не навсегда, что, возможно, полякам удастся повернуть ход истории. Наверное, это была, скорее, надежда,

нежели уверенность. Так или иначе, эта мысль была столь безумной, что я сам удивился... (...) Практически весь истеблишмент в Вашингтоне не верил в его [Тадеуша Мазовецкого] успех, но это был единственный шанс, чтобы проверить на практике саму возможность трансформации. Решение принимал лично президент Джордж Г.У. Буш, а ранее к нему его склоняла Кондолиза Райс, которая тогда была шефом бюро по делам СССР и Восточной Европы в Совете национальной безопасности. (...) Споры внутри администрации по вопросу, как реагировать на события в Польше: оказать ли мощную поддержку «Солидарности», занять ли более осторожную позицию, — разгорелись несколькими месяцами раньше, весной. Это, кстати, были первые месяцы президентства Буша. Он сам решил: идем ва-банк, ставим на «Солидарность». Несмотря на сомнения. (...) Конечно, мы имели тогда дело в Кремле с Горбачевым, а не с Путиным, что было счастливым обстоятельством. Но в Белом доме было принято решение не рассматривать Польшу сквозь призму нашей политики в отношении СССР, а подойти к ней индивидуально, приоритетно».

Получилось. Конечно, ничего бы не вышло, если бы не тот факт, что мы попали тогда в своего рода историческую лауну: Россия была занята собой после распада Советского Союза, Германии было довольно забот, которые принесло объединение страны, так что, благодаря помощи США, имелся шанс поставить экономику на ноги. Хотя реформы Бальцеровича и оказались, без сомнения, шоковой терапией, но одно, кажется, сомнению не подлежит: решения необходимо было принимать немедленно, с полным сознанием их необратимости. Сегодня, четверть века спустя, Бальцерович, творец той экономической реформы, в интервью, озаглавленном «Будем следить за политиками», опубликованном в «Политике» (№ 37/2014), обращает внимание на нынешние проблемы: «Этатистский тренд силен повсюду, даже в Соединенных Штатах. Только там противоположный вектор — гражданственности, свободы. Поэтому Штаты еще не полностью уподобились Франции или Италии. Атака этатизма осуществляется группами двух типов. Одни руководствуются собственным интересом, хотя никогда об этом открыто не скажут. Они просто хотят от государства больше денег или большей защиты от конкуренции, что в конечном итоге тоже пересчитывается на деньги. (...) Группы второго типа — идеологические этатисты. Среди них немало интеллектуалов и много польских политиков, которые видят в государстве божество или демонизируют свободный рынок. Я не испытываю ни малейшего уважения к моральным и интеллектуальным качествам таких людей». Бальцерович, понятное дело, ставит на всеохватную, глубокую приватизацию, однако указывает на исключения: «Существуют такие блага в экономике, называемые общественными благами, которые по самой своей природе финансируются государством, поскольку речь не идет об индивидуальной окупаемости. Но их совсем немного. Это, конечно, национальная оборона и, до определенных границ, сфера права. Но производством оружия уже не обязательно должно, как в Польше, заниматься государство. (...) Полиция по своей природе — государственная организация, однако у нас уже в два раза больше частных охранников, чем полицейских. (...) Если из бюджета финансировать блага сугубо общественные, то расходы не превышали бы 5–10% ВВП. А в Польше они составляют 43–45%. Вся эта разница приходится на социальные расходы. (...) А именно социальные государства, разросшиеся и плохо организованные, под лозунгами благотворительности порождают людей, зависимых от пособий. Если у кого-то есть возможность легко получать вспомоществование, причем долгое время, он теряет способность работать. А вновь обрести после этого способность к работе очень трудно. И что еще хуже — это передается детям. Самое плохое, что можно сделать для бедняков, — это мешать предпринимателям создавать рабочие места, а у работников отбить желание работать».

Здесь следует отметить чрезвычайно важный, по моему глубокому убеждению, момент: экономическое мышление — это не только оперирование цифрами; оно должно иметь общегуманистическое измерение. Указывая негосударственные источники поддержки людей, оказавшихся в трудной ситуации, Бальцерович подчеркивает: «Во-первых, семья и друзья. Люди не должны быть свободны от моральных обязательств. А разрастание государства-благотворителя влечет за собой снижение чувства обязанности помогать другим. Какая-то минимальная социальная помощь нужна, но краткосрочная (...). Если кто-то думает, что щедрое государство должно в этом качестве разрастаться, то он не замечает негосударственных механизмов решения человеческих проблем, то

есть огромного потенциала семьи и гражданского общества (...). В бескорыстной помощи оказавшимся в беде людям эти институты не заменит никакое государство». И, наконец, Бальцерович делает вывод: «В заключение я хочу еще раз особо подчеркнуть — не может быть хорошего государства без сильного гражданского контроля. Необходимо действовать систематически и упорно. (...) В Польше все еще слишком много жалоб и снобистической моды на «аполитичность», то есть полную пассивность по отношению к демократической политике».

А вот пример, далекий от такой пассивности, — старейшина польской журналистики Стефан Братковский, уже несколько десятилетий, еще со времен ПНР, выступающий за возрождение кооперативного движения, то есть такой формы гражданской активности, которая замечательно объединяет экономику и мораль. В интервью, озаглавленном «Сообща», на страницах ежедневника «Газета wyborcza» (№ 213/2014) он обращается к прежним достижениям польской кооперации, отмечая доминирующую роль экономической компоненты: «Кооператоры действовали так же, как и капиталисты. И делали это из разумно понимаемого эгоизма. Они не были филантропами. Повторю: это никоим образом не был протест против капиталистического общества или экономического строя. Это был способ хозяйственной деятельности, основанный на объединенной индивидуальной активности». А ранее он подчеркнул: «Сейчас превалируют иждивенческие настроения. Государство должно дать. Общество должно позаботиться. Но от угнетения можно освободиться только тогда, когда ты действуешь самостоятельно». И далее: «Я не призываю к революции, я призываю к сотрудничеству».

Это интервью сопровождается статьей Адама Лешинского «Общее не значит ничье». Автор пишет: «Либералы (...) без доверия относились к тому, что общее, хотя по совершенно иным, чем коммунисты, причинам. Целью предприятия должна быть частная прибыль. Если кто-то хочет удовлетворить свои потребности, он должен за это заплатить — и тогда свободный рынок предоставит ему соответствующие услуги. В этой либеральной утопии (а то, что это была утопия, после 25 лет свободного рынка уже, пожалуй, никого не надо убеждать) не было места для кооперации. Любой коллективизм ассоциировался со старым режимом. Либералы, конечно, ничего не навязывали — все же не коммунисты, — однако интеллектуальный и моральный настрой эпохи был однозначным: общество, основанное на частной собственности, — это лучшая форма социального устройства. (...) Героем новой эпохи был бизнесмен, работающий «на своем», а не кооператор или даже менеджер предприятия, являющегося общественной собственностью. Важным было не то, что общее, а то, что частное (...). В логику сегодняшнего капитализма кооперация не вписывается. Продолжает существовать в разных нишах, но никто в ней не видит лекарства от слабостей демократии и свободного рынка. Таким образом, мы утратили важную часть польской политической традиции, в ее наиболее демократическом издании. Быть может, однако, что после очередного кризиса свободного рынка кто-то стряхнет пыль с этих старых книг. Они ждут».

Для начала хорошо бы обратиться к сборнику довоенных репортажей из балтийских стран (Финляндии, Латвии и Эстонии) Марии Домбровской. Она указывала на достоинства кооперации, что, впрочем, неудивительно, ведь Домбровская воспитывалась под знаком социализма — не марксистского толка, а в интерпретации таких людей, как Эдвард Абрамовский или Людвик Кшивицкий. Так что имеет смысл задуматься: следует ли категорически противопоставлять кооперацию и свободный рынок? По моему убеждению, не следует. А следует, напротив, развивать кооперацию, которая, не говоря об экономических достоинствах, имеет шанс стать одним из тех институтов общественной жизни, которые создают «негосударственные механизмы решения человеческих проблем», о чем упоминает Бальцерович. Особенно же следует это делать в преддверии очередного юбилея — 110-ой годовщины издания во Львове забытого ныне труда Эдварда Абрамовского «Социализм и государство. Прологомены к критике современного социализма».

Войцех Мазярский

ДИНОЗАВРЫ МАШУТ ХВОСТАМИ

Важная вещь — символы. Распознавать их и отождествлять себя с ними учатся уже с малых лет. Поляки в детских садах декламируют: «Кто ты? Маленький поляк. Орел белый — вот мой знак». Венгры еще шнурки толком не научатся завязывать, а уже знают, что «красный, белый и зеленый — то венгерская земля» (по-венгерски это звучит намного лучше и ритмичней). Наверное, у каждого народа есть такие стишки для дошкольников. Что впитает в детском саду — то до старости останется в памяти и в сердце.

Когда рухнул коммунистический блок, приобретенное в детстве знание отозвалось в головах людей. Народы Центрально-восточной Европы бросились отменять знаки навязанной им идеологии и возвращать собственные символы. Все народы без исключения.

Поляки отдали орлу корону. Венгры убрали с флага стандартный веночек из колосьев, глядевший с гербов многих стран, и вернулись к прежнему гербу с короной св. Стефана, украинцы достали из тайных схронов трезубец и желто-голубой флаг, белорусы вспомнили про исторический герб «Погоню» и бело-красно-белое знамя (позже Александр Лукашенко отменил эти символы и придумал собственные, но это уже совсем другая история). А русские выбросили на свалку истории красное знамя и звезду, вернув флаг-триколор и двуглавого орла.

Толпой отправились в изгнание те, чьи имена носили заводы, улицы, города, воинские части и колхозы. Дороги заполнили колонны марширующих в небытие Лениных, Дзержинских, Готвальдов, Берутов и прочих строителей мира, в основе которого лежало порабощение.

Творилось это в те времена, когда Фрэнсис Фукуяма за океаном провозглашал по-детски наивные тезисы о конце истории, и — о чудо — весь мир покупался на это. Мы тоже.

Некоторое время казалось, что в Центрально-восточной Европе воцарится идиллия. Что, может быть, мы и будем спорить о текущей политике и сиюминутных экономических выгодах, но над нами перестало тяготеть проклятие исторических антагонизмов и имперских appetитов. Поэтому наши символы уже не нацелены взаимно друг на друга.

Прошло несколько лет, и мы уже знаем, что история вовсе не закончилась. Скорее, она описала круг и догнала нас в тот момент, когда мы меньше всего этого ожидали. Мы все застигнуты врасплох, каждый по-своему. Мы переживаем шок, осознавая, что на свет выползают твари, которых мы считали давно вымершими. Динозавры ожили. Они здесь, машут хвостами и радостно скалятся нам.

Каждый раз, когда до меня это доходит, я удивляюсь. Последний момент изумления я пережил 22 сентября, когда услышал, что расположенной под Москвой дивизии войск МВД присвоено прежнее название. Она вновь может гордиться именем Феликса Дзержинского, основателя большевистской тайной полиции, архитектора аппарата террора.

А режиссер Вальдемар Кшистик наверняка осознал это в тот момент, когда узнал, что его новый фильм — триллер «Фотограф» — не будет показан в России. В нем играет масса российских актеров, в т.ч. Александр Балувев, Дмитрий Ульянов, Алена Бабенко, Марат Башаров, Татьяна Арнтгольц. События происходят в Москве, а следы интриги ведут в прошлое, в польский город Легницу, где во времена коммунизма базировалась Советская армия.

«Я узнал, что это антироссийский фильм, — рассказывает в интервью интернет-порталу gazeta.pl ошеломленный режиссер. — Я говорю, наверное, антисоветский, а они жестко, мол, сцены из 70-х оскорбляют историю России, так как это было время славы, и оно не может сегодня быть мишенью критики».

«Россия так и не назвала злом то, что происходило в Советском Союзе», — заключает удивленный Кшистик.

Россия? Всё же, наверное, не вся Россия. В воскресенье 21 сентября смотрю телерепортаж с московской антивоенной демонстрации. Многотысячная разноцветная толпа, море голов и лес флагов — украинских и российских. Желто-голубых и трехцветных, бело-сине-красных. Они развеваются рядышком, согласно и радостно, как в детски-наивные 90-е годы. Жаль, не видно среди них польских. Они бы подошли для комплекта.

Да, символы — это важная вещь.

Данута Данек

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОЛЬСКИЙ ЧЕХОВ ВРЕМЕН РОМАНТИЗМА

О Станиславе Моравском

■ Особая судьба рукописей

Похоже, что сложно найти писателя, судьба которого сложилась бы так неудачно из-за того, какая участь постигла его рукописи. Слегка изменив латинскую сентенцию «habent sua fata libelli» (книги имеют свою судьбу), мы можем утверждать, что формула «особая судьба уготована творчеству некоторых» с редкой точностью описывает горький, можно даже сказать, трагический жребий, выпавший на долю рожденному в 1802 году в Мицкунах под Вильно, а умершему в 1853 году в семейной усадьбе в литовском Устроне Станиславу Моравскому.

Кто сегодня вообще его знает? Кроме немногих занимающихся творчеством Адама Мицкевича историков литературы? Им он интересен, потому что принадлежал к кругу друзей Мицкевича и должен был, как сам пишет в своих воспоминаниях, «просватать» его с дочкой Марии Шимановской, с которой когда-то был дружен. Кроме того Моравский снабдил биографов поэта разными деталями относительно петербургского салона

Марии Шимановской, где постоянным гостем, так же как и он сам, был в начале двадцатых годов XIX века Мицкевич.

Кто сегодня им восхищается? Кто обращается к его творчеству не только в поисках бытовых деталей, но потому, что ценит его как писателя? Можно найти о нем пару отзывов как о авторе прекрасного дневника, и лишь в одном месте — и это были единственные слова признания такого рода, которые мне удалось найти у современных литературоведов — была отмечена особая изысканность его психологических наблюдений (но только при описании любовных переживаний).

Писательским мастерством Станислава Моравского, впрочем, кое-кто все же восхитился, но случилось это сто лет назад. Это был Винцент Лютославский. Когда в двадцатых годах прошлого века напечатали несколько текстов Моравского, он сразу же приветствовал эту первую публикацию статей под названием «Неизвестный великий писатель».

Именно так, как он нечаянно предсказал, и получилось. Неизвестный. Этот великий писатель по-прежнему неизвестен — и видимо, останется таким навсегда.

Из-за того, что произошло с его рукописями.

Однако вначале все же стоит сказать несколько слов о самом Станиславе Моравском.

Он был сыном (сыном нежеланным и всю жизнь за это расплачивающимся) богатого, образованного, принятого в свете и пользующегося прочным положением в обществе шамбеляна короля Станислава Августа. Мальчик рано потерял мать. Отец развелся с ней в результате каких-то интриг, а вскоре после этого она умерла. Согласно воле отца он выучился на врача, получив медицинское образование в Виленском университете, который в те времена пользовался заслуженным престижем. Принимал участие в молодежных союзах и необычайно бурной светской жизни Вильно. Он считался самым привлекательным молодым человеком в городе — бывало, когда он проходил по улице, из окна ему бросали розы. Когда он окончил университет, отец велел возвращаться в Уст-

роне, в родную усадьбу в Литве, где Моравский, бесконечно страдая от постоянных издевательств отца, нашел, по его собственным словам, «неисчерпаемый источник добра, которое можно творить своим ближним» в медицинской практике. Он лечил, не только не взывая никаких оплат, наоборот — снабжая необходимыми лекарствами все население в окрестности: «еврей, цыган, мужик, дворянин, ксендз, мещанин, все те, кто жили в округе, все получили мою помощь, всем нес я спасение». Так продолжалось пять лет.

Спустя пять лет Моравский, как сам он пишет, «измученный неволей и убийственным деспотизмом отца», носящийся с идеей самоубийства, смог все же освободиться из этой неволи и уехал в далекий Петербург, где с тех пор зарабатывал на жизнь медицинской практикой.

Вращаясь в польском обществе Петербурга, в том числе в кругу давних виленских друзей, он как врач наблюдает многих, среди них и недомогающего тогда Мицкевича, и Франтишка Малевского, мужа старшей дочери Марии Шимановской Хелены, которому он — как свидетельствуют записи из «Дневника» Хелены — похоже, спас жизнь. Можно предполагать, что врачом он был прекрасным и весьма передовым. Своим выздоровлением обязаны ему трое маленьких детей молодой и несчастной (из-за навязанного ей брака) Марии Мюллер, которая вскоре стала самой большой, в некотором смысле единственной любовью Станислава Моравского. Любовью, в которой он никогда не признался. А одной из спасенных им тогда девочек была двухлетняя малышка, ставшая позднее женой Станислава Моношки.

Моравский, видимо, был еще и очень самоотверженным врачом, он постоянно занимался благотворительной деятельностью. В том числе и в Петербурге. Когда в отдаленных районах России вспыхнула эпидемия холеры и он получил правительственное распоряжение отправляться туда вместе со специальной комиссией, что было воспринято как ссылка на верную смерть, его отъезд оплакивали не только друзья, среди которых была и Мария Шимановская, которая приехала к нему на квартиру, «заливаясь слезами», но и «бедные и бородатые лакеи и кучера». Моравский, однако, вернулся целым и здоровым. И вскоре стоял уже при смертном ложе Марии Шимановской. Это она, в Петербурге, умерла от холеры.

Вскоре Моравский отправился в Париж, чтобы получить какое-то наследство, оставшееся после умершей родственницы. Именно там, встретившись с Мицкевичем, он собирался сосватать его осиротевшей Целине Шимановской, находящейся в Варшаве на попечении бабушки и дедушки.

После смерти отца он возвратился в полученное по наследству Устроне, чтобы позаботиться о болеющей мачехе (он писал о ней как о «единственном человеке, который остался у меня на свете»). Когда спустя четыре года она умерла, и он остался совсем один, Моравский отправляется в Варшаву. Через год ему пришлось вернуться, оказалось, что имению нанесен серьезный ущерб, «пока меня не было, имение обокрали и разорили конторщики». К тому же выдался очередной неурожайный год, а вдобавок вновь были изданы административно-экономические указы, усугубляющие и без того сложную ситуацию землевладельцев тех мест. Моравский, который собирался продать Устроне и вернуться в Петербург, почувствовал себя в ловушке, он прочно застрял в своей глухой литовской деревне: «продающих тут множество, покупающих — ни одного».

Тогда он погрузился в хозяйственные хлопоты, занялся управлением разоренного имения, кормил — поскольку свирепствовал голод — из собственных скромных запасов крестьян из принадлежащих ему окрестных деревенок. В Устроне Моравский оказался в полном одиночестве: «Меня окружают сплошь темные люди, они охотятся, пьют, распускают сплетни, вдаются в бесконечные тяжбы, ссорясь из-за горсти бобов, не заботясь ни о чем, кроме сегодняшнего дня, причем предмет этой заботы — чтоб на столе была каша и свекла к обеду; они обманывают в карты и при первой же okazji посмеются над родным отцом или братом, словом Содом и Гоммора». Напрасно он пытается найти отдушину и духовную поддержку в переписке с поселившимся в Петербурге действительным статским советником Франтишком Малевским и его женой Хеленой Шимановской. Ему казалось, что это единственные его друзья. Но и тут его уделом было горькое разочарование. Именно тогда, страдаемый потребностью в настоящих межчеловеческих связях, он начинает писать. Не только письма, на которые ему так редко отвечали. Он начинает писать воспоминания. Однако пишет их

Родовая «лиственничная усадьба» Станислава Моравского в Устроне (ныне Юндилишкес), приблизительно в 80 км от Вильны. Вторая половина XVIII века.

в стиле, который в очередном письме к почти не отвечающему ему Франтишеку Малевскому (да, не смотря ни на что, он по-прежнему продолжает писать ему), определяет словами, делаю это так, «как будто пишу письмо Тебе». Между ними не было настоящей связи, потому что не было взаимности. Но была связь воображаемая.

Почти все писательское наследие Моравского, который с тех пор подписывал все, что написал псевдонимом Отшельник, появилось в течение этих нескольких лет одинокой жизни в Устроне. После его смерти рукописи перешли к одному из родственников, унаследовавшему имение, потом оказались у Владимира Спасовича, а потом — в Варшавской библиотеке ординации Красинских. И здесь — в пожарах Варшавского восстания — они сгорели. Вместе с собранными со всех варшавских библиотек наиболее ценными коллекциями.

Однако до того, как это случилось, в двадцатые годы прошлого столетия вышли в свет три публикации, содержание которых, по словам издателей Адама Чартковского и Хенрика Мосцицкого, было «почерпнуто» из рукописей Моравского, хранящихся на тот момент в библиотеке ординации Красинских. Вот только при подготовке этих публикаций произошло нечто в издательской практике совершенно невиданное.

Дело даже не в том, что издатели, выбирая из рукописей тексты для печати, одни из них отбрасывали, другие включали в сборники, руководствуясь при этом лишь собственным вкусом и искажая тем самым образ автора. А теперь текстов, которые они забраковали, просто нет. И искаженный образ автора останется таким навсегда. Хуже всего то, — и именно это совершенно неслыханно — что со всеми опубликованными текстами издатели делали все, что им заблагорассудилось. И напечатали их в таком виде. А оригиналов уже нет. И вернуться к авторским, первоначальным вариантам уже нельзя.

Вначале, в 1924 году, вышел том дневников Моравского, озаглавленный «Несколько лет моей молодости в Вильне (1818–1825)», в заглавии издатели пропустили слова «Дневники Отшельника»¹.

Потом было напечатано собрание его воспоминаний и других текстов под общим названием «В Петербурге»², а в 1929 году вышел том, где лишь заглавие «Братья-шляхта» принадлежало перу Моравского³.

А вот как издатели оправдывали то, что из рукописей Моравского они выбрали для публикации именно эти фрагменты:

Наиболее важной была для нас та часть его рукописного наследия, которая содержит дневники и воспоминания, то есть «Несколько лет моей молодости в Вильни», «Воспоминания» и «Братья-шляхта». В них содержится столько интересных фактов, такое богатство человеческих типов, такой выразительный образ общества, в котором жил автор, что нам и в самом деле пристало считать, что это одни из лучших польских дневников⁴.

«Наиболее важной была для нас...» А для кого собственно? И на каком основании? Значит, в основе выбора лежат личные пристрастия, вкусы, интеллектуальные горизонты и оценки издателей? Издателей, которые часть наследия из этих своих личных соображений просто исключили?

Из предисловия к тому «Братья-шляхта» следует, что дела обстояли еще хуже, потому что наследие это еще и исказили:

Рукопись, о которой идет речь, представлена тут лишь частично. Многие размышления и рассуждения автора утратили ныне свою былую актуальность и живую ценность. Опустив все фрагменты такого рода, мы публикуем лишь то, что можно считать существенными воспоминаниями автора дневников.

Мы позволили себе также несколько переставить материал в первой части. Прежде всего мы ввели заглавие, которого не было в оригинале; далее — выбрав из этой части все, что по нашему мнению заслуживало печати, мы отказались от авторского деления на разделы, сделав это по-своему, причем третий раздел складывается из фрагментов, которые в оригинале предшествовали первому и второму разделам. Поступили мы так, чтобы дать читателю возможность ознакомиться со всем произведением и не утомлять его слишком длинными морализаторскими рассуждениями автора, хотя в общем и целом они вполне рассудительны и остроумны. Заглавия второго и третьего разделов этой части тоже добавлены нами. Во второй части мы пропустили лишь три раздела (в оригинале их двадцать) и некоторые абзацы из отдельных разделов. Последовательность разделов и их заглавия в этой части приведены в соответствии оригиналом.⁵

Как оказалось — и это еще не все.

Короче говоря, из Моравского сделали совсем другого писателя, чем тот, которым он был на самом деле. Во всяком случае, его до сих пор воспринимают не как писателя, а всего лишь как автора дневников. В библиографии польской литературы «Новы Корбут» рядом с фамилией Моравского стоит именно такая пометка — «автор дневников».

Тем временем Моравский, записывающий свои мысли в уединенном имении, затерявшемся среди наднеманских полей и лесов, чем-то напоминает Монтеня, размышляющего в полном одиночестве на башне родового замка о себе и людях, о мире и вселенной. Есть в нем что-то и от Шатобриана, воспоминания которого написаны с позиции человека глубоко несчастного с самого своего рождения, человека, для которого колыбель, как он выразился, была отчасти гробом. Так мог бы сказать о себе и Моравский, который в детстве был ребенком нежеланным и нелюбимым, а остаток жизни провел в одиноком, затерянном среди лесистых холмов домике садовника, разводя саженцы и ухаживая за деревьями («это моя семья, другой у меня нет»). Так же, как Моравский в своем Устроне, Шатобриан разводил цветы, находя в этом занятии отраду и удовольствие.

А ведь Моравский писал не только воспоминания, близкие, впрочем, литературному жанру «философского трактата», что видно даже по оставшимся после издательских сокращений фрагментам. Писал он и художественную прозу (о чем чуть позже), и небольшие сатирические сценические произведения (у него было блестящее, острое перо), и стихи. Писал социально-политические трактаты, продолжая давнюю польскую традицию и придавая гражданскую направленность своим литературным трудам в ехидном духе виленских «Шубравцев» (пройдох, бездельников)⁶ и их сатирического еженедельника «Вядомосьци брукове» (Уличные известия). Писал он и историко-краеведческие трактаты

(обширный текст «От Мереча до Ковна. Записки Отшельника»). Как типичный представитель эпохи романтизма Моравский собирал местный фольклор.

Но прежде всего интересовали его психологические тайники человеческого сознания («Я похоже отступил от сути повествования, но ведь с психологической точки зрения поразительно, что...»). Поэтому против продемонстрированного довоенными издателями отношения к Моравскому как к автору всего лишь насыщенных забавными случаями дневников сразу же, еще в 1925 году, выступил Винценты Лютославский. Он утверждал, что Моравский проявляет себя как великий писатель «не только в качестве автора дневников (...), но и как моралист и психолог, с проницательной интуицией показывающий укрытую под видимостями действительность, блестяще рисующий картину внешних обстоятельств, но при этом дающий глубокий анализ внутренних движений ума и сердца».⁷

Однако из-за того, что довоенные издатели исказили творчество Моравского, а его рукописи развеялись с дымом, этого великого писателя мы уже никогда не узнаем. И будем по-прежнему следом за Жеромским жаловаться, что наша литература занималась только польской душой, не принося существенных художественных открытий в области души человеческой...

■ Рукопись найденная в Париже

И все же одна важная рукопись, опубликованная в значительно сокращенном и изуродованном виде в томе «В Петербурге», сохранилась. Ее нет в послевоенных библиографических справочниках, поскольку она находилась не в Варшавской библиотеке ордена Крестов, а в Париже — в музее Адама Мицкевича, где и хранится до сих пор в Польской библиотеке. Это IV тетрадь «Воспоминаний» Моравского, посвященная Марии Шимановской. Впрочем, эта позиция давно уже присутствует в каталоге рукописей Музея Адама Мицкевича⁸, просто при составлении библиографических справочников никто не обратил на это внимания.

Рукопись после смерти Моравского согласно его воле была передана проживающей в Петербурге дочери Марии Шимановской Хелене, а ее дочь вышла замуж за Владислава Мицкевича и переехала из Петербурга к нему в Париж. Таким образом рукопись обогатила коллекцию семейных реликвий, которую собирал сын Мицкевича.

К счастью, в парижском музее Адама Мицкевича сохранились также письма Моравского к Хелене и Франтишеку Малевским, относящиеся к последнему периоду его жизни в Устроне⁹.

Представившаяся исключительная возможность сравнить опубликованные воспоминания Моравского о Марии Шимановской с авторской рукописью наглядно демонстрирует как характер, так и размеры бедствия, вызванного вмешательством издателей в обе опубликованные версии. Фрагменты этих воспоминаний сначала вышли в варшавском журнале «Атенеум»¹⁰, потом в более полной редакции они вошли в том «В Петербурге». В обоих случаях, кроме того, что даже в опубликованных фрагментах редакторы, как правило, никак не обозначили многочисленные пропуски и поправки, они еще и полностью исключили из обеих публикаций рассуждения автора о музыке, о человеческой душе и о творческом начале мироздания, составляющие примерно треть рукописи. Зато оставили забавные бытовые зарисовки. Случай из жизни. Таким образом вне нашего внимания оказался своеобразный романтический трактат о музыке, о существовании которого мы до сих пор не подозревали¹¹.

Впрочем, это не все, чего мы не знали о содержании воспоминаний Моравского о Марии Шимановской. Написанные в 1849 году они впервые полностью опубликованы на основе уцелевшей рукописи и с соблюдением общепринятых издательских норм¹². О ценности этих воспоминаний может составить себе представление любой желающий. Однако оценка остального литературного наследия Моравского, не ограничивающегося одними воспоминаниями, по-прежнему в большей мере остается в области домыслов и догадок.

■ Унесенные в могилу рассказы

Кто-то когда-то сказал, что художник большую часть своего творчества забирает с собой в могилу. Будучи не в состоянии осуществить всех своих планов и замыслов.

Из различных источников, из разрозненных упоминаний, которые мелькают в опубликованных до войны, расчлененных и деформированных текстах Моравского мы знаем, что он писал много, и многое уничтожил. «Если бы случайно, вопреки своему обычаю, я эти каракули не сжег...» — так начинается фрагмент, которым издатели тома «В Петербурге» открывают опубликованные в нем «Воспоминания Отшельника», как обычно без указания источника. Видимо, это обрывок из авторского вступительного слова. Упоминания о сожженных рукописях встречаются в письмах Моравского к Хелене Малевской. О многом свидетельствует и заметка, оставленная под его рассказом «Первое полугодие лекарской жизни»:

Я написал это в 1831 году в Петербурге.

Переписал из старой пожелтевшей и потрепанной тетради в 1850 году 15 марта в Устроне и, похоже, зря я это сделал. Надо было сжечь...

К сожалению, не известно является ли это многоточие выражением некоей эмоции автора или же это знак вмешательства издателей, которые, не поставив квадратных скобок, как это делается теперь, таким — только себе понятным способом — дают нам знать, что продолжение этой записи в печати пропущено. Потому что именно так, в чем я убедилась, сравнивая опубликованный ими текст воспоминаний о Марии Шимановской с рукописью, они постоянно и поступали, вводя читателей в заблуждение. Может в этом продолжении, если оно было, Моравский упомянул и о других рассказах, записанных в той черновой тетради?

Чартковский и Мосцицкий опубликовали в томе «В Петербурге» два рассказа Моравского. В сноске они отметили:

Рассказы «Месть врача» и «Первое полугодие лекарской жизни» мы подготовили к печати, пропуская менее интересные фрагменты, способные нагнать на читателя скуку, кроме того мы отказались от деления на разделы.

То есть как обычно для издательской практики этих редакторов — да здравствует полная свобода и произвол! Из опубликованного во вступительном слове к тому «Несколько лет моей молодости в Вильни» списка рукописей Моравского мы можем почерпнуть сведения, что авторское загла-

вие первого из названных тут рассказов звучало несколько иначе: «Невинная месть врача», а не «Месть врача». Второй рассказ был написан более чем двадцать лет спустя: «Я написал это 4 марта 1850 года». Стало быть, в Устроне Моравский вновь начал писать рассказы? Или он написал тогда только один рассказ?

Все эти пропущенные «менее интересные фрагменты, способные нагнать на читателя скуку» (на читателя, то есть на обоих издателей) могли быть того же класса, что и исключенные ими из воспоминаний о Марии Шимановской рассуждения о сущности музыки, природе человеческой души и гармонии космоса. (Добавлю, что в том же примечании издатели информируют, что «в воспоминаниях о Олешкевиче пропущены рассуждения автора на тему живописи как таковой»). Может быть, это были наиболее ценные, смелые как на свое время психологические нюансы. Высокохудожественное, новаторское проникновение вглубь души человеческой, если вновь воспользоваться известной формулировкой Жеромского. Нечто, что открылось Моравскому за годы врачебной практики благодаря свойственному ему, как выражался он сам, духу наблюдения.

Обоснованием для таких предположений может послужить то, что все же уцелело в обоих рассказах после издательской чистки. И то, что сохранилось в остальных текстах Моравского, особенно в наименее, как кажется, пострадавших от редакторского вмешательства воспоминаниях «Несколько лет моей молодости в Вильни». Именно эти воспоминания здесь особенно важны. И наконец, в основе этих предположений лежит многоотчие, возможно, сигнализирующее — согласно редакторскому обычаю, о котором уже была речь, (хотя известно об этом лишь самим издателям) — купюру авторского текста:

Врач должен все замечать, с первого взгляда уметь все заметить и оценить. И пусть тогда дамы удивляются, что я это сразу увидел. Я многое вижу, хотя и не говорю!...

Что же пропустили издатели? Что показалось им менее интересным и скуку навевающим? Может это как раз то «многое», которое герой рассказа, а одновременно врач и повествователь, *alter ego* автора, общаясь с пациентом или пациенткой обычно «видит, хоть и не говорит», но здесь, забавляя общество рассказами о своей врачебной практике, «дамам» все же рассказал? Мы не знаем. Вполне возможно, что пропущены как раз фрагменты, открывающие нечто существенное в межличностном опыте познания, нечто приобретенное им благодаря свойственному врачу духу наблюдательности. Остался голый сюжет.

К счастью, в рассказе «[Невинная] Месть врача» кое-что из новаторского духа наблюдательности все же сохранилось, и к этому мы еще вернемся. Сохранилось также кредо Моравского-врача. Ибо что, по его мнению, является решающим фактором в искусстве врачевания? «Знание жизни, быстрый глаз, дух наблюдательности, холодная кровь, чистый разум, понимание домашнего уклада, отвращение к рабской приверженности какой бы то ни было системе». Да, Моравский, видимо, был превосходным врачом. А то, что он умел (вот где новаторство!) увидеть связь между домашним укладом и болезнью пациента, показывают оба его рассказа.

Тут следует сказать несколько слов о годах врачебной практики Моравского в Петербурге. Он тогда опубликовал несколько научных статей, в том числе «О физиологических характерах европейских поколений»¹³. Он, как и многие его современники, живо интересовался так называемым животным магнетизмом (и даже ставил опыты), о чем упоминает в более поздних, написанных уже в Устроне, воспоминаниях о Марии Шимановской. Текст этих воспоминаний — но только настоящий, целостный, без издательских купюр — доказывает, как широки были интеллектуальные горизонты Моравского, который, будучи врачом, до конца своих дней останется человеком науки. Интерес к науке никогда в нем не угас, даже в его одиноком доме в Устроне, о чем свидетельствует хотя бы такой живописный фрагмент из написанного в июле 1851 года, за два года до смерти, письма Хелене Малевской:

Ваше письмо застало меня за описанием моих наблюдений, сделанных во время случившегося неделю назад солнечного затмения. [...] Двор мой принял необычный вид. Множество предметов загромождало его: четверо почти столетних старцев из моих владений, несколько ученых евреев с длинными белыми бородами, разные птицы, рыбы, черепахи и ящерицы, лягушки, ежи, кролики,

термометры, барометры, магниты, электрофоры, подзорные трубы, банки с разноцветными жидкостями, цветы и тому подобная ерунда оживили на этот раз одинокое прибежище отшельника. И ксендз тоже был тут. Все были в сборе, разве что ясного неба нам не хватало! Сузкого пустыка. Не так ли?

Врачебная практика была для Моравского еще одной школой жизни. В его драматической, полной страданий судьбе много было таких школ. Но именно с врачебной практикой будут связаны оба его рассказа. И как-то сразу вспоминается Антон Чехов, который несколько десятилетий спустя поступит подобным образом, написав не только знаменитую «Палату номер 6», но небольшой потрясающий в своей простоте рассказ «Случай из практики». И сложно об этом думать без грусти, потому что, может быть, Моравский действительно мог бы стать польским Чеховым времен романтизма. Сам же он был настоящим, до сих пор неизвестным нам писателем-романтиком¹⁴.

Об обстоятельствах появления своего рассказа «Первое полугодие лекарской жизни» Моравский расскажет спустя годы, признав, что возник он в Петербурге во время салонной «игры в повествования», то есть, как мы бы выразились сегодня, в рассказы. Темы для повествований были написаны на бумажках и распределялись по жребию (эта салонная игра была известна уже в давние времена). Перечислив темы, какие принесла ему жеребьевка, Моравский пишет:

Кто же вместе со мной не почувствует, кто же не поймет так же, как и я, что на такой основе можно создать бесконечно занимательное повествование в духе совершенно сегодняшнего дня?! Кто не заметит, какими сильными и волнующими эмоциями можно будет его наполнить?! Я был сильно озадачен и из уважения к самому положению, которое я в то время занимал в свете, не хотел прельщаться картинами страстей; а счел за дело чести — да, именно так оно и было — склеить это все при помощи более прозаических, обычных — и что самое важное — настоящих случаев... Все упомянутые здесь факты, касающиеся больных и здоровых, в полной мере правдивы. Все это видел я собственными глазами.

Следовательно, материал для рассказа автор почерпнул из собственного врачебного опыта. Впрочем, не только врачебного. Потому что есть тут и отсылки к виленскому процессу филоматов и филаретов¹⁵ (Моравский был филаретом). Кроме того рассказ «[Невинная] Месть врача» видимо основан на автобиографическом материале. Что же касается «Первого полугодия врачебной жизни», одно связанное с ним обстоятельство вызывает особый интерес.

В этом рассказе появляется история любви героя-повествователя к некоей даме. Из более поздних воспоминаний Моравского, озаглавленных «Несколько лет моей молодости в Вильни», мы узнаем о автобиографичности этого мотива. Это история любви самого Моравского, который описывает даже некоторые конкретные случаи, связанные с Марией Мюллер. Очень интересно сравнить, как Моравский описывает настоящую историю своей любви в воспоминаниях, а как он ее переработал для нужд рассказа о жизни врача.

Итак, описанную в воспоминаниях историю любви Моравского к Марии Мюллер мы можем смело причислить к тому феномену человеческих, межчеловеческих отношений, который принято называть «романтической любовью». Анализ этих чувств на страницах его воспоминаниях («Жил я в это время в особом, отличном от обычного состоянии») — это своего рода шедевр психологической проницательности¹⁶, хотя Моравский и не очень охотно писал об этом:

К чему уродовать одеждой слов чудесную наготу невинных, ангельских, божественных мыслей и чувств? Конечно, не стоит их скрывать, но все же лучше эту наготу от чужих взоров оградить. К чему открывать весь этот мир мечтаний и восхищения толпе, которая его не знает, к чему представлять все это море духовой неги и желчи равнодушному взору холодного человека? Эгоистически оставим же это лишь для собственного, последнего уже утешения, для собственной радости! Мир, который развлекается тысячей различных импульсов, забавляется и веселится, легко обойдется без моего хрустальной чистоты бриллианта чистой воды. Да останется же это вечной тайной отшельника. И под могильную плиту унесу я ее с собой, пока голос спасительной трубы не разбудит наш прах ото сна. Тогда все это поймут. Пока же любящий человек с чистой душой является для своего ближнего предметом насмешек и колкостей.

Однако то, что из этих чувств, из этого исключительного состояния души он описал, доказывает в какой степени романтическая любовь является одной из «живых правд» человека (если воспользоваться программным определением Мицкевича из «Романтичности»), а не литературной, книжной, как часто об этом пишется, условностью. Правдой, а не выдумкой. Моравский доказывает (и это полностью подтверждается современным знанием на тему того, как сложно устроен внутренний мир человека), что романтическая любовь — вовсе не поза, как часто об этом думают, но состояние, связанное с той областью человеческого опыта, которая долго оставалась покрыта тьмой неведения. Прежде всего она отсылает к казалось бы забытому опыту раннего детства, который, однако, забывается лишь сознательной частью нашей психики, зато сохраняется в бессознательной памяти. И воздействует на нашу дальнейшую жизнь самым различным, косвенным, неочевидным, требующим специального анализа образом, проявляясь не только в молодые годы, но и во вполне зрелом возрасте.

Я должна отослать тут к своим некогда поставленным тезам¹⁷, согласно которым литература периода романтизма — хотя и являлась программным самовыражением молодого человека, особенно его любовных томлений и страданий — сквозь страдания молодого человека обнажала (чего мы до сих пор не замечали) некие глубочайшие страдания более раннего периода. Переживания, которые выпали на долю человека в период раннего детства, тоже ведь относятся к сфере наиболее важных в этот период жизни эмоциональных связей, к сфере семейных отношений. Все это также — а может быть, прежде всего — касается романтической любви. Поскольку она по своей сущности двойственна. За образом романтической возлюбленной стоит идеальный образ матери со времен самого раннего детства (не реальный, но именно идеальный, рожденный в мечтах), который в разных произведениях создается при помощи разных художественных средств¹⁸.

В романтической любви, чего мы до сих пор не замечали, оживают — обычно в измененном виде — бессознательные реминисценции эмоциональной травмы, причиненной в самом раннем детстве. Отсюда и наиболее существенная черта романтической возлюбленной — доброта. Практически ангельская доброта. Поэтому-то с точки зрения личностных качеств она почти двойник влюбленного романтического героя, отражающий все его мысли и чувства. Это личность идеального, рожденного в мечтах близкого существа. Отсюда берется и идеальность чувств, которые она вызывает, их асексуальный, как говорится, или сублимированный характер; вот источник любви, которую называют духовой. Отсюда — и феномен распространения чувства того, кто любит, на весь мир, на вселенную; чувство единения со вселенной (в самом раннем детстве у нас нет еще разделения на «я» и «не-я», на «я» и «мир», все кажется нам единым, и себя мы воспринимаем как часть этого единства). Отсюда — и ее превращение, говоря языком современного психоанализа, в океаническое чувство, которое в самые ранние годы жизни переживается бессознательно. Если речь о Моравском, то достаточно привести несколько примеров.

Его еще только позвали к больным детям Марии Мюллер, он еще только едет по улицам Вильно к ней домой (и знает он ее пока только понаслышке), но уже тогда она пробуждает в нем особое чувство: «Я как спасения собственной души хотел быть ей полезным, более того — нужным, потому что она добра и несчастлива». Он сам был человеком добрым и несчастным; старательно скрывая последнее обстоятельство в своем «конверте», как он это называл, завсегда в салонах. После того, как он познакомился с Марией Мюллер лично, Моравский быстро пришел к выводу, что она не только добра, но что у нее «ангельское сердце», «доброе, чувствительное, полное любви и милосердия, по-настоящему женское сердце». А вот то, что означало для него «по-настоящему женское сердце», мы можем узнать из его снов. Сразу же, после первого же врачебного визита, Моравский увидел Марию (в образе «жены Ксавера») во сне, который был реминисценцией этого визита:

Мне вновь казалось, что я вижу их всех. Что меня строгим взором с ног до головы измерила Ельжбета Мюллер. Что я на это таким же неприязненным ответил взглядом. Но казалось мне, что при этом надо мной кружат два ангела, жена Ксавера в образе матери с крохотным сладким младенцем, своей двухлетней дочерью Марыней, обе на золотистых крыльях парящие и к себе манящие.

Следовательно «по-настоящему женское сердце» это сердце матери маленького ребенка. Ангельской матери ангельского младенца. Верх идеализации. Реминисценция, пробуждение самых глубоких, потому что самых ранних в жизни каждого человека желаний.

Как уже говорилось, Моравский потерял мать из-за развода родителей в очень раннем детстве и жил с отцом, который постоянно и жестоко преследовал его своими издевательствами.

Именно в таком образе, ангельской матери с ребенком, эта женщина явилась Моравскому во сне сразу же, в самом начале знакомства, а ведь сны, как уже известно современной науке, отражают наши глубочайшие внутренние правды, глубочайшие желания. В образе крылатой ангелоподобной матери с крылатым ангелоподобным младенцем она будет являться ему не только во снах, но и в мечтаниях всегда. И даже тогда, когда знакомство из фазы чувственной влюбленности вдруг, в один переломный момент, с огромной всеохватывающей силой превратится в то, что мы называем романтической любовью.

Что из этого опыта осталось в рассказе?

Неизвестно, потому что неизвестно что вычеркнули, а что исказили издатели.

Можно предположить, что в ситуации салонной забавы, которая сопутствовала написанию рассказа, Моравский не захотел бы «уродовать одеждой слов» самые сокровенные свои чувства. Однако одно событие, характерное предложение, почерпнутое из опыта этой любви, все же попало в рассказ. Это восклицание женщины, госпожи З., которое герой-повествователь услышал в весьма драматических обстоятельствах. Об этом голосе герой рассказа вспоминает так: «Мгновенно он переполнил меня каким-то непонятным чувством, постичь суть которого я так никогда и не смог». И еще одна деталь, почерпнутая Моравским из опыта собственной любви, — герой-рассказчик окружает возлюбленную своими чувствами «целомудренно».

Лишь много лет спустя, в далеком Устроне, занимаясь литературной деятельностью в абсолютном одиночестве, как человек, «что столько лет сам с собой провел», «у которого было вдоволь времени на размышления о самом себе», но прежде всего, как человек, который пишет больше для самого себя, чем для кого-либо другого, Моравский смог более обширно выразить опыт своей романтической любви словами. Хотя и на этот раз он признал, что суть его осталась ему непонятна («Чего же я хотел? Сам не знаю»).

Современное знание о человеческой душе велит нам обратить внимание на одну из многочисленных сюжетных деталей, отличающих представленную в рассказе историю от ее автобиографического варианта в воспоминаниях.

В рассказе, по словам героя-повествователя, госпожа З., когда его в качестве врача пригласили к ней в дом, куда он явился глубокой ночью, воскликнула: «Ах, спаси моего брата!» — и этот голос в то же мгновение вызвал в нем это непонятное чувство.

Из истории, рассказанной в воспоминаниях, мы знаем, что возбудившее любовь восклицание звучало немного иначе. Обстоятельства визита были те же, но крикнула Мария Мюллер фразу: «Ах, спаси Станислава!»

Так звали брата Марии Мюллер, о чем Моравскому было известно, потому что они были знакомы. Но ведь это было и его собственное имя.

Мы не знаем, отдавал ли он себе отчет в том, что это было и его собственное имя, во время этой неожиданной, ночной, драматической сцены, когда он прибыл, чтобы спасти умирающего, и нельзя было терять ни минуты. Об этом нет ни одного упоминания. Можно предположить, что в тот момент он этого не осознавал. Однако опыт, собранный за сто лет развития психоаналитики, показывает, что на имя, которое звучит как наше, внутренне мы реагируем так, как будто это и есть наше собственное имя, относящееся именно к нам. Только реакция эта чаще всего происходит в бессознательной сфере психики, и может вызвать связанный с нашим именем, т.е. с нами самими, эмоциональный отзвук, забытый нашим сознанием, но остающийся в сфере бессознательного.

В восклицании Марии Мюллер Моравский услышал глубокое чувство, которое питала она к человеку по имени Станислав, и отчаяние из-за того, что его жизнь в опасности. В сфере сознательного восприятия мира Моравский понимал, что восклицание относится к брату, как это и было в действительности. Но в сфере бессознательного у него мог появиться эмоциональный отзвук, который и был источником того непонятного ему самому, необычного, бурного чувства. Отзвук, который, как можно предполагать, зная из воспоминаний Моравского его биографию, был связан с образом рано утраченной матери. Что же произошло?

Немонюны (ныне Няманюнай), храм св. Петра и Павла. На кладбище в Немонюнах похоронен Станислав Моравский.

Моравский неоднократно, хотя скупо и неохотно, упоминает о жестоком обращении отца, которое он испытывал с самого раннего детства. Одно из них особенно характерно (его описание находится в томе «Братья-шляхта»): отец вернувшись домой с дальней дороги велел выбросить из дому прямо в снег полугодовалого младенца, которого он видел впервые. На глазах у матери. Вне всякого сомнения, желая ему смерти. Подобных происшествий было, видимо, больше; Моравский в своих воспоминаниях оговаривается, что может когда-нибудь сможет описать то, что ему в детстве пришлось вытерпеть от отца, но пока у него не хватает на это сил. (Впрочем, может он и описал, но довоенные издатели это вычеркнули, ведь жестокость родителей по отношению к детям — общественное табу). Звучащие в голосе Марии Мюллер любовь и отчаяние (к тому же отчаяние, связанное с тем, что любимому существу грозит смерть) могли вызвать у Моравского — особенно принимая во внимание то, что все происходило так внезапно, ночью, в спешке и напряжении — бессознательное пробуждение эмоциональной памяти об утраченной матери, которая в подобной ситуации, когда жизнь ее маленького ребенка была под угрозой, реагировала отчаянием (о чем есть речь в воспоминаниях), но запуганная мужем не смела ни спасти его, ни позвать на помощь. И этот эмоциональный отзвук мог связать фигуру Марии Мюллер с бессознательным воспоминанием,

касающимся образа матери. Мог быть причиной перенесения на Марию эмоций, связанных с так рано его оставившей матерью. Неожиданно, в одно мгновение (а так обычно и бывает, когда в нас просыпается бессознательное) она вызывает в Моравском это непонятное ему самому, любовное, но абсолютно идеальное, чистое от какого-либо чувственного желания, свойственного взрослому человеку, ангельское чувство.

Однако ответ на вопрос: действительно ли внутренние механизмы сработали тогда таким именно образом? — «останется вечной тайной отшельника».

Рассказ «Первое полугодие лекарской жизни», несомненно, открывает нечто большее, чем то, что довоенные издатели посчитали непонятной тайной Моравского. Этой тайной было для них то, что в довольно молодом еще возрасте, в расцвете сил оставил он светскую жизнь и уединился в Устроне. Издатели приняли это за мизантропию¹⁹, поводов для которой не видели.

Этому взгляду на личность писателя воспротивился опять же Винцент Лютославский, указывая, что не только не было в его поведении мизантропии, но наоборот — в Устроне он по-прежнему «служил людям» как врач, «а отшельничество было для него условием работы». Следовательно эта так называемая тайна — вовсе не тайна, поскольку бегство Моравского от мира — это прямое последствие того, что с самого его детства жестокий отец стремился сжить его с этого света.

Сам Моравский о своем решении писал так (появляющееся тут слово «попытки» относятся к уже описанным примерам издевательств, которым подвергал его отец):

Сегодня, когда после всех этих попыток, после измен любовниц, родственников, друзей, оставив высший и низший свет, я уже в течение десяти лет в расцвете сил и здоровья как настоящий

отшельник сижу в заточении в своей деревне и никого кроме слуг и служащих своих не вижу, — все вокруг, потому что сами так жить не в состоянии, удивляются и никак в толк взять не могут, как же я без их общества выдержать могу. Приписывают мне мизантропию, ненависть к людям и Бог весть что еще. Каких только собак на мне не вешают. Добрые люди, бедные люди. Ах, как же они ошибаются! Ведь человек, который столько лет в полном уединении смог прожить, никому зла не причинив, а наоборот, да-да, не одно доброе дело совершив, человек, который не одряхлел душой, не одичал и не стал чудачком, который всегда весел и в хорошем расположении духа пребывает, которому день всегда короток, который любит цветы, птиц, мошек и бабочек, и который в минуты отдыха от умственного труда играет с ними словно ребенок; такой человек должен был, Бог мне свидетель, вынести в своем сердце из оставленного им света огромную дозу любви, в том числе и любви к людям. Однако и то правда, что я не хочу потерять это уже последнее свое сокровище в новом житейском опыте. Ведь что, если он окажется так же неприятен, как тот, что я уже получил? Лучше уж пусть у меня останутся хоть какие-то иллюзии.

В рассказе «Первое полугодие лекарской жизни» есть два фрагмента (скорее всего, изуродованные издателями, о чем свидетельствует пропуск между ними и многоточие), которые указывают, какую роль в принятом решении сыграл опыт врачебной практики Моравского:

Все это было для меня сверх всякой меры! Столько ужасных видов в течение нескольких десятков часов, столько я видел результатов слабости, разврата, измен, столько зря оказанного доверия, отчаяния, жадности, столько подлости и лжи, что не могло это на меня не оказать влияния, взбунтовав мою душу против всего мира. Я проклял свое положение и людей! Меня охватило предчувствие, что с этих пор становясь невольным хранителем домашних секретов, доверенным лицом, свидетелем зла, которое причиняют друг другу люди — я лишь с трудом буду замечать хорошую часть человеческой природы! [...]

Я начал с того, что решил немедленно оставить это адское место, которое, несмотря на всю свою привлекательность, первым дало мне понять, что такое люди и что такое общественные связи, которое первым показало мне, как обманчива видимость, как коварны сердца, как немилосердны приговоры великих мира сего, как ложны наши представления обо всем.

Это высказывание принадлежит герою-повествователю из рассказа Моравского и описывает его психологическую конструкцию, но наводит на мысль, что врачебный дух наблюдательности мог сыграть свою роль как в жизненных решениях самого отшельника, так и в рождении его как писателя, показывающего, вспомним слова Лютославского, «действительность, скрытую под тем, что внешне», писателя, чей «анализ внутренних движений ума и сердца проникает в самую глубину».

Возможно, благодаря духу наблюдательности в рассказе «[Невинная] Месье врача» мы найдем еще одну — никем до сих пор не замеченную — удивительную вещь. Рассказ был написан почти за полвека до первых психоаналитических исследований истериков (Моравский пользуется еще термином «спазмы»). До того, как наука признала, что эти страдания совершенно реальны (вопреки распространенному ранее прямо противоположному мнению), но источник их находится в психической, а не в физической сфере. Моравский в этом рассказе приближается к подобным выводам.

Повествователь рассказывает историю героя, носящего не только шутки ради говорящую фамилию «доктор Лебеншелфер» (спаситель жизни), который рассуждает — как бы не всерьез, но вполне обстоятельно — об «этой некогда страшной, но потом лишь капризом считавшейся немощи». Доктор высказывает убеждение, что разные симптомы этого недуга это действительно болезнь, а не притворство, выдумка, каприз, но что связана эта болезнь у женщин с отсутствием того, чего они «открыто сегодня желают — эмансипации своей воли». Следовательно, источник болезни кроется в психической сфере. И какой источник!

Однако это еще не все. Представляя историю болезни (как мы выразились бы сегодня) пациентки этого доктора, молодой Княгини, писатель как бы ненароком описывает внешний вид, возраст и иные личные достоинства — а скорее как раз их отсутствие — ее мужа. Этот невинный, в сущности, художественный прием во времена, когда Моравский писал свой рассказ из жизни врача, был совершенно новаторским психологическим открытием, о котором в наше время рассказывать уже не надо.

Какие же еще открытия на ниве литературного творчества совершил, но мы о них не знаем, или мог совершить, но не сделал этого, доктор Станислав Моравский?

¹ Stanisław Morawski. *Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818-1825)*. – Warszawa 1924. Редакция и вступительное слово Адама Чартковского и Генрика Мосцицкого. Изд. 2-е: Варшава, 1959. Во втором издании примечания отредактировала и дополнила Мария Дерналович. Все цитаты приводятся по второму изданию. Здесь и далее, если не указано иначе, прим. автора.

² Stanisław Morawski. *W Peterburku 1827-1838. Wspomnienia Pustelnika i Koszaki Kobiałki. Z 18 miedziorytami.* / Wydali Adam Czartkowski i Henryk Mościcki. – Poznań, 1927.

³ Stanisław Morawski. *Szlachta-bracia. Wspomnienia, gawędy, dialogi (1849-1850)*. / Wydali Adam Czartkowski i Henryk Mościcki. – Poznań, 1929.

⁴ Adam Czartkowski i Henryk Mościcki, *Wstęp do pierwszego wydania* // Stanisław Morawski, *Kilka lat...*, s. 18.

⁵ Adam Czartkowski i Henryk Mościcki, *Przedmowa* // Stanisław Morawski, *Szlachta-bracia*. S. XII-XIII.

⁶ «Шубравцы» — шутивное самоназвание литературно-общественного кружка польской интеллигенции в Вильнюсе в 1816–22 гг. Прим. пер.

⁷ Wincenty Lutosławski. *Nieznany wielki pisarz.* // *Tygodnik Wileński* 1925 nr 14. Отдельным изданием этот текст был опубликован в Быдгощи в 1925 г.

⁸ Adam Lewak. *Katalog rękopisów Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu.* – Kraków 1931, poz. 984.

⁹ Stanisław Morawski. *Z wiejskiej samotni. Listy do Heleny i Franciszka Malewskich.* Под ред. Збигнева Судольского. Судольский сообщает, что сохранилась рукопись сказа «Пан Сволкень», которую Моравский выслал Хелене Малевской в одном из писем, и приводит пропущенный издателями в томе «Братья-шляхта» фрагмент этого произведения.

¹⁰ «Ateneum» 1898, t. I, s. 326-347.

¹¹ Значение, которое для истории польской культуры XIX века имели размышления Моравского о музыке, подтвердили музыковеды во время 3-й международной научно-художественной конференции, организованной кафедрой теории музыки Музыкального университета им. Ф. Шопена в Варшаве. Мой доклад «Станислав Моравский о Марии Шимановской и музыке (Интегральный текст с 1849 года)» был опубликован в изданных в 2013 году материалах конференции.

¹² Публикация эта вышла в свет под моей редакцией в 2013 году: *Rękopis znaleziony w Paryżu. Wspomnienia Stanisława Morawskiego o Marii Szymanowskiej. Wstęp i opracowanie Danuty Danek, fotografie Krzysztofa Hejkego.* – Warszawa: Wydawnictwo Terra Nova, 2013.

¹³ Недавно литовские исследователи опубликовали в двуязычном польско-литовском издании найденный ими черновой вариант медицинских изысканий Моравского «Женская физиогномистика». В Устроне на сохранившемся, хотя и в плачевном состоянии, поместье Моравского и на стене кладбищенской часовни, которую он построил для себя, и где похоронен (эти объекты внесены в составленный Министерством культуры и национального достояния список польских достопримечательностей, находящихся на территории бывших польских Кресов,) висят мемориальные доски только на литовском языке. Фамилия Моравского на них написана на литовский лад, из-за чего он воспринимается, как писатель литовский.

¹⁴ Эту тему я более подробно разработала в статье «Неизвестный великий писатель и его воспоминания», которая в качестве вступительного слова будет опубликована в полном издании воспоминаний Моравского о Марии Шимановской.

¹⁵ *Филоматы* (греч. 'любители наук') и *филареты* (греч. 'любители добродетели') — тайные патриотическо-просветительские студенческие общества Виленского университета в первой четверти XIX в., члены которых впоследствии стали выдающимися поэтами, учеными, общественными деятелями. Прим. пер.

¹⁶ Единственное признание мастерства Моравского в этой области я встретила в работе Марии Янион и Марии Жмигродской «Романтизм и экзистенция». Janion M. *Żmigrodzka M. Romantyzm i egzystencja. Fragmenty niedokończonego dzieła.* – Gdańsk 2004. S. 60-61.

¹⁷ См.: Danuta Danek. *Obrazy wyjaskrawione i słabe światelka. Inne spojrzenie na romantyzm* // *Twórczość* 2000. №9. S. 34-94.

¹⁸ Более подробно я пишу об этом в своей статье: Danuta Danek. «Godzina myśli» jako studium romantyzmu. *Dwoistość w miłości romantycznej.* // *Pamiętnik Literacki* 2009, z. 3. S. 87-106.

¹⁹ Подобным образом, вводя в заблуждение читателей и обидно искажая образ писателя, представляет Моравского Мария Дерналович в биографическом очерке «Мизантроп из Устроне». *Maria Dernałowicz, Misanthrop z Ustronia* // *Cudze życie.* – Warszawa 2008. S. 70-90.

twórczość

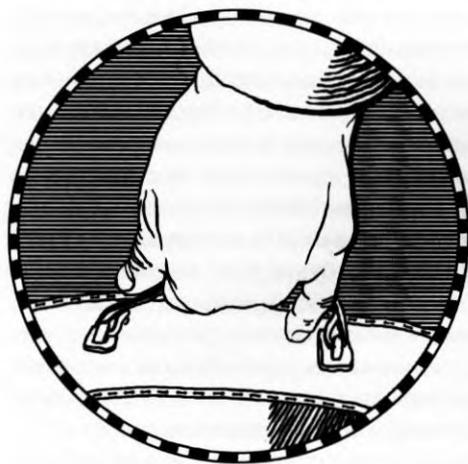
Павел Хюлле

Перевод Ксении Старосельской

ПОЙ О САДАХ (отрывок из романа)

Они выходят из дома через парадную дверь, спускаются на подъездную дорожку. Франковский выносит чемодан и, положив его в багажник, открывает заднюю дверь, а сам садится за руль. После того как он по Pelonkerweg¹ и Georgstrasse² отвезет Эрнеста Теодора на вокзал в Оливу, ему еще нужно будет заехать (давно уже договорились) в мастерскую Хоффмайера: смазка рычагов управления, замена масла, ремонт левой фары. Поэтому, вероятно, Грета на вокзал не едет, машет мужу на прощанье рукой. Эрнест Теодор оборачивается, и секунду она видит в заднем стекле «ганомага» его лицо: ну конечно, надел не ту шляпу. О чем он думает в поезде? Последние два месяца он выбирал из «Дуинских элегий» любимые куски, чтобы составить из них текст одной песни. Для Греты. Для ее голоса. Его мучили сомнения: имеет ли он право делить, а потом соединять то, что у Поэта подчинено собственному ритму? Например, вторую строфу «Второй элегии» с фрагментом «Седьмой»? Это было рискованно, но ведь Рильке с его, Эрнеста Теодора, музыкой был бы для Греты замечательным подарком, чудесным сюрпризом. Попытки сочинить музыку к отдельным «Элегиям» целиком он уже

оставил. Не получилось. Основанный на простом трезвучии повторяющийся мотив, записанный им однажды после долгой послеобеденной прогулки по пляжу, развивался гораздо лучше, если текст был перекомпонован. Он один в купе первого класса, кондуктор проверил билет, подтвердил, что пересадка в Берлине с четвертого перрона. Эрнест Теодор не верит, что путешествие само по себе может принести вдохновение. Вдохновение приходит, когда захочет. Что, впрочем, не мешает ему достать большой блокнот с нотным станом и присмотреться к фортепьяно. Кое-где поправить. Тем более что он сам будет аккомпанировать Грете при первом исполнении. Если когда-нибудь завершит задуманное. Перроны деревенских полустанков мелькают за окном в свете майского дня, чем дальше на запад, тем зеленее кажутся луга и свежая листва деревьев, Эрнест Теодор откладывает блокнот и закрывает глаза. Но не засыпает. Думает о том, какая удивительная штука жизнь. Даже если

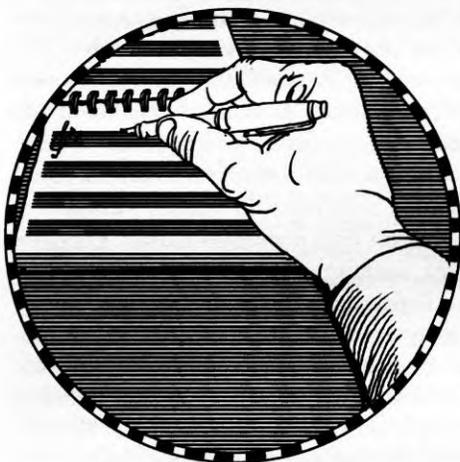

допустить, что переломные решения, стоя на распутье, мы действительно принимаем сами.

Он не любил Вагнера. Не испытывал благоговения перед этой музыкой. Никогда. И все же попался на удочку восторженных писак. Они в один голос твердили об исключительных даже по мировым меркам достоинствах лесной сцены. Акустических, эмоциональных... вплоть до мистических. Он читал: «Второй Байройт под сенью букового леса. Больше, чем Байройт, в Ostseebad Zoppot³. Величественная твердыня духа на немецком Востоке». Да, его подтолкнуло любопытство. Кроме того, он не бывал ни на одном из балтийских курортов, и это тоже сыграло свою роль. Как раз тогда, два года назад, там впервые, день за днем, давали целиком «Кольцо». Все это он хорошо знал: Зигфрид испытывает мечи, выкованные карликом Миме. Поет хвалу Природе. Слушает пенья птиц. Убивает дракона Фафнера, драконья кровь жжет как огонь. Карлика Миме Зигфриду тоже придется убить, ибо таково либретто: некогдай за свое коварство наказан благородным героем. Наконец, скорбная мелодия: тело Зигфрида возлагают на погребальный костер. Ах да, еще прыжок Брунгильды в костер, верхом на коне. Это они неплохо придумали, буквально следуя тексту. Кобыла, видимо, обученная, — подумал он тогда, — певица, впрочем, тоже. Взjala препятствие как на конных состязаниях, и лишь

тогда слабый огонь в костре столбом пламени взметнулся ввысь. Проекторы усилили эффект пожара Валгаллы в глубине сцены, но так, чтобы не виден был конюх, который уже ждал по другую сторону костра и помогал Брунгильде слезть с лошади. Публика была в восторге, хотя музыкальная сторона спектакля, с первых же тактов увертюры к «Гибели богов», оставляла желать лучшего. Он уже обдумывал, где поужинать: в гостинице «Вермингхофф», в которой остановился, или, может быть, в одном из ресторанов на приморском променаде. В дни представлений они были открыты дольше обычного: толпа, устремлявшаяся из леса в нижнюю часть курорта, насытив дух, желала поесть. Но еще продолжался финал: дочери Рейна, забрав кольцо, уплывали по волнам, увлекая с собой Хагена, убийцу Зигфрида. Эрнест Теодор поднес к глазам бинокль, чтобы разглядеть очередной технический трюк: хор дочерей Рейна перемещался к левой кулисе, не делая ни единого шага. Оказалось, в пол сцены вмонтирован своего рода ленточный конвейер, перед которым — отгораживая его от зрителей — колыхались полотняные, цвета индиго, длинные волны Рейна. Ручная веялка либо бесшумные электрические вентиляторы были надежно спрятаны. Именно тогда Эрнест Теодор заметил Грету. Среди дочерей реки она была самой юной и самой красивой. Он не мог выделить ее голос из хора на фоне

повторяющегося мотива, с помощью которого оркестр изображал игру волн Рейна. Под стук колес поезда, покачиваясь в такт движению вагона, он вспоминал тот поразительный момент: ведь никакого решения он не принял. То есть не подумал: я должен с ней познакомиться. Не сказал себе: надо пойти за кулисы, отыскать ее в артистической уборной. Не раздумывал, прилично ли это, не прикидывал, что сказать незнакомке, какие употребить слова, чтобы представляясь, с одной стороны, не выглядеть смешным, а с другой — не впасть в грех смертельной серьезности. Просто встал и направился к сцене — отнюдь не «как загипнотизированный», не «будучи заморожен», не «движимый исключительно сильным душевным порывом». Ничего из этого репертуара. Он проталкивался сквозь плывущую к выходу толпу с такой решимостью и так уверенно, будто давным-давно, еще до того как собрался послушать «Зигфрида», заготовил план. Это удивило его самого. Но еще больше удивилась она, ког-

да, выйдя из уборной, поймала на себе пристальный, возможно, слегка нагловатый, взгляд его карих глаз. Спустя три дня они уже были обручены. Скромная преподавательница пения в Католической учительской семинарии в Вольном городе Гданьске, член Немецкого объединенного хорового общества, ассистентка на Вагнеровской сцене Лесной оперы. И приват-доцент композиции в Гейдельберге, у которого после кризиса осталось кое-что из имущества, принадлежавшего дедушке с бабушкой и родителям. Когда в октябре того же года они тихо обвенчались, он забрал старого и слепого отца из Гейдельберга, продал тамошний дом и купил одну из усадеб на улице Полянки, первым владельцем которой, еще в восемнадцатом веке, был француз Венанкур.

Так должно было быть? — Эрнест Теодор открывает глаза и снова берется за нотный блокнот — что за вопрос? — иронизирует он сам над собой — что за претензии заключены в подобных вопросах? Достаточно прочитать две соответствующие странички Шопенгауэра, чтобы убедиться: так есть. Главная тема песни вдруг стала развиваться, поплыла — вместе с упоминаниями об ангелах, с самым поразительным их определением: «запаять света»⁴. Надломившиеся, искривившиеся, вдруг куда-то свернувшие лучи, но куда? — думает Эрнест Теодор, быстро заносит в блокнот ноты, — каким нужно быть поэтом, чтобы это увидеть и записать так просто и притом так необычайно? В конце строфы следовало дать Грете передохнуть, удлинить паузу, голос умолкал, фортепьянный аккомпанемент преобразовывал лейтмотив... но только это и удалось ему написать в поезде во внезапном и кратком приливе вдохновения. До Будапешта — с пересадками в Берлине и Мюнхене — он ни разу больше не открыл блокнот с нотным станом. Однако, дремля или поглядывая в окно, вспоминал тембр ее голоса.

Было в нем что-то возбуждающее: сладость и горечь, серьезность и немножечко легковесности, тепло и холод ледяной горы, близость и отчужденность. Все перемешано, словно в первый день творения.

Словно в первый день творения — мысленно повторял он на вокзале Ньюгати, который восхитил его ажурной конструкцией зала и запахом крепкого ароматного кофе сразу из нескольких буфетов. Он взял такси. Заранее была выбрана гостиница «Астория». Она находилась на углу улицы Кошута и Музейного бульвара, в десяти минутах ходьбы от букинистической лавки Фидлера. Портье долго изучал паспорт Вольного города Данцига, будто не верил, что вообще может существовать такое государственное образование. В одиннадцать двадцать три Эрнест Теодор позвонил Фидлеру по телефону.

— Это я... — он откашлялся, — Хоффман. Я уже в Будапеште.

— Когда хотите зайти? — спросил букинист.

— Могу прямо сейчас. Я живу в «Астории». Это от вас недалеко.

Свет скользил по корешкам книг, будто по стене пирамиды, извлекая из ложбинок выцветших, некогда золоченых тиснений пылинки, которые, то взлетая вверх, то устремляясь вниз, без устали кружили по всему помещению. У Фидлера была коротко подстриженная борода, орлиный нос, впалые щеки, ясный умный взгляд голубых глаз; на свои семьдесят он не выглядел.

Начало не казалось многообещающим. Ничего из груды приготовленных букинистом книг, рукописей, копий или оригиналов старых партитур не заинтересовало Эрнеста Теодора настолько, чтобы изучить находку основательнее. Остановила его внимание только девятая симфония Иоганна Готтлиба Грауна, но не потому, что издание восемнадцатого века притягивало к себе чем-то особенным.

— Это он столько написал? — повернулся Эрнест Теодор к Фидлеру. — Целых девяносто? Признаться, я этого не помнил.

Букинист посмотрел на ноты.

— Кажется, больше девяноста, — помедлив, ответил он, — но у меня только одна эта. И еще, — он порывлся в другой из приготовленных куч, — вот, пожалуйста, его же двадцать пятый скрипичный концерт. А всего их было около шестидесяти.

— Это он написал «Цезаря и Клеопатру», — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Эрнест Теодор.

— Нет, не он, а его брат, Карл Генрих, — Иоганн Готтлиб не писал опер. Карл Генрих Граун сочинил «Цезаря и Клеопатру» к открытию берлинской оперы 7 декабря 1742 года. У меня есть один его мотет в рукописном виде — вот, посмотрите.

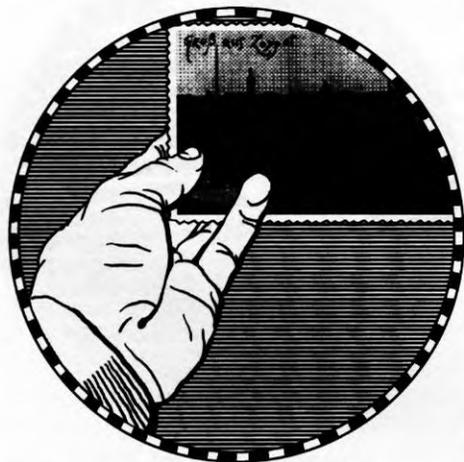
Отложив двадцать пятый скрипичный концерт Иоганна Готтлиба Грауна, Эрнест Теодор проследил мелодическую линию мотета Карла Генриха. Дух позднего барокко отражался в этих нотах, будто стройные очерки деревьев на поверхности пруда при безветренном теплом заходе солнца. Поправок, зачеркиваний было немного. Вероятно, в таком виде рукопись попала к гравировальщику. С каллиграфически выведенным автографом: Карл Генрих Граун, капельмейстер Королевского оперного театра Всепресветлейшего и Всемилостивейшего государя, Короля Пруссии Фридриха. Эрнест Теодор хотел порасспросить букиниста, но тот отошел к покупателю. Лишь сейчас, прислушиваясь к их оживленной беседе над несколькими книгами, снятыми с полки и разложенными на дубовом столе, он осознал, какой же странный, экзотический, невозможный венгерский язык. Ни одно слово не казалось хоть сколько-нибудь знакомым на слух, чтобы о его значении можно было догадаться по созвучию с немецким, французским или, на худой конец, латинским аналогом.

Кто такие венгры — подумал Эрнест Теодор — и откуда, собственно, пришли?

Но тут же вернулся к мотету Карла Генриха Грауна. Даты на рукописи не было. Стало быть, композитор, ставя автограф, мог иметь в виду как Фридриха Вильгельма I, так и его сына Фридриха II, прозванного Великим. Первый — Soldatenkönig⁵ — любил только армию, муштру и охоту. Сын бунтовал и даже пытался бежать из отцовского государства. Его схватили на границе, привезли обратно и заточили в Küstrin⁶. По обвинению в заговоре. Он вынужден был смотреть, как его другу, Гансу фон Катте, готовившему вместе с ним побег, во дворе крепости отрубили голову. Это было элементом воспитательной политики отца по отношению к сыну-наследнику престола. Фраки, парики с косицами, шейные платки. Деспотизм. Мотет был по-своему красив и свидетельствовал, что Граун хорошо владел искусством полифонии. Между тем в лавке появился новый клиент — Фидлер перешел на другой язык, Эрнест Теодор, просматривая очередные рукописи и печатные ноты, наострил уши: очень уж часто звучали искаженные немецкие слова. Идиш — подумал он — какой странный жаргон. Продолжая поиски, он вдруг наткнулся на немецкий перевод трактата «Micrologus» брата Гвидо Аретинского, изданный в Гёттингене в 1456 году. Сразу вспомнилось, как их этому учили: «До-ре-ми-фа-оль-ля — C D E F G A, а зовется гексахорд⁷». Новая форма записи — и почти революция. Эрнест Теодор отложил трактат брата Гвидо и мотет Карла Генриха Грауна, решив, что возьмет то и другое в Оливу.

У Фидлера опять был новый клиент. Они разговаривали на каком-то славянском наречии. По-русски? По-польски? По-чешски? Этого Эрнест Теодор угадать не мог. Шелестящая речь, которая ассоциировалась для него с оливским Рынком, где польские и кашубские цветочницы — когда не было немецких покупателей — между собой говорили по-своему, теперь звучала в букинистической лавке Фидлера на Музейном бульваре в Будапеште.

Букинист вернулся. Но Эрнест Теодор уже устал.

— Пойду пообедать, — сказал он, — путешествие много меня утомило. Если можно, я еще зайду вечером.

— Вечером я приглашаю вас на ужин, — заявил Фидлер, — пожалуйста, не отказывайтесь!

Вечером, на проспекте Андраши, в превосходном японском ресторане у самого входа в метро рядом с оперой, Эрнест Теодор и Якуб Фидлер, сидя друг против друга, разговаривали. О чем?

Букинист: как после падения империи Габсбургов перебрался из Львова в Будапешт. С каким трудом овладевал венгерским. Но наследство того стоило: его дядя Самуэль отписал ему дом на Музейном бульваре с букинистической лавкой на первом этаже. Была когда-то у Фидлера жена — еще там, во Львове. Но она умерла через год после свадьбы, детей завести не успели. Так он и жил до сих пор. А сейчас — пояснил — все уже продано, уезжаю в Палестину с венгерским паспортом и британской мандатной визой.

Эрнест Теодор: о своей учебе и одиночестве между матерью и чужаковатым отцом. Мать умерла, когда ему было восемь лет, отец постоянно менял планы относительно сына, переводил из одной школы в другую. Всегда с интернатом. Поэтому он не любил католических священников: они лезли в душу, как будто это была их собственность. Уже студентом он перешел в протестантство — но только затем, чтобы наказать отца. К религии был равнодушен — не верил в учение никакой Церкви. Верил в музыку — вот что его всегда влекло и влечет.

После ужина букинист Фидлер сообщил:

— У меня еще есть для вас сюрприз.

Это было не кабаре. И ни одно из шикарных развлекательных заведений. На такси они доехали до острова Маргит. И там, спускаясь по ступенькам с моста, Эрнест Теодор почувствовал запах реки. Волнующий — пахнущее тинной и влагой свежее дыхание свободного пространства. В Клубе гребного общества было еще многолюдно.

— Раньше, — сказал Фидлер, — у меня здесь была одиночка. Греб почти каждый день. Но я уже стар. Сил нету. Поэтому сегодня нанял моторку.

Они плыли по Дунаю; изящной лодкой под названием «Apeiron»⁸ управлял господин Ноэм Кертес, выглядевший в своей белой куртке с погонами и капитанской фуражке как настоящий морской волк.

— Представьте себе, — обратился Фидлер к Эрнесту Теодору, — что дед господина Кертеса, основатель нашего общества любителей водного спорта, возил по Дунаю знаменитого композитора. Угадайте, кого.

— Листа, — не задумываясь, ответил гость.

— Вагнера, — сказал господин Кертес, — дед показывал ему город с реки, только это было днем.

Разговор, естественно, свернул на тему сопотской лесной сцены. В ответ на расспросы Эрнест Теодор без энтузиазма рассказывал о летних фестивалях — о «Зигфриде», «Гибели богов», «Лозн-грине». Кертес время от времени пояснял, где они находятся: звучало название моста, набережной, целого района. Отражавшиеся в темной воде огни города, мимо которых они лениво проплывали (казалось, невидимая рука разворачивает свиток с картинами), принесли Эрнесту Теодору неожиданное открытие: отныне он знает, что нашел в своей жизни постоянное место. И это не сопотская сцена, о которой он еще продолжал говорить, а дом на Pelonkerweg. Вдруг он почувствовал, что соскучился по старым липовым аллеям, которые, симметрично огибая нижний парк слева и справа, от улицы плавно поднимались к самому фронтому дома. По широкому эркеру библиотеки, откуда — над бегущей вниз линией деревьев и между крышами далеких домов — там и сям видны проблески залива с черными точками кораблей. По примыкающему к лесистым холмам верхнему парку, который Грета на весенние и летние месяцы превращала в царство цветов. По ее соломенной шляпе, мелькающей между синим ручьем ирисов и островком чайных роз. По ее голосу, которым полнится дом, когда она упражняется без аккомпанемента в комнате на первом этаже. По запаху глицинии жаркими августовскими вечерами. По звону колоколов, каждый полдень бьющих в аббатстве. Такого рода ностальгия была для него чем-то новым и удивительным. Он никогда не привязывался к месту. А сейчас, плывя по Дунаю на моторной лодке с букинистом Фидлером и господином Кертесом, после всего лишь двухдневного отсутствия, понял, что ему хочется немедленно — как мальчику из сказки — перенестись на спине огромной птицы прямо в Оливу. Трое в моторке потягивали из серебряных рюмочек палинку, лодка описала большой полукруг и уже приближалась к пристани на острове Магрит, где в клубе гребцы и яхтсмены еще пили вино за скупо освещенными длинными низкими столами.

Уже в гостинице Эрнест Теодор подумал, что, хотя ужин был отменен, Фидлер очень мил, а прогулка по Дунаю просто замечательная, он впустую потерял время. Один трактат и один мотет, да и то сомнительно, что там найдется что-нибудь интересное. Впрочем, по сути, он ведь ничего и не искал, в Будапешт отправился не столько из-за письма букиниста, сколько из-за какого-то внутреннего толчка. Он еще раз пролистал мотет Грауна. Может, предложить его Певческому обществу немецких учителей, членом которого была Грета? Гася лампочку на ночном столике, Эрнест Теодор принял решение: он уедет завтра дневным поездом. К Фидлеру зайдет утром, проведет там пару часов, пригласит старика пообедать в гостиницу.

Ему приснился сон: он срезал в саду синие ирисы. С целой охапкой входил в дом с террасы, через широко открытую дверь. Хотел вручить цветы Грете, но ее нигде не было. Только погода он увидел жену у пруда в нижнем парке. Она собирала лечебные травы в большой белый платок. Нагишом

— в одних только плетеных римских сандалиях. Травинку или листок подносила к губам и, легонько дунув, лишь после этого клала в платок. Щеки у нее тогда будто взбухали, делались пухлыми, как у девочки на портрете кисти голландского живописца.

Назавтра Фидлер был безутешен.

— Так быстро? — искренне огорчился он. — А у меня еще несколько сундуков, я сам толком не знаю, что в них. Надеюсь, вы все просмотрите! С собой я ничего не беру. Под конец жизни начинаю новую жизнь.

Эрнест Теодор энергично взялся за дело. Нашел короткое письмо Шумана издателю. Рекомендательное, по поводу Брамса. Написанное, должно быть, вскоре после того, как способный, многообещающий, красивый молодой человек посетил дюссельдорфскую квартиру Клары и Роберта Шуманов. Да, пожалуй, так и есть: письмо датировано 13 сентября 1853 года. Еще он отложил клавир оперы «Людовик». Откуда у этого Фидлера такие обширные знания? Когда Эрнест Теодор склонился над арией «Je vends des scarulaires», букинист, вернувшись от покупателя, немедленно сообщил: именно эту тему использовал Шопен для «Вариации В-dur», опус 12. А известно ли вам, господин Хоффман, что эту свою оперу Фердинанд Герольд не закончил? Что завершить Герольду не позволила

смерть, ее дописал Жак Галеви, тоже парижанин, так что «Людовик» — общее детище, можно сказать, дуэт живого и покойника!

Этого Эрнест Теодор не знал. Он только помнил, что прославила Жака Галеви, кажется, опера «La Juive»⁹, которую много раз овациями принимали на берегах Сены. Потом он долго рылся в старых бумагах, пока не наткнулся на произведение для оркестра Гольшева «Das eisige Lied»¹⁰. Когда-то — но не из газет или учебников, а из разговора — он узнал, что есть такой русский скрипач, художник и композитор. Да, любопытно: произведение написано в двенадцатитоновой технике. Кажется, в Европе это первый такой композитор и такая новаторская музыка. На партитуре приписка от руки, зелеными чернилами: «Написано в 1919 году, первое исполнение Берлин 1920. Посвящается Е.». Чья рука — самого автора или владельца партитуры, — угадать было невозможно.

— Вам нравится? — спросил Фидлер. — Вся эта додекафония?

— Когда брат Гвидо, — ответил Эрнест Теодор, — в одиннадцатом веке изобрел свою систему нотной записи, никому на ум не пришло, что это революция. Может быть, эта — очередная?

Фидлер отказался идти обедать в «Асторию».

— Поглядите еще, коли уж должны сегодня уехать!

За час до ухода из букинистической лавки, в одном из сундуков Эрнест Теодор обнаружил несколько картонных папок, связанных веревочкой в стопку внушительных размеров. Внутри не было описи, не было транспарантов для записи пояснений, страницы пожелтевшие, не скрепленные. Потом они с Фидлером долго раскладывали их на столе. Рукопись партитуры не была пронумерована, страницы не всегда уложены в нужном порядке, и вообще вся опера — а перед ними лежала опера! — производила сумбурное впечатление: некоторые партии были абсолютно законченными, иные — едва намечены.

— Видите этот хор? — палец Фидлера скользил по нотным линейкам, под которыми бежали буквы текста, — кажется, это...

— Вагнер, — прошептал Эрнест Теодор, — неизвестный Вагнер. Невероятно, быть такого не может, хотя — посмотрите на почерк! — это хор детей: Ку-да и-дем мы вслед за див-ным зву-ком? Ку-да спе-шим, тан-цу-я и сме-ясь? Цок-цок, де-ре-вян-ны-е баш-мач-ки! — читал он по слогам, воспроизводя мелодию.

— Хору предшествует флейта, — букинист указал на какое-то место в нотах. — Посмотрите: что это напоминает?

— «Зигфрид-идиллию», — у Эрнеста Теодора не было сомнений, — там у струнных есть очень похожая тема.

— Вам обязательно сегодня уезжать? — Фидлер оторвал взгляд от рукописи. — Мы могли бы разложить все по порядку и внимательно просмотреть.

— Я уже решил. — Эрнест Теодор глянул на часы. — Вы это сделаете сами. И заработаете. Покупатель наверняка найдется. Это, безусловно, оригинал, рука самого Маэстро.

— У меня уже нет времени. — Фидлер собирал страницы партитуры и укладывал в папки. — Неужели вас это не заинтересовало? Не поверю, что вы безразличны к Вагнеру! После того что я услышал о Лесной опере в Цоппоте?! Да еще при том, что ваша жена там солистка?

— Жена поет исключительно в хоре. Всего один раз была дочерью Рейна, — уточнил Эрнест Теодор, — а вы такую бесценную рукопись сможете выставить на аукцион. Поручите человеку, которому доверяете, ее продать. И все же: возможно ли это? — покачал он головой. — Вагнер всегда заботился, чтобы газеты немедленно отзывались на каждый его чих. Обожал читать знакомым либретто, часами. Садился за рояль и наигрывал им мелодии из сочинения, над которым как раз работал. Все должны были знать, чем занят гений. Разве что нашлась особая причина, заставившая его положить эту вещь в ящик. Если это оригинал — а я полагаю, что оригинал, — мы с вами сделали сенсационное открытие, господин Фидлер. Сенсационное!

Страницы рукописи вернулись обратно в папки. Букинист протянул всю стопку Эрнесту Теодору.

— Возьмете с собой! Это мой подарок. Ничего не надо платить. Забирайте вместе с Гольшевым, мотетом Грауна, трактатом брата Гвидо. Когда разберетесь, напишете мне, что это за опера. Я вам пришлю свой адрес в Палестине, господин Хоффман.

— Я не могу принять такой подарок. Почему, с какой стати?

— А потому, что ваш отец когда-то оказал мне услугу.

— Какую?

— Об этом я тоже напишу. Раз уж не нашлось времени поговорить...

Прощание Эрнеста Теодора с букинистом Якубом Фидлером было коротким. Просто обменялись рукопожатием. Уже на Музейном бульваре, направляясь к гостинице «Астория», Эрнест Теодор подумал, что все это похоже на сон: такого быть не могло и, тем не менее, было. Он нес под мышкой мотет Грауна, «Ледяную песню» Гольшева, трактат брата Гвидо и картонные папки с неизвестной рукописью Вагнера.

А вот таким я представляю себе Эрнеста Теодора, когда тот наконец выходит из поезда на маленьком провинциальном вокзале в Оливе, несколькими минутами раньше миновав Цоппот: он очень устал, под глазами темные круги, но его переполняет волнующее чувство ожидания. Он уже знает главные темы оперы, слышит хоры, помнит оркестровку целых фрагментов, сольные эпизоды в ариях, речитативы. Берет такси с бортовым номером семь и на всем недолгом пути до Pelonkerweg раздумывает, как скажет об этом Грете. Он уже решил: будет работать месяц, два, полгода, а если понадобится, и гораздо дольше, без отдыха, пока не реконструирует незаконченные фрагменты, не добавит недостающие части, не завершит то, что бросил, не завершив, Вагнер. А потом? Что ж, он пригласит к себе Германа Мерца, директора Лесной оперы, и обговорит с ним все до мелочей: когда они предьявят миру оригинальную партитуру и как поставят оперу — творение Маэстро в его, Эрнеста Теодора, реконструкции. Точнее, им восполненное. Досочиненное. Дописанное. Без белых пятен. Там и для Греты будет прекрасная партия — матери хромого

Клауса. Два эффектных выхода. Сначала плач по пропавшему мальчику. Потом хвалебный гимн Пресвятой Деве Марии — когда Клаус найдется. Единственный из ста с лишним уведенных Крысоловом детей. За такси он заплатил гульден тридцать пять пфеннигов. В портмоне оставалось еще немного венгерских пенгё. Пришлось рыться, отделять, подсчитывать. Наконец он вошел в дом, где сразу за парадной дверью висели два старых портрета, напоминая о семействе Венанкур. Французские гданьчане, или гданьские французы, выпученными глазами уставились на него из-под больших париков, как на незваного гостя.

Надо бы их снять — подумал он, ставя на пол чемодан, — и перевесить или попросту продать. Только кто захочет купить? Французы в Гданьске всегда составляли меньшинство. Как и поляки. Хотя поляков намного больше, чем французов, белых из России, голландцев или евреев.

— Ты пахнешь доробгой, — сказала Грета. — Табаком, дымом паровоза и коньяком.

У нее были для него два сюрприза. Первый — галка. Грета назвала ее Полин, потому что та на верняке прилетела из-за близлежащей границы между Польшей и Вольным городом Гданьском, прорубленной через оливковый лес неподалеку от их дома, за холмами. Вторым сюрпризом была каменная фигурка. Франковский откопал ее в верхнем парке. За завтраком Грета рассказала все по порядку: галка просто выпорхнула из леса во время обеда, когда Бернатка подавала второе. Села к ней — Грете

— на плечо и просидела так до десерта. Сейчас прилетает почти к каждому обеду. Как будто у нее есть внутренние часы. Фигурку, найденную в верхнем парке, Эрнест Теодор внимательно осмотрел. Прimitивная, с округлыми формами, она походила на Венеру Виллендорфскую. Только вместо одной у нее были три головы.

— Возможно, это кельтская богиня, — подумав, сказал Эрнест Теодор. — Юность, зрелость, старость — все в одном теле. Надо отдать ее в музей.

У Греты на этот счет мнения не имелось. Пока муж в ванной смывал с себя дорожную пыль, она поспешила в спальню, чтобы быстро переодеться. Он обожал ее тонкую, как муслин, голубую ночную сорочку, белые чулки с красными подвязками. Они никогда об этом не говорили, но стоило Эрнесту Теодору ее в этом увидеть, как им овладевало особенное возбуждение. А ей безумно нравилось это его состояние. Он был старше на пятнадцать с лишним

лет, но в его коже, волосах, наконец, запахе было что-то юношеское, никогда не стареющее. Она могла часами целовать его тело, как Мария Магдалина Христа. Могла мыть ему ноги. Всасывать его язык себе в рот. Любила его безмерно. Но все равно власть над другим телом принадлежала тому, кто первый шепотом произнес то самое, единственное, слово, пресвятое таинство их любовного союза. Я оставляю эту пару в спальне дома на Pelonkerweg — до тех пор, пока Эрнест Теодор, утомленный поездкой и насытившийся любовью, не начнет свой рассказ. Тихо, в коротких фразах, сначала про пересадки в пути, потом про вокзал Ньюгати, гостиницу «Астория», букинистическую лавку Якуба Фидлера, ночные виды с Дуная — чтобы, наконец, осторожно лавируя между партитурами Грауна и Гольшера, добраться до цели, до первого звука, вырвавшегося из дудочки Крысолова, с чего и начнется вся эта история, когда крестьянин по имени Бальтазар, шагая по мрачному еловому лесу близ городка Гамельн, услышит ту пронзительную ноту.

— В еловом лесу, — сказал отец, — всегда мрачно. Погляди: даже днем тут мало света, вместо пышного подлеска — темный ковер из хвои, папоротника немного, цветов еще меньше. Не то, что поляны в буковом лесу или старый сосновый бор.

Но мы уже выходили из тени на песчаную дорогу, и ельник остался позади. На холмах вокруг росли дубы, буки, кое-где сосны, а со склонов, подгоняемые ветром, струились высокие травы. Через

несколько минут мы остановились в том месте, откуда виден был залив, частично обрамленный узкой полоской Хельского полуострова. Я насчитал семь кораблей, крохотных, как точки.

— Жаль, у нас нет бинокля, — вздохнул я. — Я бы распознал флаги.

— Слишком далеко, — отец закурил сигарету, — никакой бинокль не поможет. А если поближе, внизу, на самой опушке, — узнаешь?

Я не узнавал. Несколько красных крыш да шахматные доски огородов, высывающиеся из глубокой лесной долины навстречу городу.

— Мы там жили, — показал отец. — Не помнишь?

А поскольку я молчал, погода добавил:

— Ты ведь любил, когда она играла для тебя на рояле. Это тоже не помнишь?

Почему он не назвал ее имени, почему не сказал «пани Грета»?

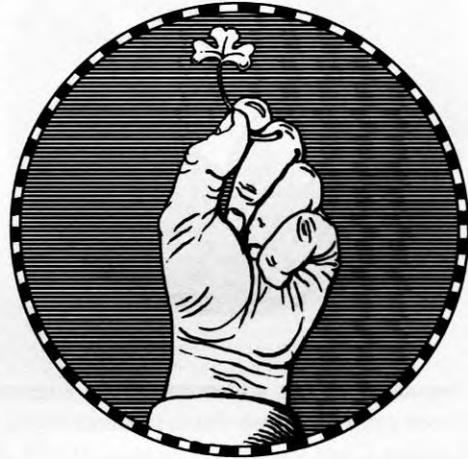
Этого мне уже никогда не узнать, зато я отлично помню неожиданное чувство стыда, смешанного с раскаянием. В ту минуту я осознал, что не исполнил обещания. Еще утром в день переезда, когда она сыграла мне в последний раз, в ответ на вопрос: «Будешь меня навещать?» — я сказал: «Конечно!»

С тех пор прошло два или три года, и вот я стоял с отцом на холме, глядя издали на дом на Полянках, на крышу «флигеля француза», на зеленые штрихи аллеи, и думал, что нарушил слово, а ведь сколько раз можно было бы пешком, на велосипеде или на трамвае преодолеть это небольшое расстояние от улицы Хшановского до Полянок и зайти к ней, хотя бы на полчаса, чтобы рассказать о нашей новой квартире, об улице, обсаженной каштанами, о школе, товарищах, соседях, газовых фонарях, мессах в костеле Воскресенцев, самолетах, которые пролетали над нашим домом регулярно, как поезда, о майских жуках и весенних разливах Стшижи, до краев наполнявшей пруд возле прусских казарм. Но сейчас я не мог предложить отцу заглянуть к пани Грете — он не любил менять планы, поставленные задачи, намеченные пути. Было 30 апреля, а мой отец всегда перед Первым мая брал на несколько дней отпуск, чтобы не ходить на обязательную демонстрацию. Иногда он в одиночку уезжал ловить рыбу, иногда, захватив нас с мамой, отправлялся на одно из ближайших озер, а иногда просто сидел дома, слушал музыку на пластинках и читал книги. В тот день, когда мы с ним стояли на краю морены, у него был другой план. С рюкзаками, набитыми едой, с термосом и немецкой картой лесов Вольного города Гданьска, мы должны были пройти пешком, по холмам и лесам, до самого Рембехово, до *checzy*¹¹ пана Бешка. Еще неделю назад, посредством переписки на обыкновенных почтовых открытках, был запланирован костер на берегу пруда, ночлег в овине, возвращение рейсовым автобусом на следующий день после обеда. Мы молча двинулись дальше. Отец в походах был неразговорчив. Но когда остановились, чтобы перекусить, у ручья в Бобровой долине, спросил:

— Ты знаешь, кто такие кашубы?

Толком ответить я не сумел. Кроме того что пан Бешк говорит не так, как мы. В основном я его понимал, но отдельные слова оставались непонятными. Некоторые казались выдуманными, какими-то ненастоящими. Например, *metk*. Что это еще за *metk*, почему злой дух не может называться просто «злой дух»? Или *belnota*. Неужели нельзя нормально сказать: храбрость? Отец посмеялся над такими аргументами и объяснил, что это старый славянский язык, в котором до сих пор существуют слова, нами уже давно заброшенные. Как монеты, изъятые из употребления. Вода в ручье была кристально чистой, на песчаном дне кое-где поблескивали камни, а когда я вытащил один, со светлой кварцевой прожилкой, пересекающей черную поверхность, отец сказал:

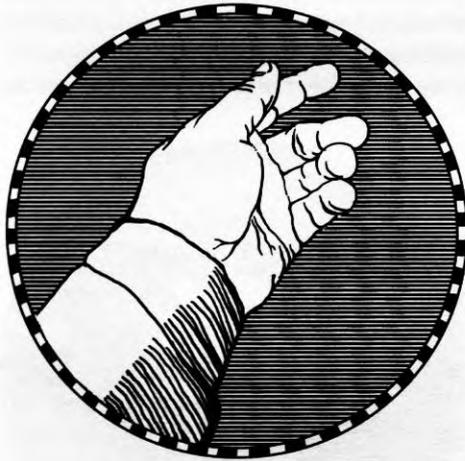
— Это все равно, что старое слово, извлеченное из потока времени: красивое и ненужное.

Я удивился: отец редко употреблял сравнения, не любил метафор, цветистых фраз. Сейчас я вылавливаю из памяти слова пана Бешка, как такие камни. Без них не смог бы придумать, развить и закончить эту историю. Впрочем, прежде чем мы переступим порог *checzy*, где я услышу несколько новых слов и выражений, прежде чем отца угостят нюхательным табаком и поднесут рюмку водки, нам предстоит пройти еще изрядную часть пути в сумерках последнего апрельского дня, под свежей зеленью буковых, не так давно развернувшихся листьев, среди темнеющих силуэтов можжевельников кустов и сосен.

Позади остались Долина эльфов, Шведская дамба, Змеиная долина, Долина Швабе; впереди — ведущий в Матарню лесной большак, по которому когда-то двигались шведские войска, чтобы спалить Оливу. Тут, на этой дороге, я впервые услышал странно звучащие имена князей: Самбор, Субислав, Свентопелк, Дамрока, Мествин, — про которых отец, вероятно, прочитал в какой-нибудь

книге, но которых ни разу — ни раньше, ни позже — в моей польской школе не упомянул ни один учитель. Это была не лекция и даже не подробный рассказ, отец только походя их перечислял, будто главным для него было, чтобы перед визитом к пану Бешку я узнал об их существовании, чтобы понял: край, в котором я родился, нечто большее, нежели залив, пригорки, озера, леса, картофельные поля и язык, который и немцы, и поляки считали второстепенным диалектом, — язык пастухов, рыбаков, рабочих и служащих. Мы обогнули Золотую корчму и, выйдя из леса примерно там, где сейчас по четырем полосам окружной дороги день и ночь мчатся автомобили, зашагали по проселку уже напрямик в Рембехово. Помню тишину близящейся ночи, принимавшей нас под свой усыпанный звездами свод, помню ее дух, в котором смешались запахи прорастающей ржи, росяной влаги, набухших трав, готовых уже через пару недель зацвести, невидимых струек дыма из

деревенских хат, конского навоза вперемешку с песком и ряски на маленьких болотных бочажках. Здесь отцу не нужна была никакая карта. За тремя вербами дорога сворачивала направо, и до *checzy* Бешков было уже рукой подать. Перед деревянным и просторным — как сейчас помню — домом, где к козырьку над крыльцом была подвешена керосиновая лампа, возле которой кружила мошкара, царило оживленное движение. Подводы, брички, две машины, несколько велосипедов — все это подъезжало или уже парковалось у *checzy* пана Бешка.

— У нас *Geburstag*¹²? — пошутил отец.

— *To je pùstò noc*¹³, — сказал пан Бешк, встретивший нас на пороге. — *Mòja nènka je ùmarlò. To je kuńc ji zëwòta*¹⁴.

Отец хотел немедленно идти обратно — уже не лесом, а по шоссе, которое, петляя, спускалось с вершины к нашим предместьям Вжеща. Но пан Бешк был неумолим: раз договорились, значит должны остаться. В большой горнице стоял длинный накрытый белой скатертью стол, на нем распятие и завернутая в полотно краюха хлеба — для живых и мертвых. Пани Бешк лежала в боковушке. Через дверной проем — дверь, должно быть, сняли — виден был открытый *zark*¹⁵ и седая старушечья голова на подушке. Казалось, голова покачивается — то вправо, то влево, — но это едва заметное, словно бы отрицающее смерть движение было всего лишь игрой теней, отбрасываемых свечами. Ангельское приветствие и Отче наш, повторяясь, сливались в мощный поток, которому назначалось поддержать душу покойницы.

— *Bòjisz sã*¹⁶? — я почувствовал руку пана Бешка у себя на плече.

Я не боялся. Но мне никогда еще не приходилось видеть в доме открытый гроб с покойником. И столько людей, самозабвенно, с жаром, молившихся хором за столом, а не на скамьях в костеле.

— *Bòjisz sã*, — теперь уже утвердительно сказал пан Бешк. — *Tej pój. To nie je stròszk*¹⁷.

Молодая женщина, которая сидела с молитвенником отдельно, у изголовья покойницы, помахала хозяину и вышла из боковушки.

— Теперь прикоснись к ее руке, — кивком указал пан Бешк. — *Ně, nie bój sã.*

Я переводил взгляд с завешанного зеркала на неподвижный маятник часов, на четки, обвивавшие руки покойницы. Оттянуть то, чего я все—таки побаивался, можно было, только задавая вопросы.

— А это ей зачем? — показал я на черную лакированную сумочку около правого локтя старушки. — Там воскресных дней не бывает, в костел ходить не надо.

— С чего ты взял? — удивился пан Бешк.

— Ксендз говорил.

— И почему же?

— Там все по-другому.

— Там — это где?

— На другой стороне.

— Она пока еще на этой.

— Но...

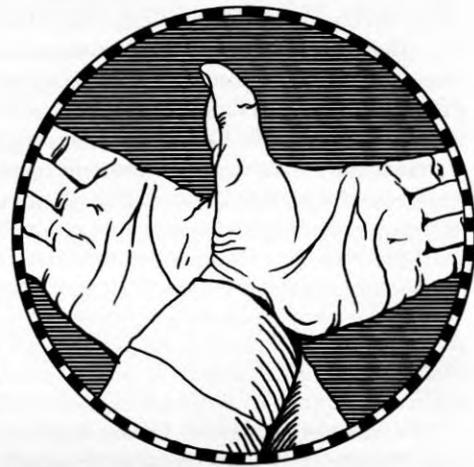
— Что?

— Но ведь душа...

— Глупенький. Душа усопшей летает вокруг *checzy*, вокруг *zarku*, вокруг домашних, она с нами. Не чувствуешь?

— Не знаю.

— До самых похорон. *Pilėje*¹⁸, чтобы в ее тело не вошла другая, ну, какая-нибудь нехорошая душа. *Ale w ti trzeba ji pòmagac. Odpãdzac*¹⁹. Поэтому у *zarku* кто-то должен *cali czas bęc*²⁰. *Mòdlęc sã*²¹. Понимаешь? Как все деревенские, — он посмотрел в сторону большой горницы. — Хочешь тут *so òstac z moją nĕnką*²²?

¹ В 30-е гг. XX в. так называлась старинная улица Полянки. Прим. пер.

² Сейчас улица Защитников Вестерплатте. Здесь и далее, если иного не указано, — прим. автора.

³ Балтийский курорт Цоппот (нем.), сейчас Сопот. Прим. пер.

⁴ «Вторая Дуинская элегия». В оригинале — *Gelenke des Lichtes*.

⁵ Дословно: Король-солдат. Ввел обязанность постоянного ношения военного мундира.

⁶ Сейчас Костшин-над-Одрой.

⁷ В эпоху брата Гвидо первая нота еще называлась «ут», в XVII веке ее название сменили на «до», чтобы легче было петь.

⁸ Бесконечное, беспредельное (древнегреч.).

⁹ «Еврейка» (франц.).

¹⁰ «Ледяная песнь» (нем.).

¹¹ Дóма (кашуб.).

¹² День рождения.

¹³ Это пустая ночь. (Пустая ночь — обычай молитвенного бдения около усопшего.)

¹⁴ Моя мама умерла. Это конец ее жизни.

¹⁵ Гроб.

¹⁶ Боишься?

¹⁷ Иди-ка сюда. Это не привидение.

¹⁸ Следит.

¹⁹ Но в этом надо ей помогать. Отгонять.

²⁰ ...все время быть.

²¹ Молиться.

²² ...остаться с моей мамой?

Лешек Шаруга

НЕИЗВЕСТНАЯ ОПЕРА РИХАРДА ВАГНЕРА

Павлу Хюлле — поэту и прозаику, родившемуся в 1957 году, — популярность и признание критики принес уже дебютный роман «Вайзер Давидек» (1987). Как это его произведение, так и ряд последующих, в том числе романы «Касторп» (2004) и «Тайная вечеря» (2007), вписываются в разрабатывающую тему «малой родины» течения, занявшее, после обретения страной независимости, заметное место в польской прозе. В данном случае, как и у другого прозаика того же поколения, Стефана Хвина, в центре внимания писателя — Гданьск с его смешанной польско-немецко-кашубской историей.

«Пой о садах» (2014) — повествование многослойное: главный герой пересказывает рассказ героини-немки, намного его старше, которая, несмотря на военные и послевоенные изломы судьбы, не захотела (как оказалось, к счастью) бежать из Гданьска на пароходе «Густлофф», потопленном советской подводной лодкой (что описал в одной из своих книг Гюнтер Грасс) и, подобно герою романа «Ханеман» Стефана Хвина, осталась в родном городе ждать скорее всего безвозвратно пропавшего на Восточном фронте в России мужа, музыканта, который в межвоенный период, совершенно случайно, нашел в Будапеште у знакомого букиниста рукописную партитуру незаконченной оперы о Гамельнском крысолове (персонаже, глубоко укорененном в немецкой культуре) Рихарда Вагнера, любимого композитора нацистов. Творчеству Вагнера, еще до прихода к власти Гитлера, были посвящены ежегодные фестивали в сопотской Лесной опере, а в организации этих фестивалей (в подготовке хоровых партий) одно время принимала участие жена нашедшего рукопись музыканта. Впоследствии она помогла ему реконструировать незавершенную работу автора оперной версии эпоса о Нибелунгах и стала свидетелем и участником сопротивления мужа, не пожелавшего отдать партитуру нацистским варварам, что для него закончилось призывом в армию и отправкой на один из самых опасных участков кровопролитной войны.

Рассказ этот, дозированно, с намеренной неторопливостью распределенный по главам, включен в повествование типа *Bildungsroman* (нем. «роман воспитания»), в котором рассказывающий о собственной жизни герой — вначале маленький мальчик, а затем подросток, взрослеющий на страницах книги и становящийся (что выясняется в самом конце) композитором, — идет по следам супруга своей собеседницы: несмотря на то, что она не успела воспроизвести ни одной ноты из реконструированной мужем оперы, он воспринимает как наказ ее, произнесенные незадолго до смерти, слова, когда она отказалась сыграть ему хотя бы несколько тактов: «Эта мелодия не принесла счастья. Никому. Пускай твоя партитура будет исключительно твоей. С композицией ты справишься». И хотя неизвестно, как закончатся старания героя, то, что сам Павел Хюлле с композицией справился, очевидно: матрешечная конструкция выстроена очень тщательно, с большим вниманием к деталям, и целиком помещена в превосходно, хоть и бегло нарисованную панораму ключевого периода европейской истории между 20-ми и 70-ми годами XX века. На первый план, конечно, выступает переданное с глубоким чувством, поначалу медленное, но постепенно ускоряющееся нарастание угрозы, которую нес с собой упрочающий свою власть нацизм (немаловажно, что в Гданьске, по причине его специфического статуса «вольного города» не принадлежащем ни Польше, ни Германии, процесс этот протекал наполовину скрытно: только после включения города в состав Третьего Рейха вышли из подполья функционеры НСДАП и других нацистских формаций), однако попутно читатель знакомится с реалиями жизни Польши под властью большевиков.

Дополнительный колорит роману придает еще один композиционный прием: в рассказ о судьбе немецкого композитора вплетен другой, основанный на «случайно найденном дневнике», из которого следует, что в его доме, ранее принадлежавшем семье когда-то приехавшего из Южной Америки француза, было совершено, говоря словами романтической баллады, «беда стряслась неожиданно / убила пани пана». Впрочем, этот эпизод — тоже мастерски написанный и продуманно разбитый на части, да еще с крайне неожиданным финалом, — по значимости уступает блестящей галерее портретов персонажей. Среди них особого внимания заслуживает личность представителя той части местного населения, которая, словно бы вопреки пронесшимся над этим регионом вихрям истории, чувствует себя здесь дома, относясь ко всем прочим более или менее терпимо, но все же как к чужакам; этот персонаж — пан Бешк (ни в коем не случае не Бещанский, по заверениям рассказчика), кашуба по национальности (или, как иногда говорят в Польше, кашуб, а на самом деле — кашеба)¹.

¹ Кашубы — Kaszubi (польск.) или Kaszëbi (кашубск.) — национальное меньшинство, потомки древних поморян, проживающие на побережье Балтийского моря, в северо-восточных районах Польши. Прим. пер.

Кшиштоф Виттельс

ОСКАР КОЛЬБЕРГ — ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

В феврале этого года исполнилось 200 лет со дня рождения Оскара Кольберга — выдающегося этнографа и фольклориста, а также композитора и любителя музыки. Личности для польской культуры важной, но известной мало и чаще всего поверхностно. 2014 год объявлен в Польше годом Оскара Кольберга, и это хороший повод, чтобы внимательней приглядеться к интересной и не лишенной парадоксов биографии этого исследователя.

■ Пианист, композитор, меломан

Генрик Оскар Кольберг, которого часто называют отцом польской этнографии, был прежде всего композитором и любителем музыки. Именно страсть к музыке заставила его заинтересоваться фольклором. Он появился на свет 22 февраля 1814 г. в деревне Пшисуха близ Радома. Вскоре его семья переехала в Варшаву, где отец Оскара — Кшиштоф Юлиуш Кольберг — стал профессором Варшавского университета.

Скорее всего, первые уроки игры на фортепиано маленькому Оскару давала мать, Каролина Фридерика Генриетта Меркёр. Позже, будучи учеником Варшавского лицея, молодой Кольберг изучал исполнение и композицию, в частности, у Юзефа Эльснера и Игнация Феликса Добжинского. Оскар связывал свое будущее с музыкой. Особое влияние на его музыкальные интересы оказало знакомство с Фридриком Шопеном (семьи Кольбергов и Шопенов жили по соседству во флигеле Казимировского Дворца). Оскар был свидетелем начала музыкальной карьеры Фридерика и до конца жизни был очарован творчеством коллеги, щедро черпавшего из богатства польского фольклора.

В 1835–1836 годах Кольберг изучал композицию и теорию музыки в Берлине у Кристиана Ф. Гиршнера и Карла Ф. Рунгенхагена. По возвращении на родину он зарабатывал домашними уроками музыки, а также пробовал свои силы как пианист, композитор и музыкальный критик. Эльснер тогда высоко оценил музыкальный уровень будущего фольклориста, причислив его к «виднейшим артистам города Варшавы».

Кольберг писал произведения для фортепиано, песни с фортепианным аккомпанементом, сценические композиции. Чаще всего это были танцевальные произведения: полонезы, мазуры и мазурки, вальсы, польки, контрдансы, обертасы и кувяки¹, а кроме них еще этюды, вариации, сонаты, фантазии. Его вдохновляла народная музыка Мазовии. Одно из его произведений, сельская опера «Король пастухов» на либретто Теофила Ленартовича, было поставлено в варшавском Большом Театре. Он сочинял музыку почти до конца жизни, внося свой вклад в развитие домашнего музицирования в Польше.

Его талант был, однако, «коротковат», как определил это Шопен в одном из писем родным. В 1845 году, в возрасте 31 года, Кольберг устроился на работу бухгалтером (!) в Управление варшавско-венской железной дороги (во время пребывания в Берлине он учился еще и в Торговой академии), а в 1857–1861 гг. работал в Дирекции дорог и мостов. Так что основную часть профессиональной жизни он проработал как чиновник, а свою страсть к музыке реализовывал в виде хобби.

Фольклор он тоже вначале рассматривал как еще одно увлечение, тем более что для Кольберга он был прежде всего богатым источником музыкального вдохновения. Вскоре, однако, это «обычное» хобби стало жизненной миссией Оскара. В 1839 году в Вилянове под Варшавой он приступил к собиранию и документированию народного музыкального творчества. Его выезды за город немного напоминали краеведческие экспедиции, в которых его иногда сопровождали художники, в том чис-

¹ Мазур, обертас, кувяк — польские народные танцы.

ле Войцех Герсон, Кароль Маркони и брат Антоний Кольберг. В деревне они искали впечатлений и вдохновения для своего творчества, а он — крестьянские песни для своих обработок. У него была особая предрасположенность к этой задаче: композиторское и фортепианное образование, а также великолепный музыкальный слух, гарантировавший документированным песням правильность записи мелодий.

За первый год документационной деятельности он записал более 600 песен, которые опубликовал в «Песнях польского народа» (в 1842–1845 гг.) с транскрипцией для фортепиано. В следующем издании, вышедшем под тем же названием в 1857 году, Кольберг продвинулся на шаг дальше — свел мелодические варианты одних и тех же песен из разных регионов. Именно между первым и вторым сборниками песен родился Кольберг-этнограф, а работы, посвященные народным песням, были лишь вступлением к большому делу документирования и популяризации Кольбергом народной культуры земель бывшей Речи Посполитой.

■ Этнограф и фольклорист

Для Кольберга народная песня была чем-то большим, нежели музыкальным произведением народной культуры, была отражением жизни людей. Чтобы узнать ее тайны, нужно было раскрыть культурный контекст, в котором она возникла, а значит и обычаи, обряды, образ жизни, игры и забавы, язык, представления о мире и о прошлом и т.д. Из такой идеи родился важнейший научный проект Кольберга: всестороннее и систематизированное документирование народной культуры земель бывшей Речи Посполитой в форме региональных монографий под знаменательным названием «Народ, его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, вкусы, забавы, песни, музыка и танцы».

Так сам автор охарактеризовал свой труд в письме Краковскому научному обществу (1867): «В течение 30 лет посвящал я свободные от выполнения возложенных на меня обязанностей минуты подробному изучению нашего народа. Вначале я обратил внимание на его песни, которых собрал и опубликовал значительное количество. Видя, что последние нередко связаны с обрядами, без описания которых они стали бы непонятными, я решил расширить рамки трудов моих, включая в них описания, а кроме того цитируя варианты и версии, полученные из разных мест, для сравнения их между собой. Поскольку и описания многими моральными нитями связаны со сказками, сказаниями и пословицами народа, значит, следовало и эти последние проследить и включить в мои собрания, передав их в простоте нетронутости (для пользы филологов) как в отношении образов, так и речи, а также способов выражения. Все эти проявления, хотя и духовной природы, тесно связаны с физической стороной жизни, поэтому я описал облик народа, его платье, хозяйственные занятия, жилище и т.д.».

Кольберг решил полностью посвятить себя реализации новой миссии и в 1861 году отказался от гарантирующей стабильность работы чиновника. С тех пор летнее время он посвящал путешествиям и исследованиям, а остальную часть года — упорядочивал материал, готовил его к изданию, писал, а также искал спонсоров и подписчиков на очередные тома «Народа». На жизнь же он зарабатывал, главным образом, тем, что писал статьи для «Энциклопедии» Оргельбранда², рецензии в журналы и научные статьи, посвященные истории музыки, а также биографиям польских и иностранных композиторов.

В этнографической работе он сталкивался с различными трудностями и непониманием, как со стороны крестьян, так и помещиков. Вот как он вспоминал свое путешествие с другом Юзефом Конопкой³ в Черск под Варшавой: «Углубляться дальше, особенно одному, да даже вдвоем или втроем, с посохом в руке, не было тогда принято, так как боязливые крестьяне, недоверчивые и подозрительные на каждом шагу, готовы были неизвестных им апостолов хватать и отправлять в волость, как

---

² Самуэль Оргельбранд (1810–1868) — видный польско-еврейский издатель и книготорговец. Издатель первой польской энциклопедии.

³ Юзеф Адам Конопка (1818–1880) — польский этнограф. Был владельцем деревни Могиляны под Краковом. Известен как собиратель местных народных песен и пословиц. В 1840 году выпустил сборник «Песни краковского народа».

«миссаров» национального правительства⁵. Я испытал это на себе в 1841 году, производя с Конопкой экспедицию в Черск, где освобождением из их рук мы были обязаны единственно разумному вмешательству главы местной волости».

Первой появилась монография сандомирского региона (1856), затем двухтомные «Куявы» (1867 и 1869), наконец, образцовое для следующих изданий «Краковское» (1871–1875).

Кропотливый труд Кольберга не остался незамеченным. В 1868 году его приняли в Краковское научное общество, благодаря чему он вскоре получил дотацию на продолжение «Народа». В 1871 году он переехал из Варшавы под Краков — сначала в Могиляны, затем в Модльницу. Он также стал членом-корреспондентом краковской Академии искусств. Краковское сообщество доброжелательно встретило Кольберга, а исследователь включился в краковскую научную жизнь (участвовал, в том числе, в проведении юбилея Юзефа Игнаца Крашевского и 400-летия со дня смерти Яна Длугоша).

В 1878 году он поехал в Париж на всемирную выставку, на которой представил свои издания и иконографическую коллекцию польских народных костюмов. За нее он получил золотую медаль. Исследования он вел до конца жизни. Его не останавливало даже ухудшение состояния здоровья. Как раз наоборот — именно тогда он начал работать просто в безумном темпе, издавая в среднем по 2 тома «Народа» в год. Всего до смерти автора их вышло 33.

В 1889 году для Кольберга устроили юбилей 50-летия научной работы. Он получил знаки признания от научных обществ и просветительских учреждений со всех трех оккупированных территорий и из-за границы. На торжестве, помимо ближайшего круга друзей, художников, интеллигенции и представителей власти, присутствовала также делегация от крестьян Модльницы. Этому событию был посвящен концерт из произведений самого Кольберга, а также Шопена и Монюшко. Композитора-этнографа почтили тогда, приняв в члены Императорского общества любителей природы, антропологии и этнографии в Москве, а также Варшавского музыкального общества и Варшавского певческого общества «Лютня».

В следующем году, прощаясь с этим миром, он признался: «Я умираю, слава Богу, с тем утешением, что в меру моих сил сделал при жизни, что мог, и никто не считает и не будет считать меня бездельником, а то, что я оставляю после себя, будет служить людям еще долго». Он умер 3 июня 1890 года в Кракове, похоронен на Раковицком кладбище.

■ Поляк по собственному выбору

Оскар Кольберг — фольклорист с самым богатым в Европе XIX века наследием. Оставленная им документация, как в количественном, так и в концептуальном отношении, не имеет себе равных в тогдашней этнографии.

Стоит упомянуть, что влюбленный в польский фольклор исследователь родился в семье с иностранными корнями. Мать Оскара, Каролина Фридрика Генриетта Меркёр, происходила из полонизированной французской семьи. Отец, Кшиштоф Юлиуш Кольберг (1776–1831), был немцем родом из Вольдегга в Герцогстве Мекленбургском, а его предки, в свою очередь — по одной из версий — имели шведское происхождение. Кшиштоф Юлиуш был инженером-картографом, работал, в частности, на замерах занятой пруссаками части Польши. После поражения Пруссии в 1806 году перешел на службу Великому герцогству Варшавского⁶. Прославился он, в том числе, разработкой большой карты Великого герцогства. В 1819 году стал профессором метрологии, геодезии и топографии Варшавского университета (был также членом Общества друзей образования). За свои достижения он получил дворянство с гербом «Колобжег». Несмотря на то, что отец Кольберга был немцем, он живо интересовался польской литературой и поэзией, переводил на немецкий стихи польских поэтов.

Несмотря на иностранные корни, в доме Кольбергов говорили по-польски, придавали значение патриотическому воспитанию детей, интересовались польской наукой и искусством. Среди друзей

⁵ Национальное правительство было создано в январе 1831 года в ходе Ноябрьского восстания.

⁶ Великое герцогство Варшавское — государство, образованное в 1807 году по Тильзитскому миру из польских территорий. Являлось протекторатом наполеоновской Франции под эгидой саксонского короля и просуществовало до 1813 года

дома были Казимеж Бродзинский⁷, семья Шопенов, многочисленный круг художников-романтиков. Сам Кольберг, кажется, говорил, что народы живут, пока поют. Так что, свой труд он рассматривал также как вклад в построение или восстановление польской национальной общности.

■ Наследие

Несмотря на огромные усилия, которые Оскар Кольберг вложил в издание собранных им материалов, умирая, он оставил в рукописях почти половину своих трудов. С 60-х годов XX века их последовательно обрабатывают и публикуют в серии «Все труды Оскара Кольберга», включая «Народ», музыкальные рукописи и корреспонденцию. Все труды будут насчитывать 87 томов. До сих пор вышли 84 тома, содержащие новые редакции изданий XIX века и редакции рукописных материалов.

Кольберг спас от забвения тысячи песен и мелодий, присутствовавших в современной ему крестьянской жизни, выполнив текстовую и нотную запись в различных региональных вариантах (интересно, что в год смерти Кольберга американцы произвели первые фонографические записи индейского фольклора: наступала эпоха фонографического документирования). Его колоссальная работа составляет сегодня сокровищницу знаний о прошлом Польши. Труды Кольберга столь важны еще тем, что появились в период резких социальных и цивилизационных перемен на польских землях — перемен, необратимо изменивших облик польской деревни. Кольберг, должно быть, сознавал, что записывает уходящий мир. Его труд можно поставить в одном ряду с важнейшими научными трудами той эпохи. Впрочем, и донныне он представляет собой источник знаний и вдохновения для этнографов, этномузыковедов, историков, а также для композиторов, преподавателей музыки, фолк-музыкантов и любительских народных ансамблей. Между прочим, стоит напомнить, что популярная песня «Влез котик на забор», когда-то народная припевка, наверняка была бы сегодня забыта, если бы не он.

В декабре 2013 года Польский Сейм объявил 2014 год годом Оскара Кольберга. В постановлении Сейма подчеркивалось особое значение наследия и достижений этого композитора, фольклориста и этнографа, которые навсегда вошли в польскую и европейскую культуру. Празднование года Кольберга проводит Институт музыки и танца. В связи с этим проводятся многочисленные художественные, научные, образовательные, документационные и популяризаторские мероприятия, посвященные жизни и творчеству Оскара Кольберга. Информацию о них можно найти, в частности, на сайте www.kolberg2014.org.pl. Национальная библиотека на сайте www.polona.pl выложила в публичном домене более ста оцифрованных произведений (среди них и послевоенные переиздания) этого выдающегося исследователя польского фольклора.

PODKOWIANSKI
MAGAZYN KULTURALNY

⁷ Казимеж Бродзинский (1791–1835) — польский поэт, историк, теоретик и литературный критик, переводчик, публицист и христианский мыслитель.

Петр Михаловский

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

быть (инструкция)

расположиться в чужих зрачках
расширить их улыбкой
либо наносить визиты
кратких озарений
чтобы следы распространить
и отвременить

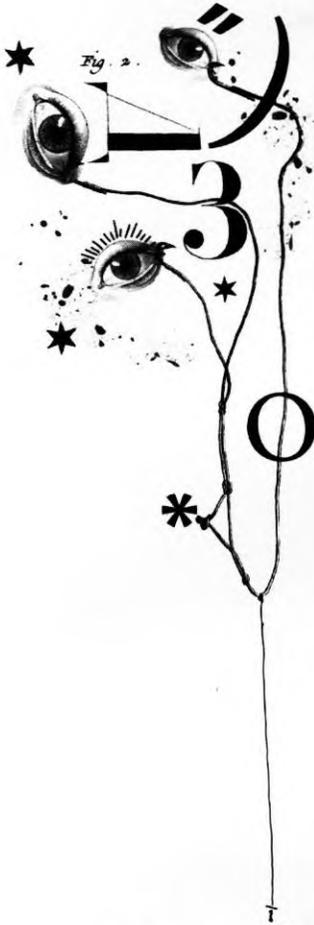
захватить их памяти на прокорм
отразиться в терпении зеркала
отполировать границы отблеска
раму можно оголосить
опечатать верой мгновенья

на другой день приступить к работе
по актуализации автопортрета
установив мольберт между
жестом модели
и ретушью вчерашнего наброска

перед сном забыть
что быть это видеть и помнить
вот только
что случилось перед падением
в бумажные шестерни бытия

поверить
в иллюзорность видимого
и правду не

12 июля 2005

экспансия

Писать. Собирать. Захватывать, нагнетать.
В своё дыхание воздух ничей.
Не спрашивать, зачем, – ни к чему это понимать.
Быть с буквы Б, что всё больше, – быть всё сильней.
Заполнять своим эхом призрачный контур,
Вне которого караулит лишь растущее Б.
Быть ему зеркалом, обращённым в Не-Бытие,
На пороге вер слуховые ломать горизонты.

Fig. 2 . . .
В
Нет величин – есть только большие буквы,
Есть лишь заглавные литеры – нет величия.
Сильные звуки слабую речь порождают,
Б переходит разве что в В высокое.
Там большая Ошибка – тут будет Заслуга,
А перо уже было ничьим пророком,
Тем, кто формулы упраздняет магические
И в самозванный алфавит распыляет.

4 августа 2004

Fig. 1 . . .

прозрачность

здесь и теперь
верх низ
безразличие неба
сдержанная неподвижность земли
дыхание атмосферы
в блуждающем волнении трав
обязательная банальность

равномерное распыление света
по суверенным предметам
почти мертвой природы

нет ни я
ни ты
немота вокруг

стойчески колышутся кроны
никто не зовет
мир не замутиён глаголами

пусть хоть так
зачем завтра
зачем закат
зачем время

и этот стих
плод выхода на балкон
под стать сигарете

17 июля 2004

история

Я родился всего через десять лет после войны,
мирные годы теперь все короче в каждой декаде.
Каждую сотню метров столбики, как на параде,
пролетаю их быстро и странно спокойно – дни сочтены.

А ведь где-то здесь... Все тот же песок... Не слышны
повторения слов. Хватит. Больше не надо.
Тот же песок. Тот же воздух. Предательски гадок
траурный взгляд на мир. Как четко видны

пунктиры белых дорог, ныряющих в синие дали
зелёных беззвучий на пепелище хроник!
Шпалеру блестящих кольев клином в кювет сметаю.

За бело-красными вспышками, на луговом фоне,
еще сияют цветы. Хотя там мусор навален,
песен не слышно и не ржут кони.

24 мая 2009

2
10
75
6

Fig. 2.

10
5
2

Fig. 1.

пятая колонна

ввиду временного отсутствия правительственного кризиса
в Прикарпатье началось наводнение
ввиду отсутствия люстрационных новостей
разразился ураган

депутаты под пальмами
еще только готовят скандалы
к осеннему сезону
пока это всего лишь
пятая колонна

огуречная тишина на Вейской
зарастает ботаническими сенсациями
но у них нет шансов попасть на первую страницу

никаких убитых тещ
никаких трупов новорожденных на свалке
всегда один и тот же объем и тираж

как этой ничегонепроисходящностью
сонных каникул
тронуть сердце
хотя бы киоскёра
чтоб он мог вытянуть у вас
свои утренние злотыйшестьдесят

продержаться бы
до внеочередных выборов

Александр Вирпша

ХОЛОДНАЯ ТОЧНОСТЬ

Петр Михаловский (р. 1970) — поэт и теоретик литературы, специалист по анализу стиха. Он дебютировал во «втором круге обращения» книгой «Поэма в красном» (1984). Выпустил восемь стихотворных сборников, в том числе две превосходных книги стилизаций: «Почти чужим голосом» и «Прототипы и отзвуки: от Кохановского до Баранчака». Стилизации эти — не просто подражания, но также, особенно когда речь идет о поэтах давних времен, попытка вписать прежние поэтики в то, что можно определить как поэтику современности, с ее ритмом и формой. Эти «подделки» в манере других авторов свидетельствуют о близком к безупречности знании их наследия и о высоком мастерстве Михаловского.

Несомненно, можно вписать творчество этого автора в круг поэзии, которую принято называть лингвистической, сосредоточенной на способах употребления языка, совершенствующейся в игре многозначностью. Но прежде всего это стихи и поэтические книги: собственно, каждый сборник представляет собой не столько собрание более или менее спонтанно родившихся произведений, сколько точно сконструированное повествовательное целое — скрепленное собственной нарративной логикой. Михаловский обращается здесь к поискам, воплощенным в поэзии Тимотеуша Карповича, Витольда Вирпши, Станислава Баранчака, а среди более отдаленных истоков следовало бы упомянуть концептуальную поэзию барокко. Это не лирика простых эмоций и сентиментальных порывов, к тому же, как подобает литературоведу, Михаловский создает тексты, полные литературных ассоциаций, своего рода интертекстуальную композицию. В то же время нельзя не заметить, что в своих стихах он использует автотематические образы, пишет о том, как пишет, хотя порой делает это исподволь. К примеру, когда одно из стихотворений, написанных широкой фразой, открывается строкой, в которой все слова начинаются на букву «б», или когда автор демонстрирует свое аллитерационное искусство.

Так обстоит дело в его последней книге «Тише, съемка» (2011). Собранные здесь стихи словно взяты в скобки расчлененной гамлетовской дилеммы: первый текст называется «быть», а последний — «или не быть». Такой типа конструктивные решения присутствуют в большинстве книг Михаловского, в том числе в композиции отдельных стихотворений. На первый план выступает здесь явление, которое можно определить как мнимую, или внушаемую, симметрию. По сути, она выражает стремление к чистоте и отчетливости рисунка; так происходит, скажем, в стихотворении «сонная грёза», где виду за окном противопоставлен другой вид — «с другой стороны окна»: оконное стекло становится осью симметрии, разделяющей два мира — различные, но неким таинственным образом тождественные.

Сборник — исключая вышеупомянутые тексты, составляющие его композиционную основу, — разделен на три части: «Состояния концентрации», «Чрезвычайные состояния» и «Локальные состояния». В такой последовательности состояний есть концепт, позволяющий прочесть весь сборник как палимпсест, где очередные состояния записаны поверх предыдущих, причем доминирует и наиболее разборчив третий слой. Здесь акцентирована «локальность», и прежде всего, хотя не только, связь со Щецином, городом, расположенном на крайнем северо-западе Польши. Не удивительно, что три первых текста цикла начинаются с одной и той же строки: «я пишу из угла карты» (кстати, именно так — «Из угла карты» — называлась колонка Михаловского в выходившем до недавнего времени щецинском литературном двухмесячнике «Пограничье»). Однако это не означает, что перед нами поэзия лишь чистого концепта: в конечном счете Михаловский поднимает вопросы, связанные с тем, как люди воспринимают историю и сводят счеты с недавним прошлым. Причем, несмотря на холодную формальную «калькуляцию», эти произведения не лишены сарказма, попросту написаны с чувством юмора.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Литературная осень обещает быть интересной. В ближайшие дни в продажу поступят новые книги Анджея Стасюка, Ольги Токарчук, Магдалены Тулли, Эустахия Рыльского, а также последний роман Виктора Пелевина «Бэтмен Аполло» в переводе на польский.

«Восток» Анджея Стасюка это воспоминания детства, проведенного у бабушки и дедушки в Полесье, и описание путешествий в Россию, Китай и Монголию. «Это попытка ухватить тень Востока, которая на нас ложится. Повествование о тоске, желании и страхе. И о том, как исчезает пространство, но возвращается память», — сообщает издатель.

Ольга Токарчук обращается к прошлому. Ее «Якубовы книги» — это пространный исторический роман о Якубе Франке (Лейбовиче), самозваном мессии XVIII века из Подолья.

Не придется жаловаться и любителям репортажа. Свет увидят полтора десятка новых публикаций, в том числе «Гарлем» Томаша Залевского и «Вне веры. Исламские странствия к обращенным народам» В.С. Найпола. Особые ожидания связаны с подготовленным Юрием Андруховичем сборником эссе «Тропик Украина», в котором писатели, историки, социологи, свидетели событий (в частности, Мартин Поллак, Юрко Прохасько, Николай Рябчук, Тимоти Снайдер, Анджей Стасюк, Сергей Жадан) рассказывают о ситуации на Украине.

» Отдельно следует упомянуть «Черную песню» — сборник стихов Виславы Шимборской. Сборник должен был стать ее дебютом, но, похоже, его задержала цензура. Некоторые стихи публиковались в литературных журналах, несколько — поэтесса включала позже в книжные издания.

«Черная песня» открывает серию произведений нобелевского лауреата, которую планирует выпустить краковское издательство «Знак». Кроме того, в издательском портфеле находятся такие позиции, как: до сих пор неизвестная читателю книга для детей, несколько томов поэзии в последних редакциях и «Обязательное чтение», т.е. фельетоны поэтессы о книгах.

» В конце лета (21–24 августа) Сопот жил литературой. Уже третий раз там проводился фестиваль «Литературный Сопот». Ведущей темой была русская литература. На фестиваль приехали Владимир Сорокин, Валерий Панюшкин (по-польски вышли его книги «Михаил Ходорковский. Узник тишины» и «Рублёвка»), Елена Чижова и автор популярных в Польше детективов Александра Маринина.

— Мы пригласили известных авторов, причем тех, кто находится в оппозиции к официальной политике России, и поэтому им там нелегко, — сказала Марта Чарнецкая, шеф бюро фестиваля. — Владимир Сорокин, конечно же, к любмчикам Кремля не относится, как и Елена Чижова, которая в марте подписала протест против аннексии Крыма.

На встречах с читателями речь шла о современной ситуации в русской литературе и культуре. В дискуссиях принимали участие, в частности, Адам Михник, переводчик Ежи Чех и репортер Вацлав Радзивилович. Одна из дискуссий называлась «Русские диссиденты вчера и сегодня». Писатели не бежали от политики и истории. По мнению автора «Дня опричника», нынешняя политика Владимира Путина — это результат того, что опыт сталинского террора так до сих пор и не переосмыслен, вина не искуплена.

— Мы не похоронили труп тоталитаризма, как это сделали немцы в 50-х годах, — заявил Сорокин. — В 90-е годы мы его просто поставили в угол. А сейчас он словно зомби восстал из праха и воняет.

» 24 августа в сербском городе Вршац Адам Загаевский получил Европейскую поэтическую премию им. Петру Крду, присуждаемую журналом «КОВ — Književna opština Vršac» («Литературная община Вршац»). Загаевский — третий польский поэт, удостоенный этой премии. Ранее ее присуждали Юлиану Корнхаузеру и Тадеушу Ружевику.

» Зофья Послыш, бывшая узница Освенцима, автор знаменитого (экранизированного Анджеем Мунком) романа «Пассажирка», 6 сентября

была отмечена на освенцимской Аллее писателей. Вмонтированная в тротуар бронзовая табличка содержит цитату из «Пассажирки»: «Свободен тот, кому нечего терять. Работ человека делает жажда жизни».

Аллея писателей в Освенциме, по замыслу организаторов, увековечивает искусство слова, культурную ценность которого трудно переоценить. Ранее установленные таблички содержат тексты Эвы Липской, Анджея Стасюка, Марека Бенчика и Януша Гловацкого. Следующую, в ноябре, откроет Мартин Светлицкий.

» Названы семь финалистов Литературной премии Центральной Европы «Ангелус», учрежденной Городом Вроцлавом. В списке оказался лишь один польский автор — Веслав Мысливский со своим новым романом «Последний кон». Остальные шесть претендентов это: Елена Чижова, Россия («Время женщин», пер. Агнешки Совинской), Олександр Ирванец, Украина («Болезнь Либенкрафта», пер. Натальи Брыжко и Натальи Запур), Исмаил Кадаре, Албания («Несчастный случай», пер. Дороты Хородьской), Павол Ранков, Словакия («Случилось первого сентября (или еще когда-то)», пер. Томаша Грабинского), а также два чешских автора — Мартин Шмаус («Девочка, запали огонек», пер. Дороты Добрев) и Яхим Тополь («Мастерская дьявола», пер. Лешека Энгелькингга). Лауреатов главной премии и впервые присуждающейся читательской премии им. Натальи Горбаневской мы узнаем во время торжественной церемонии 18 октября.

» Стали известны также финалисты литературной премии «Нике» нынешнего года. В финал вышли четыре романа: «Кости» Игнация Карповича, «Много демонов» Ежи Пильха, «Ночные животные» Патриции Пустковяк и «Небко» Бригиды Хельбиг. Номинированы также автобиография Кароля Модзелевского «Клячу истории загоним. Записки потрепанного всадника» и два сборника стихов: «Надвигается» Шимона Сломчинского и «Один» Мартина Светлицкого. С последним могут возникнуть проблемы. Светлицкий заявил, что не желает быть выдвинутым на премию. Жюри «Нике» ответило, что регламент премии не предусматривает какого-либо вмешательства автора — изданная книга функционирует в публичном обращении.

Имя лауреата мы узнаем 5 октября. Учредители «Нике» — «Газета wyborcza» и фонд «Агора».

» В начале сентября названы также лауреаты премии «Польский фэндом» им. Януша А. Зайделя в области отечественной фантастики. Премии получили Анна Кантох за рассказ «Дискретный человек» из антологии «Вожделение» и Кшиштоф Пискорский за роман «Тенегравюра». Премия присуждается читателями и жюри. В нынешнем году плебисцит проводился уже в тридцатый раз. Януш Зайдель (1938–1985), физик по образованию, был лидером среди польских писателей этого жанра.

» Литературных премий никогда не бывает слишком много! На горизонте замаячила очередная — им. Генрика Сенкевича «за лучший польский поп-роман года». Премию учредил занимающийся популярной культурой портал «Дзика банда». Новая литературная премия призвана поддержать польских писателей, книги которых ценят прежде всего читатели, а не только жюри литературных конкурсов. «Почему Сенкевич? — ставят вопрос инициаторы. — Это просто. Сегодня мы необоснованно рассматриваем нобелевского лауреата лишь в качестве школьного классика. А ведь при жизни он был автором, которого обожали читатели, а его творчество не ограничивается «Трилогией» или «Камо грядеши» и «Крестоносцами». Он писал юмористические рассказы и мрачные новеллы, эпические бытовые романы и репортажи. Однако, прежде всего, Сенкевич — это синоним огромного успеха на рынке. Трудно, пожалуй, назвать польского автора, который пользовался бы столь большой популярностью на родине и за рубежом». Фаворит читающей публики получит 40 тыс. злотых.

» Генрика Сенкевича вспоминали и по другому поводу. 6 сентября в Варшаве происходило Народное чтение его «Трилогии» с участием президентской четы и выдающихся театральных актеров. Кроме того, Сенкевича читали еще в более чем 1 500 местах по всей Польше: в библиотеках, на площадях, в парках, больницах, школах.

Народные чтения, напоминает агентство ПАП, — это инициированная в 2012 году президентом Брониславом Коморовским всепольская акция публичного чтения наиболее значительных польских литературных произведений. Чтения названы «народными», чтобы подчеркнуть их повсеместный и эгалитарный характер. Они должны служить популяризации чтения, укреплению чувства общенациональной идентичности, обратить внимание на необходимость заботы о польском языке. Два

года назад поляки коллективно читали «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича, в прошлом году — «Месь» Александра Фредро. В следующем году Народные чтения будут посвящены «Кукле» Болеслава Пруса.

» В Кракове, на территории старой электростанции, 12 сентября открылась новая площадка «Крикотеки» — Центра документации искусства Тадеуша Кантора. Кроме выставочных залов, здесь расположены театральный зал, архив, читальный зал, библиотека, книжный магазин и кафе с видом на Вислу и панораму Кракова. Затраты на строительство «Крикотеки», на ее оснащение и организацию постоянной экспозиции составили свыше 50 млн злотых, из чего 85% — это дотация Европейского союза.

— На краковском бульваре над Вислой стоит не здание. Стоит произведение. Объект, являющийся своего рода противопоставлением зданию, воспаряющий над землей, какой-то подпертый, кособокий, облицованный заржавевшей жестью, отражающийся в мутной реке и отражающий приближающиеся к нему фигуры, втиснутый в место, вырванное из случайного пространства, — сказал представитель Малопольского маршалского департамента и заметил: — Бескомпромиссность здания требует бескомпромиссного искусства.

Открытие новой «Крикотеки» сопровождал вернисаж временной экспозиции «Ничего дважды», на которой демонстрировались работы современных художников, интерпретирующих творчество Тадеуша Кантора.

» Хорошие новости для меломанов. В Щецине 29 сентября открылось новое здание Филармонии им. Мечислава Карловича. Современное здание построено по проекту архитекторов из Барселоны. Новая «икона города» вмещает в своих залах 1 200 зрителей. Строительство началось в 2011 году и обошлось приблизительно в 120 млн злотых, из которых 40 млн выделил Евросоюз. Новое здание сооружено на месте, где до войны помещался немецкий «Концертхаус», уничтоженный в ходе авианалетов союзников на Щецин во время Второй мировой войны.

Первый из восьми концертов, знаменующих начало работы филармонии в новом помещении, состоялся 5 сентября. Его открыла «Фанфара», которую Кшиштоф Пендерецкий специально посвятил филармонии.

— В настоящее время с точки зрения акустики это лучший новый зал в нашей стране, — заключил Яцек Каспшик, выдающийся польский дирижер, художественный руководитель Национальной филармонии в Варшаве.

» Уже 1 октября будет торжественно сдана в эксплуатацию новая резиденция Национального оркестра Польского радио в городе Катовице. Ее построили в течение двух лет на месте лесного склада заброшенной шахты.

Это исключительно красивое здание (кирпич, кедр и береза) вмещает два концертных зала — большой на 1 800 мест и камерный на 300. Капиталовложения составили 265 млн злотых, из них дотация Евросоюза свыше 122 млн злотых. Торжественный концерт открывает довольно редко выступающий на родине Кристиан Цимерман, выдающийся польский пианист мировой славы.

» Во время 49-го фестиваля «Wratlavia Cantans» (5–16 сентября) на 30 концертах были исполнены, в частности, произведения Баха, Вивальди, Генделя, Бетховена, Перселла, Зеленки, Стравинского. В нынешнем году фестиваль проходил под девизом «Из тьмы в свет», а его существенным элементом была сакральная музыка. Во время открытия в помещении костела св. Марии Магдалины меломаны услышали гимны «Магнификат», написанные Иоганном-Себастьяном Бахом и Антонио Вивальди. Прозвучал также «Кончерто гротто» Генделя. Во время фестиваля можно было также услышать, помимо прочего, «Stabat Mater» Кароля Шимановского и «Сотворение мира» Гайдна.

«Wratlavia Cantans» — это крупнейший и наиболее престижный фестиваль классической музыки в Нижней Силезии. В следующем году фестиваль отметит полувековой юбилей.

» Национальный музей во Вроцлаве представляет большую выставку, посвященную Альфреду Ленице (1899–1977), выдающемуся, но несколько забытому сегодня художнику, работы которого вошли в канон современного польского искусства. По образованию он был скрипачом. Альфред Леница — отец известного плакатиста Яна Леницы и художницы Дануты Конвицкой, тесть Тадеуша Конвицкого. Во Вроцлаве показано почти 200 работ художника из частных коллекций. По ним можно проследить эволюцию творчества Альфреда Леницы: эксперименты с ташизмом, произведения, выходящие из опыта информеля, коллажи и,

наконец, абстрактно-метафорические картины с выразительным сюрреалистическим бэкграундом. В 50-е годы художник пережил увлечение соцреализмом, одновременно в то же время писал, не пытаясь их выставлять, знаменитые абстрактные композиции. Выставка продлится до 19 октября.

» В том же музее во Вроцлаве и также до 19 октября можно посмотреть цикл из 144 рисунков Яна Матейко, представляющих польских правителей. Эти листы, из соображений сохранности, выставляются крайне редко.

» За пять месяцев работы выставки картин Александра Герымского в Национальном музее в Варшаве ее посетило почти 99 тыс. зрителей. В Кракове работы его брата Максимилиана посмотрело около 25 тыс. человек. Обе выставки завершились 10 августа, собрав вместе 125 тыс. зрителей. «Это свидетельствует о высокой степени зрелости нашей публики. Выставки Герымских — выставки не из простых, заигрывающих со зрителем. Они несут очень серьезную научную нагрузку, их восприятие требует определенного усилия. Оказалось, что наша публика к такому усилию готова», — подвела итог директор Национального музея в Варшаве Агнешка Моравинская.

» Очередная масштабная экспозиция в варшавском Национальном музее посвящена масонству в Польше. Она открылась 11 сентября. Проф. Тадеуш Цегельский, автор сценария выставки, рассказал: «Посетители смогут убедиться, что масонство, пользуясь универсальным языком символов, аллегорий, притчи, обращается к традиционным ценностям, понятным всем людям, независимо от их социального статуса, национальности и вероисповедания».

Выставка «Масонство. Pro publico bono», первая в Польше столь всесторонне охватывающая тему, представляет около 500 произведений в восьми музейных залах, организованных как путь посвящения к вступлению в ложу. Выставку можно посетить до 11 января 2015 года.

» С 23 по 31 августа проходил XI Фестиваль еврейской культуры «Варшава Зингера». В этом году мероприятие было посвящено умершему в июле Шимону Шурмею (1923–2014) — актеру, режиссеру, многолетнему директору Еврейского театра в Варшаве. Состоялись концерты, спектакли, литературные встречи, исторические прогулки, показы фильмов, среди которых был и «Уикенд с фильмами Михала Вашинского»,

посвященный одному из наиболее известных довоенных польских кинорежиссеров. Проводились также выставки фотографий, лекции, культурные и художественные мастер-классы.

Во время открытия фестиваля в столичной синагоге им. Ножиков вручались статуетки для «стражей памяти, сохранивших память о еврейской культуре». В этом году одну из статуеток получил основатель и генеральный директор театра «Юдишпиль» в Тель-Авиве Шмуэль Атцман-Вирцер, который при вручении заметил: «Слава Богу, что мы дожили до того момента, когда в Польше снова стал звучать язык идиш и мы снова можем встретиться в этой синагоге. А возможность сыграть пьесу Зингера по-польски — это вершина моей карьеры, и я за это очень благодарен».

— Если нам удалось добиться, что раз в году Варшава говорит по-еврейски, пульсирует еврейской жизнью, то это главная заслуга фестиваля, — сказала Голда Тенцер, директор фестиваля, основатель и генеральный директор фонда «Шалом», вдова Шимона Шурмея.

Прощания

» 4 сентября в возрасте 89 лет в Варшаве умер проф. Владзимеж Котонский, один из первых авторов электронной музыки в Польше. Как композитор он сотрудничал с Экспериментальной студией Польского радио, работал в школах электронной музыки в Кельне, Фрайбурге, Париже и Стокгольме.

Он писал также музыку для документальных и мультипликационных фильмов, таких, например, как «Дом» (1958, реж. Валериан Боровчик) или «Лабиринт» (1963, реж. Ян Леница). Почти 30 лет он был преподавателем Варшавской музыкальной академии. Кроме того, преподавал в музыкальных учебных заведениях Швеции, США, Израиля. Профессору Котонскому принадлежат также публикации по электронной, экспериментальной и перкуссионной музыке, в их числе «Лексикон современной перкуссии» и «Электронная музыка» — первая такого рода антология в Польше.

» 6 сентября в Познани в возрасте 54 лет скончался Лешек Кнафлевский — художник-мультимедиалист, музыкант, автор фильмов, картин, инсталляций, наставник и друг молодых художников. В 1983–1989 годах — член художественной группы «Круг Клипса». Кнафлевский всю жизнь был связан с Познанью.

Павел Бем

ПАРИЖСКАЯ «КУЛЬТУРА» В СЕТИ

13 сентября 2014 года, буквально накануне 14-й годовщины со дня смерти Ежи Гедройца, был запущен портал www.kulturaparyska.com. Он представляет собой виртуальную версию архивного собрания из созданного Редактором¹ в 1946 году издательства «Институт литерацкий» («Литературный институт»), который являлся одним из самых значимых центров польской эмиграции во второй половине XX века. В тот период Институт собрал вокруг себя все самые важные фигуры польской литературы и независимой политической мысли. В издательстве Гедройца и на страницах редактируемого им журнала «Культура» печатались, в частности, Чеслав Милош, Витольд Гомбрович, Юзеф Чапский, Ежи Стемповский, Анджей Бобковский и Густав Герлинг-Грудзинский. В парижском пригороде Мезон-Лаффит, где находится Институт, формировались концепции современной польскости. В 2009 году его архивы, включавшие среди прочего сто восемьдесят погонных метров полок с документами о текущей деятельности Института, были внесены в список всемирного документального наследия ЮНЕСКО «Память мира».

Воля Ежи Гедройца состояла в том, чтобы после его смерти Институт стал не музеем, а местом работы. В уставе основанного в 1999 году им самим, Зофьей Херц и Генриком Гедройцем объединения «Литературный институт “Культура”» мы читаем, что Институт создан, чтобы «сохранять, показывать и использовать в исторических исследованиях и в целях распространения демократических ценностей то интеллектуальное наследие, каковым является журнал “Культура”, его архивы, места, где велась работа над ним, а также другие журналы и документы, равно как и всякие предметы, связанные с “Культурой”». Открывшийся после двух лет интенсивных работ портал позволяет реализовать одну из разнообразных целей по-прежнему динамичного объединения, действующего сегодня под руководством Войцеха Сикоры. Постоянно разрастающиеся ресурсы портала позволяют не только увековечить деятельность Редактора, но и широко распространить ее плоды. Первый, наиболее важный этап работ, связанных с этим сайтом, закончен. Однако виртуальная версия архива Литературного института постоянно расширяется, почти ежедневно пополняясь новыми материалами, которые в течение уже пяти лет приводят в порядок и обрабатывают — в том числе и для нужд самого портала — сотрудники Национальной библиотеки в Варшаве, а также Главной дирекции государственных архивов. Результатом этих трудов станет полный каталог документов и базы данных «Культуры».

Пользователи сайта www.kulturaparyska.com найдут там прежде всего электронную версию всех номеров «Культуры» (637 номеров, изданных в 1947–2000 гг.) и «Исторических тетрадей» (171 номер за период 1962–2010 гг.), а также библиографию названных журналов и инструментарий, позволяющий отыскивать отдельные тексты. На сайте содержатся также многочисленные биографические заметки о лицах из круга «Культуры», внушительный архив газетных и прочих вырезок, посвященных деятельности Института, равно как и богатые галереи фотоснимков, аудио- и видеозаписей, большая часть из которых впервые стала доступна в электронном виде. Важным элементом портала является также раздел, дающий возможность доступа к переписке Ежи Гедройца, которая представляет собой феномен мирового масштаба. Благодаря документационной добросовестности Редактора, всегда писавшего свои письма под копирку, сохранилась его корреспонденция в обе стороны. Институт располагает также письмами своих сотрудников. В общей сложности в его архивах находится свыше ста пятидесяти тысяч писем. Часть из них уже дигитализированна и выложена в сеть, остальные будут систематически пополнять собрание портала. Благодаря данной инициативе заинтересованные лица могут уже сегодня прочесть, что именно Раймон Арон писал в 1966 году Константину Еленскому,

¹ В Польше сложилась традиция именовать Ежи Гедройца, главного редактора ежемесячника «Культура», просто Редактором — с большой буквы. Здесь и далее прим. пер.

о чем говорится в посланиях Владислава Андерса Юзефу Чапскому или каким образом Збигнев Бжезинский рецензирует статьи «Культуры» в своем письме Редактору. Не лишено значения и то обстоятельство, что все доступные на сайте статьи и письма можно в отличном качестве сохранить на собственном компьютере.

Авторы портала приглашают также всех пользователей сайта совершить виртуальную прогулку по дому на авеню де Пуасси, 91 в Мезон-Лаффите. Благодаря этому можно, не поднимаясь с кресла перед компьютером, подробно осмотреть всё здание «Культуры», а также находящиеся в нескольких шагах от него библиотеку и особый, предназначенный для архива павильон. В центральном здании Института для виртуальных гостей открыты все кабинеты и жилые комнаты сотрудников, а также прославленный зимний сад со столом из знаменитого парижского отеля «Ламбер», или менее популярное служебное помещение для упаковки печатной продукции, в котором много лет ежедневно работал Зигмунт Херц. Комментарии, сопровождающие данное путешествие, а также высокое качество фотографий дома позволяют ознакомиться с всеми деталями очередных помещений на всех этажах. Таким образом можно не торопясь присмотреться хотя бы к собранным в особняке произведениям искусства и предметам музейного уровня. Благодаря функции виртуального экскурсовода любознательному взору дотошного гостя предоставляется также шанс разглядеть во всех подробностях старинные и порой обладающие исторической ценностью предметы мебели, украшающие комнаты фотографии, вставленные в некоторые из оконных рам небольшие стекла, расписанные известным польским художником и графиком Яном Лебенштайном, или же коллекцию «Удодов», которую собирал Генрик Гедройц в связи со своим прозвищем².

Планы развития портала предусматривают также образовательные проекты — вскоре на нем будут доступны сценарии лекций, посвященных истории Института. Обмен соображениями на эту тему станет возможным благодаря разделу блогов, ожидающему тех, кто захочет сотрудничать. Уже теперь благодаря данному сайту можно познакомиться с богатой библиографией как публицистических, так и научных работ о мире «Культуры».

В этой связи есть смысл упомянуть, что объединение «Литературный институт «Культура»» популяризирует наследие Ежи Гедройца не только в виртуальной действительности, но и с помощью издательской деятельности. Еще в этом году выйдет по одному тому переписки Редактора с автором исторических романов Теодором Парницким и с украинским поэтом Евгеном Маланюком, а также отдельный том с подборкой опубликованных в «Культуре» статей Збигнева Бжезинского.

Портал www.kulturaparyska.com был запланирован как исчерпывающий источник знаний о парижской «Культуре» и ее деятельности для как можно более широкой публики. Это, скорее всего, первая польская попытка сделать ресурсы частного органа культуры легкодоступными, причем в таких масштабах. Указанный сайт сочетает функции архива и интерактивной библиотеки, являясь также своего рода энциклопедией. Все это находится в свободном доступе. Поэтому сайт представляет собой как удобный рабочий инструмент для исследователей «Культуры» и тех, кто страстно увлечен ею, так и неоценимый источник материалов для всех заинтересованных лиц. Стиль изложения и структура портала побуждают к приобретению новых знаний, к собственным разысканиям и открытиям. Его существование, а также богатые перспективы дальнейшего развития — это большой шанс на то, что достояние Ежи Гедройца и его сотрудников, иными словами, архив самого важного интеллектуального центра польской эмиграции в XX веке, дойдет до самого широкого круга читателей, будет оценен и использован. Творение Редактора, некогда боровшегося с цензурой и запретом на распространение своих публикаций в Польше, сегодня попадает в каждый подключенный к интернету дом. В соответствии с волей Редактора Институт не превратился в музей, хотя его по-прежнему можно посещать. Теперь еще и виртуально.

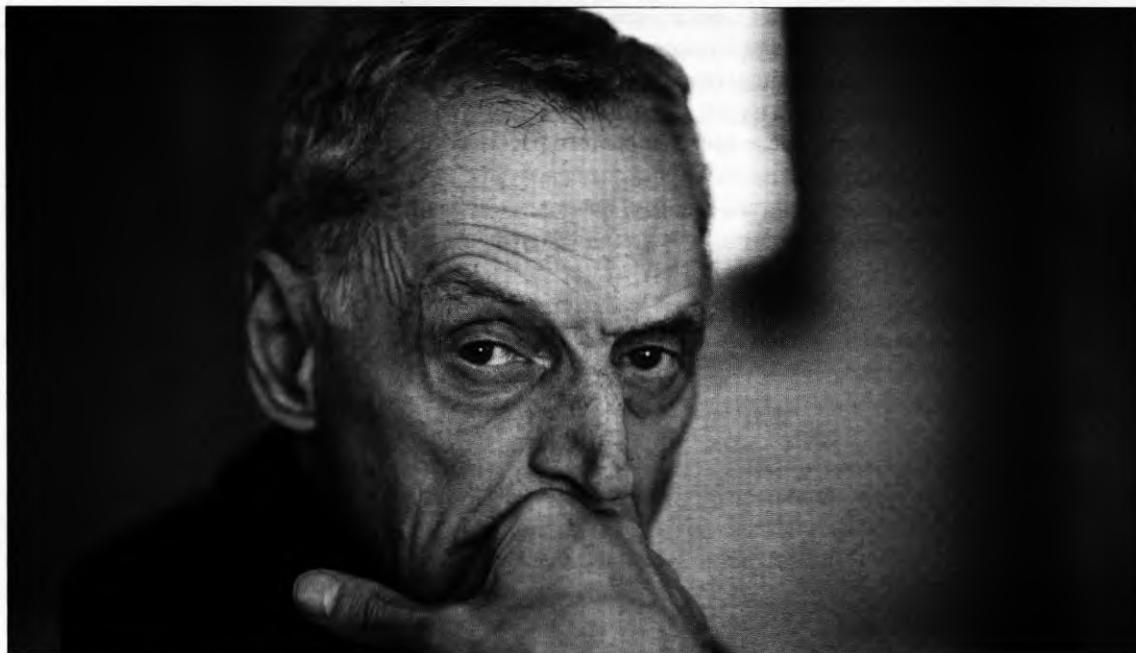
² Такую кличку (по-польски — *dudek*) он получил от своего брата Ежи, который был старше Генрика на 16 лет. Надо сказать, что это слово означает не только 'удод', но и 'дурачок, простофиля'.

Эустахий Рыльский

КТО ПОВЛИЯЛ НА ВАШУ ЖИЗНЬ?

На вопрос Дороты Гебултович: «Кто из тех, кого вы знали лично или по книгам, оказал влияние на вашу жизнь?» — отвечает писатель Эустахий Рыльский

Если у меня есть выбор между литературой и жизнью, я выбираю первую. Жизнь я помню хуже. Если литература оставляет мне выбор между героинями и героями книг, выбираю героинь. Если этот выбор оказывается удачным, я останавливаюсь на тех женщинах, портреты которых не прописаны слишком уж детально. Если из самых скудных описаний я могу выбрать самое сдержанное, то это будет Арина Тимофеевна из рассказа «Ермолай и мельничиха» Ивана Тургенева.

В нескольких десятках необязательно охотничьих рассказов, собранных в томе «Записки охотника», речь идет о здоровье, силе, страстях, мужских увлечениях и великой красоте мгновений (если процитировать собственное эссе «Арина Тимофеевна»), показанных, однако, без малейшей доли — а могло ли быть иначе в случае мудрейшего из писателей — оптимизма.

Русский прозаик, может быть, самый крупный из великих, недооцененный в России, Европе, мире, не убеждает нас в своей книге, что все будет хорошо, напротив, в конце нас ждет катастрофа, но, прежде чем она произойдет, давайте наслаждаться мгновениями, если они того заслуживают.

Мгновениям из «Записок охотника» в этом праве не откажешь. Они текут в блеске жаркого полудня, в шорохе степных трав, в прохладе леса у края дороги, в прозрачности белого морозного дня или спокойствии весенней ночи.

И на такую ночь приглашает нас Иван Тургенев в рассказе «Ермолай и мельничиха». Грех было бы не воспользоваться этим приглашением, даже если воображение зовет нас к чему-то более увлекательному.

Холодные апрельские сумерки. Охотники, а скорее путники, улеглись в стogu сена над рекой. Еще не досаждают комары, затихают последние птицы. Перед ними пытит самовар. Бутылка водки, табак, соленые рыжики и ленивый разговор ни о чем.

Только Арина Тимофеевна, жена хозяина, хлебосольно принявшего путников у своей реки, молчит, оперев локти на колени и положив лицо на руки.

Ей чуть за тридцать. Она из категории безупречных. Высокая, хрупкая, восточная, чувственная, истончившаяся от болезни, вероятнее всего, чахотки. Осознающая свой скорый закат.

Автор описывает нам ее при помощи едва ли десятка предложений. Если получится, мы сможем дополнить описание своими, если нет, достаточно и того, что мы получили.

Все мы уйдем, но эта героиня уходит на наших глазах. Уверенность в том, что, как бы мы ни старались, нам не предотвратить этого, порождает бунт, но нет в нем криков, проклятий, истерики, ибо сущность этой весенней ночи у реки, при гудящем самоваре, и сущность этой захватывающей истории — это покой. Печаль, покой и, верится мне, пленительная красота.

Арина Тимофеевна ничему не учит нас, ни в чем не убеждает, ничего не доказывает. Она лишь подтверждает наше восхищение и нашу тревогу.

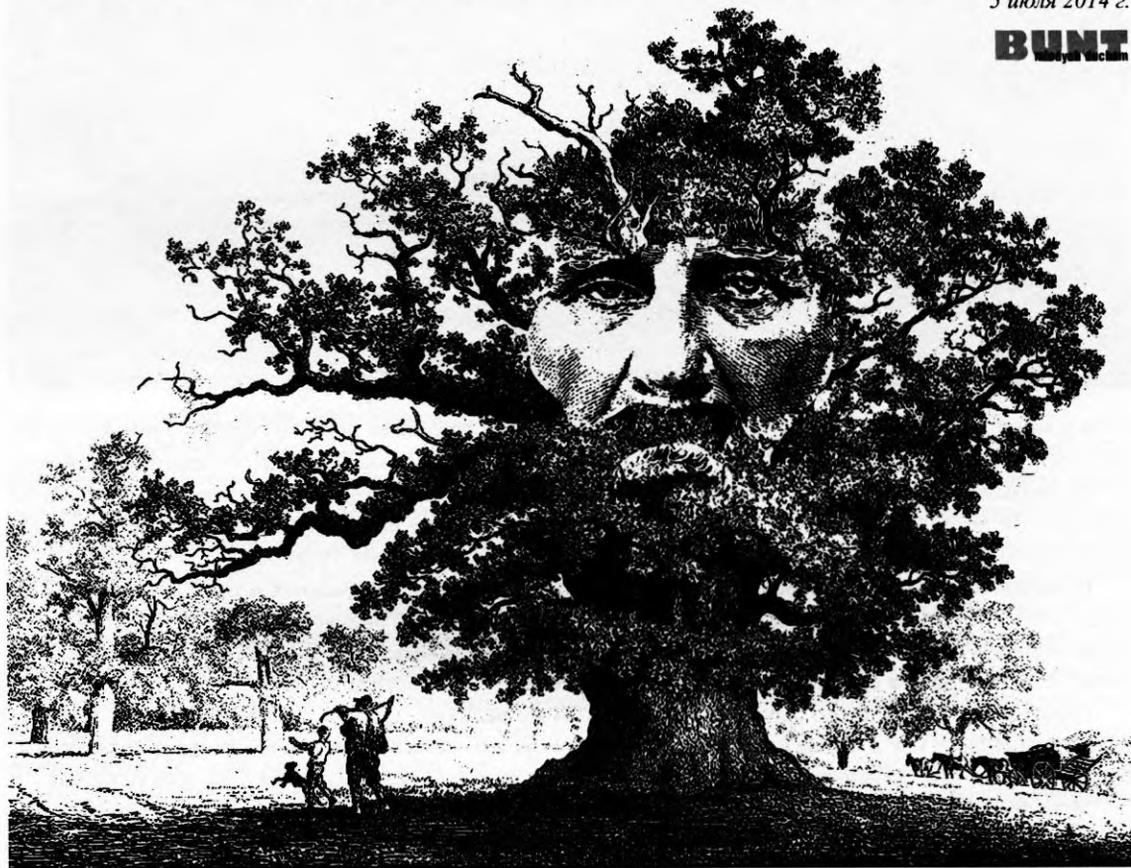
А помимо всего прочего, после прочтения этого рассказа у нас возникает и уже никогда не исчезает впечатление, что мы встретились с близким человеком.

Высший литературный пилотаж, и жизни нечего тут добавить.

Ведь жизнь это больше, чем просто хорошая литература, но с самой лучшей тягаться ей не под силу.

5 июля 2014 г.

BUNT

Эустахий Рыльский — прозаик, автор пьес и киносценариев. Родился в 1944 году в с.Навоёва, близ Нового Сонча. Дебютировал в 1984 г. диптихом «Станкевич. Возвращение». Следующий роман «Человек в тени» (2004 г.) был отмечен литературной премией им. Юзефа Мацкевича. В 2006 г. был номинирован на литературные премии «Нике» и «Ангелус» за роман «Условие». Его произведения переведены на итальянский, немецкий, французский, русский, венгерский и испанский языки. В 2013 г. В издательстве «Велька литера» вышел его роман «Рядом с Юлией».

**Патриция Отто,
Беата Томашкевич**

ПОЛЬСКАЯ КОСМЕТИКА ИЗВЕСТНА ВО ВСЕМ МИРЕ

В этой отрасли Польша — значимая европейская величина. Сегодня здесь работает около 400 производителей косметики, экспортирующих свой товар в 130 стран. А ведь еще четверть века назад Польша была экономической пустыней. Сегодня такие марки, как «Dr Irena Eris», «Inglot», «Ziaja» или «Eveline Cosmetics», знают и любят на всех континентах.

Березовая вода, кремы «Nivea», «Pani Walewska» и «Brutal» — эта косметика царила на прилавках магазинов в эпоху ПНР. Иностранцы вроде мыла «Fa», дезодоранта «Rexona» или теней для век «Rimmel» можно было купить только в «Певэксе»,¹ — а поэтому они были доступны лишь для избранных.

Отсутствие конкуренции на рынке приводило к тому, что отечественные предприятия не соревновались в новинках и производили столько продукции, сколько хотели, а не сколько требовалось. Это было время, когда тон на данном рынке задавало Объединение промышленности по производству косметических и чистящих средств «Pollena». В 1989 г. в его состав входило 14 фабрик, производящих косметику, изделия бытовой химии и ароматические композиции.

В 80-х годах начали возникать первые частные фирмы. Вне сомнения, большое влияние на развитие указанного рынка оказало предоставление нашим соотечественникам-эмигрантам возможности учреждать полонийные предприятия, т. е. предприятия с участием капитала иностранцев польского происхождения. Именно так вернулся в бизнес Игнаций Сошинский, который до войны владел в Польше косметической фирмой. Он основал в Познани фирму «Inter-Fragrances», предоставил работу 1,5 тыс. человек, в том числе собственному сыну Войцеху и его жене Дороте, которые через несколько лет открыли собственное предприятие — под названием «Oceanic».

Не только эмигранты решались организовать собственный косметический бизнес. Одной из первооткрывательниц в этой отрасли, причем наиболее известной, стала Ирена Эрис. За короткое время — подобно тому, как это происходило в межвоенном двадцатилетии, — сегмент частных производителей возродился и достиг промышленного уровня. Во Второй Речи Посполитой рынок завоевали «Miraculum», «Uroda» и «Ewa», начиная с 80-х годов, кроме уже упомянутых фирм «Inter-Fragrances» и «Irena Eris», на рынок входят «Soraya», «Dax Cosmetics», «Ziaja», «Kolastyna», «Dermika», «Joanna», «Bielenda», «Hean» и «Inglot».

Предприниматели вспоминают те времена с самыми теплыми чувствами. Слабо насыщенный рынок с легкостью принимал любой новый продукт, имевший приемлемую цену. Проблема возникла лишь в тот момент, когда началась — уже в Третьей Речи Посполитой, т. е. после 1990 года, — приватизация самых крупных и наиболее известных польских производственных предприятий. Их скупали мировые концерны, которые таким образом получали доступ к польскому рынку. Именно так дебютировали у нас «Cussons», «Henkel», «L'Oreal» или «Beiersdorf».

Многие зарубежные фирмы, в том числе «Avon», «Procter & Gamble», «Oriflame» или «Colgate-Palmolive», инвестировали средства в строительство новых заводов и фабрик в нашей стране. Польки восторгались продуктами, которые до этого были им известны только из иностранных журналов вроде «Vogue» и доступны исключительно за валюту. Интерес к отечественным маркам на какое-то время упал.

¹ «Певэкс» — польский аналог советской «Березки»; сеть магазинов, где продавали дефицитные, в основном западные, товары за валюту или ее эквиваленты. Прим. пер.

Однако это не означало, что польские предприниматели отказались от борьбы за клиента. «В тот период вся цветная косметика у нас была импортная. Мы поняли, что это наш шанс. Начали с производства пластмассовых упаковок для косметики и дезодорантов на маленькой фабрике в Опаче на Мазовии. Потом приступили к производству цветной косметики», — вспоминает Кшиштоф Пальска, президент и учредитель фирмы «Bell».

Косметическая промышленность Польши становилась не встречавшейся нигде на европейских просторах смесью глобальных косметических концернов со средними и малыми отечественными фирмами.

Очередным переломным событием для отрасли было вхождение Польши в Евросоюз, которое сопровождалось принятием евросоюзного законодательства и единых требований по составу, маркировке и обороту косметических средств. К числу наиболее существенных инструктивно-регулирующих правовых документов следует отнести косметическую директиву 76/768/WE, распоряжение REACH (Registration, Evaluation and Authorisation of Chemicals, «Регистрация, оценка и авторизация химических веществ») и косметическое распоряжение 1223/2009/WE. Они возложили на производителей новые обязанности в области производства, контроля качества и проведения исследований. Однако, с другой стороны, подчинение этим нормативным документам давало возможность свободного распространения польской косметики в странах Европейского союза.

Массовый приход зарубежных концернов и рост конкуренции привели к значительному оживлению в отрасли. Польки начали массово покупать косметику. В 2003 г. рынок оценивался в неполных 9 млрд злотых, сегодня он уже превосходит 20 млрд злотых.

Еще одним переломным моментом стала отмена акцизов на косметические средства (мало кто в Польше помнит, что до 2006 г. они были обязательными). Это привело к тому, что отечественные фирмы получили больше денег на развитие. Наступило время новых инвестиций — например, в научно-исследовательские центры. Свое отделение такого типа открыла Косметическая лаборатория «Dr Irena Eris», фирма «Ziaja» вложила капитал в целых четыре подобных центра, а «Dax Cosmetics», в свою очередь, — в три лаборатории (физико-химическую, микробиологическую и научно-исследовательскую). Производственные площади последней фирмы занимают в настоящее время 7 тыс. кв. м., а современное оборудование позволяет изготавливать 8 тонн косметических средств в сутки.

И, что самое важное, — упомянутая выше отмена акцизов вызвала, помимо всего прочего, падение цен польской косметики, а это действенным образом затормозило развитие серой зоны. Наши предприниматели добились также перевеса на зарубежных рынках, что повлияло на динамичный рост экспорта. В результате фирма «Inglot» сегодня присутствует уже в 57 странах, Косметическая лаборатория Ирены Эрис — в 40 государствах, а «Eveline Cosmetics» — в 70.

В общей сложности польские косметические фирмы поставляют свои изделия в 130 стран мира. Охотнее всего ими пользуются россиянки (свыше 15% польского экспорта), далее следуют англичанки и немки. Мы доросли до ранга шестого европейского производителя — после Франции, Германии, Италии, Великобритании и Испании.

Однако самыми преданными потребителями отечественных продуктов остаются сами поляки. 60% приобретаемых у нас косметических средств поставляются отечественными производителями; всего их насчитывается около четырехсот, из чего две трети — это малые, зачастую семейные фирмы.

ОТ КРЕМА В КАСТРЮЛЕ ДО ШИРОКО ИЗВЕСТНОГО БРЕНДА

Ирена Эрис начинала, как когда-то Хелена Рубинштейн, с производства одного-единственного косметического средства. Теперь ее фирма продает 25 млн упаковок различных продуктов в год

Она защитила диссертацию по фармацевтике в Берлинском университете им. Гумбольдта, знала иностранные языки, но в полной мере реализоваться не могла. В 80-х Ирена Эрис работала в варшавской фармацевтической фирме «Polfa». Именно из чувства невозможности реализоваться в государственной фирме и выросла одна из самых rozpoznawаемых польских косметических марок.

Свой первый шаг будущая бизнесвумен сделала благодаря помощи мужа и в результате его уговоров. Вначале в помещении бывшей пекарни она открыла небольшую фабрику в городе Пясечно под Варшавой. Ее единственный тогда продукт, универсальный полужирный крем, готовился в металлической кастрюле внушительных размеров, перемешивался специально приспособленным для этой цели небольшим сверлильным станком и раскладывался по баночкам вручную. Однако уже тогда она мечтала о создании целой серии косметических средств для полек. А также приняла решение, что будет подписывать все свои продукты собственным именем. Так возникла марка «Dr Irena Eris».

Ее создательница хотела тем самым дать клиентам сигнал, что лично берет на себя ответственность за действие своих косметических средств.

Теперь изделия Ирены Эрис продаются в 40 с лишним странах мира, а ее фирма дает работу примерно 800 сотрудникам. В 2012 г. фирма «Dr Irena Eris» стала единственной нефранцузской маркой, приглашенной в число членов «Comité Colbert», — ассоциации самых роскошных мировых брендов, в состав которой входят, в частности, такие гиганты, как «Louis Vuitton», «Christian Dior», «YSL», «Chanel».

Переломных моментов в деятельности Ирены Эрис было несколько. Однако самым существенным с точки зрения развития ее фирмы было открытие в 2001 г. Косметической лаборатории «Dr Irena Eris» — уникального научно-исследовательского центра европейского масштаба. Это в нем коллектив биологов, молекулярных биологов, врачей-дерматологов и аллергологов ведет исследования (именуемые «in vitro»), которые делают возможным применение в косметических средствах активных компонентов в самых оптимальных концентрациях, а также включение их в состав синергически действующих комплексов. Другим этапом работ являются, в свою очередь, исследования «in vivo» (аппликационные), которые подтверждают эффективность действия используемых компонентов в конкретном косметическом средстве.

Эта лаборатория сотрудничает со многими научными учреждениями — в том числе с Институтом экспериментальной биологии им. М. Ненцкого Польской Академии наук, с Варшавским политехническим институтом, биологическим факультетом Варшавского университета, факультетом биотехнологии Ягеллонского университета в Кракове, с Варшавским медицинским университетом, Институтом ядерной химии и техники, Лодзинским медицинским университетом и Познанским политехническим институтом. Результатом является не только производство инновационных косметических средств, но также научные и научно-популярные публикации в польских и иностранных отраслевых журналах.

Лишь в 2012–2014 гг. данная лаборатория представила в патентное ведомство шесть изобретений, непосредственно связанных с научно-исследовательской и экспериментальной тематикой, среди них — вещества, которые оказывают на кожу женщин омолаживающее воздействие и замедляют процессы ее старения. Все эти патентные заявки уникальны для косметической отрасли — содержащиеся в них композиции активных субстанций нигде ранее не применялись. В общей сложности на протяжении последних двух лет лаборатория внедрила более 80 проектов и 300 с лишним новых рецептур.

Одновременно Ирена Эрис развивает сеть косметических институтов. В настоящее время существуют 24 таких центра, в том числе два гостиничных комплекса: в ландшафтном парке «Дылевские холмы» на Мазурских озерах и на бальнеогрязевом курорте Крыница-Здруй. Вскоре будет открыта третья СПА-гостиница в курортном городке Поляница-Здруй.

Еженедельник «Впрост» оценивает имущество супругов Ирены Эрис и Хенрика Орфингера в 406 млн злотых, что ставит их на 68 место в списке самых богатых людей Польши.

Александра Кретковская У НАС ЕСТЬ НОУ-ХАУ И 100 ЛЕТ ОПЫТА

Александра Кретковская — руководитель проекта по продвижению польской косметической отрасли на внешних рынках в независимом рекламном агентстве «SPC House of Media»

Последние 25 лет принесли динамичное развитие экспорта польских косметических средств. Сегодня за границей наши продукты продаются на общую сумму более 3 млрд евро. Этот результат в пять раз лучше, чем в 2001 г. За последнее десятилетие экспорт рос в темпе 25% в год, достигнув самого большого процентного прироста в 2004 г., т.е. сразу же после вступления Польши в Европейский союз. Отечественные производители прекрасно использовали шансы, связанные с этим изменением своей ситуации на рынке. Правда, традиционное восточное направление по-прежнему сохраняет высокую долю участия в нашем экспорте — Россия остается крупнейшим потребителем польской косметики, — однако, если говорить о регионах, то лидером теперь уже является ЕС.

Мы находимся на этапе поиска новых рынков сбыта. Европейские рынки насыщены косметикой не только с точки зрения предложения, но и спроса. В данном регионе все труднее обеспечивать динамичные показатели по увеличению продаж. Это замечают наши отечественные производители, которые делают ставку на рынки все более отдаленных стран. Мы экспортируем косметику уже в 130 с лишним государств мира. Хотя стоит подчеркнуть, что польские производители вполне конкурентоспособны и на собственном рынке. В их руках находится 50% сегмента косметических средств по уходу за кожей — в других европейских странах в этом сегменте обычно доминируют глобальные концерны.

Перспективным выглядит Ближний Восток, где конкуренция со стороны местных производителей невелика. Это приводит к тому, что страны указанного региона открыты для импортируемых продуктов. Польских производителей привлекают также другие страны Азии, прежде всего по той причине, что в них растет покупательная способность потребителей. Северная Африка также представляет собой интересный рынок, хотя там производители часто сталкиваются с проблемой отсутствия четко работающей системы дистрибуции. Польские производители косметических средств чувствуют себя все лучше и на внеевропейских рынках, так как предлагают отличные продукты «Made in EU» по конкурентной цене. Это косметика самого высокого качества, соответствующая новейшим общемировым трендам. Кроме того, мы располагаем ноу-хау, необходимым для их создания. В Польше у этой отрасли уже 100 лет опыта, а также развитая научная и образовательная база. Мы — единственная, наряду с Литвой, страна в Европе, где косметология преподается на университетском уровне. У каждой крупной отечественной фирмы имеется собственная научно-исследовательская лаборатория; кроме того, работают и независимые лаборатории. Вдобавок польский рынок характеризуется отлично развитой и прочной структурой — здесь действует около 100 больших и средних, а также свыше 300 малых производителей. Нет недостатка и в фирмах, изготавливающих упаковки. Благодаря этому весь процесс производства косметических средств можно локализовать в Польше, что влияет на его эластичность и позволяет нашим фирмам быстро реагировать на меняющуюся моду и требования разных рынков.

Динамичное развитие косметической отрасли заметило также министерство народного хозяйства, которое выбрало ее в качестве одной из 15 ведущих отраслей промышленности, пропагандирующих польскую экономику и промышленность за границей. В 2012 г. началась реализация программы промоутинга данной отрасли, которой занимается наше агентство. В ней принимает участие почти 100 фирм. Мы организуем, среди прочего, национальный павильон Польши на самых важных ярмарках косметической продукции в мире. Предприниматели, причастные к указанной программе, могут получить из евросоюзных средств возврат понесенных расходов на уровне до 75%. К данному моменту на поддержку отрасли было предназначено более 25 млн злотых. Эти деньги были использованы настолько эффективно, что уже идет речь о продолжении данной программы. И это важная деятельность, поскольку на некоторых трудных рынках отрасли просто необходимо содействие и прямая поддержка.

МАЛОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ — БОЛЬШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

С мэром города Гданьска Павлом Адамовичем беседовал Эугениуш Собошь

— Вы бессменный президент Гданьска с 1998 г. В 2010 г. вас выбрали на четвертый срок как кандидата Гражданской платформы. До этого вы девять лет работали преподавателем на юридическом факультете Гданьского университета. Несомненно, это пример довольно быстрой и блистательной политической карьеры. Какие цели и задачи должен ставить сегодня перед собой политик?

— Трансформация — это было особое время. Тогда люди росли, словно бамбук, — по двадцать сантиметров за сутки. Но я не считаю, что моя, как вы это назвали, «политическая карьера» была особенно быстрой и блистательной. Электрик, который становится президентом страны, водитель автобуса, который делается депутатом, — вот блистательные политические карьеры.

Помимо этого, я не чувствую себя политиком. В первую очередь я — представитель самоуправления. Моя основная цель — служение городу, его жителям. И здесь я делаю ставку на два аспекта. На аспекты, которые неразрывно связаны между собой. Во-первых, на инвестиции, которые — благодаря евросоюзной помощи — позволят засыпать цивилизационную пропасть между Гданьском и городами давней Западной Европы. А во-вторых — на построение социального капитала.

— Часто можно услышать, как житель Варшавы или Кракова говорит: «Еду в Тригород», — не отличая конкретно Гданьска от Сопота или Гдыни. А ведь все-таки каждый из этих

городов имеет свою неповторимую атмосферу. Одна из черт современной экономики — конкурентность. Это явление присутствует и в Тригороде, где органы самоуправления борются за каждого туриста. Вредит ли такое соперничество этой метрополии как единому целому или же приносит положительные результаты?

— Конкуренция — вещь, в принципе, здоровая, и она приносит пользу. Но в данном случае — обязательно. По мнению многих аналитиков, будущее принадлежит метрополии. И я стремлюсь к тому, чтобы все мы научились думать в одних и тех же категориях. Этому, например, служит основанное мной общество «Гданьское метрополисное пространство». Только вместе мы составляем силу. Только вместе мы конкурентоспособны по отношению к другим мировым метрополисам.

— Как вы оцениваете сотрудничество с властями Сопота и Гдыни?

— С Сопотом Гданьску сотрудничается хорошо. С Гдыней бывает хуже. Но я надеюсь, что это временно, что чувство общей заинтересованности все-таки победит мышление в категориях партикулярных интересов и местных амбиций.

Я хочу, чтобы Гданьск стал вновь, как и много веков назад, воротами Речи Посполитой. Чтобы быть конкурентным, Гданьск должен открывать свои ворота настежь, потому что это ворота в мир всей Речи Посполитой. Эти ворота — это не только аэропорт в Рембехове, но и морской порт.

Далее, сегодня Гданьск — это не только окно в мир, но и открытая дверь, через которую к нам можно приехать, приплыть, прилететь. Наш город благодаря этому становится местом, связанным с перемещением людей, сюда прибывают люди, несущие огромный капитал — интеллектуальный, социальный и инновационный. Последовательно выстраивая свою позицию в качестве логистического центра, Гданьск имеет шансы исполнять роль локомотива развития, который стимулирует весь регион и даже шире — страну.

Чтобы развиваться и притягивать инвесторов, город обязан чем-то выделяться. Гданьск успешно строит свою фирменную марку, благодаря которому его идентифицируют в Европе и в мире. Так происходит благодаря последовательной реализации стратегии развития города, а также благодаря реализации принципов стратегии фирменного бренда. Построение своей идентичности возможно, в частности, через разнообразные стратегические инвестиции в области культуры, туризма, спорта и рекреации.

Как видите, у нас честолюбивые планы. А что важнее всего — нам удастся их реализовывать.

— В июле 2012 г. было введено малое приграничное движение между Калининградской областью и двумя воеводствами — Поморским и Варминско-Мазурским. Какое влияние будет иметь это событие на всю совокупность польско-российских отношений?

— Малое приграничное движение с Калининградской областью — это политический, финансовый и региональный успех. Это также успех польской дипломатии на арене ЕС, потому что удалось убедить Европейскую комиссию, чтобы зону малого приграничного движения, которая обычно охватывает 30–50 км от границы, расширить на всю Калининградскую область.

Для Гданьска введение малого приграничного движения оказалось хорошей программой, инструментом для построения реальных добрососедских польско-российских отношений после многих лет укрепления двусторонних предубеждений. Мы живем в одной Европе, и хорошие контакты с соседями — это ключ ко всему. А Гданьск для Калининграда — самый географически близкий большой город, с похожими географически-демографическими условиями. Мы хотим быть лидером позитивных перемен в отношениях с Россией, причем в самых разных сферах. Последние исследования говорят о том, что мы по-прежнему взаимно плохо знаем друг друга, а Западная Европа знает Россию еще хуже. Поэтому введение малого приграничного движения идет на пользу Гданьску, Польше и всему Европейскому союзу.

*— Одним из приоритетов политики Европейского союза является развитие регионов в государствах-членах. В 2012 г. польско-российскую границу пересекли 4 млн человек. Такого движения не было уже много лет. В торговых центрах Тригорода около 10–20% клиентов составляют сегодня россияне. Уже нет сомнений, что малое приграничное движение будет способствовать экономическому развитию Поморья. Но не считаете ли вы, что присутствие россиян в Гданьске может стать в некотором смысле *spécialité de la maison* (фирменным блюдом) этого города? И не должны ли мы, наконец,*

отойти от мышления исключительно в экономических категориях, а задуматься над расширением культурных, художественных и образовательных программ для гостей из Калининграда? Культура — важное средство, которое может сблизить поляков и россиян. Особенно с учетом того, что на российской стороне мы уже имеем дело с художественной трактовкой покупок безумств россиян в Польше. Я имею в виду песню группы «Паровоз»: «И потянулся в Польшу калининградский пил. Здравствуй, «Бедронка», здравствуй, «Лидл»»¹, которая бьет рекорды популярности в интернете. Ее уже перевели на польский и показали по польскому телевидению.

— Уже сегодня можно было прочесть реакцию на эту песенку лично Николая Цуканова, губернатора Калининградской области, который говорит, что калининградцы приезжают в Гданьск не за сосисками, но главным образом ради того, чтобы осмотреть гданьский Старый город и почерпнуть образцы, которые помогут в разработке плана застройки исторического центра Калининграда. Он говорил, что в Калининград надо привлечь специалистов извне и консалтинговые фирмы. Сказал он все это на состоявшемся в понедельник заседании Областного совета по делам культуры.

Таким образом Гданьск уже стал для Калининграда точкой отсчета во многих делах, и это — большой шанс для нас всех. Архитекторы из Гданьского политехнического института, которые уже давно сотрудничают с архитекторами из Калининграда, получают очередные, конкретные шансы сотрудничества и стартуют в открытых конкурсах по застройке исторического центра Калининграда.

Калининградцы полюбили Гданьск в том числе и за нашу культурную программу. Они посещают концерты и спортивные мероприятия на стадионах «Эрго арена» и «ПГЭ арена». А мы планируем очередные действия, связывающие воедино интересы, силы и средства обоих наших городов.

В образовательном измерении у нас есть конкретные программы, уже ставшие системными и циклическими. Мы хотим построить в Гданьске место для дебатов молодых людей с Востока и Запада Европы. И поддерживаем эту идею посредством многих конкретных мероприятий: это Польско-российская школа под парусами, это Гданьский клуб, где встречаются молодые лидеры Польши и России, это опросы общественного мнения на тему польско-российских отношений, это «Польско-российские беседы» в постоялом дворе Артуса, это межшкольные конкурсы и польско-российская школа, организованная совместно с Гданьским университетом. Особенно мы гордимся англоязычным ежеквартальным журналом «New Eastern Europe», соиздателем которого мы являемся.

— *Приблизит ли, по вашему мнению, малое приграничное движение Россию к Евросоюзу?*

— Жители Калининградской области уже давно декларируют свою принадлежность к обществу ЕС. Однако жители всей России — это по-прежнему большая неизвестная величина. Любопытно было бы провести исследования на тему их самоидентификации: с Европой или, может быть, с Дальним Востоком.

— *Во многих городах, охваченных малым приграничным движением, в магазинах появились двуязычные вывески и рекламы — по-польски и по-русски. Возник русскоязычный портал о Тригопде (<http://www.3gsg.ru>), а также информационный портал «Польша-Калининград» (<http://www.polska-kaliningrad.ru>). Какие еще шаги нужно предпринять, чтобы жители Калининградской области еще охотнее приезжали в Гданьск?*

— Таких двуязычных порталов и сайтов с каждым месяцем становится все больше. И на сайтах администрации города Гданьска мы тоже размещаем информацию на русском языке. Дождались русскоязычной версии порталы аэропорта им. Леха Валенсы и стадиона «ПГЭ арена». Туристическая информация должна быть доступна не только на английском, но и на русском языке. Это уже никого в Гданьске не удивляет и не вызывает эмоций. Для гданьчан попросту естественно, что мы делаем вежливый жест в сторону соседей из-за восточной границы, которые так полюбили Гданьск.

— *Инфраструктурные перемены в Гданьске происходят в большой мере благодаря фондам Европейского союза. Возникают новые дороги, современные здания, продолжается модернизация коммунальных сетей, строительство велосипедных дорожек. Могли бы вы представить несколько самых важных инвестиций, а также шире высказаться по вопросу «Гданьск и Европейский союз»?*

¹ Речь идет о двух сетях конкурирующих между собой дискаунтеров. Прим. пер..

— Мы получили относительно много. Стоимость всех проектов с дополнительным финансированием из евросоюзных на сегодняшний день — это 3 796 838 800,67 злотых.

— *Мы говорим об укреплении связей между Гданьском и Калининградом, но у Гданьска есть также партнерский договор с Санкт-Петербургом. Как выглядят отношения между этими городами?*

— Мы высоко оцениваем наше сотрудничество с Санкт-Петербургом, которое охватывает, среди прочего, такие проекты, как циклическая социологическая конференция «Гданьск — Санкт-Петербург», межшкольные конкурсы и обмены журналистами. Организуются также дни Петербурга в Гданьске и дни Гданьска в Петербурге.

— *Вы когда-нибудь были в России? Когда и в каких городах? Какое у вас сложилось впечатление?*

— Да, в последнее время я бываю в России даже чаще, чем несколько лет назад. В прошлом году я был в Санкт-Петербурге, Москве и Омске. Города эти производят на меня очень хорошее впечатление, а сотрудничество с местными властями российских городов становится все более конкретным.

— *Что вы больше всего цените в русской культуре? Литературу, искусство, музыку, кино? Есть ли у вас любимые русские писатели, художники, артисты, режиссеры?*

— Прежде всего, это канон той литературы для чтения, которую должен знать каждый уважающий себя польский интеллигент. Следовательно, Достоевский, Булгаков, Чехов. А помимо этого я часто слушаю Окуджаву, Галича и Высоцкого.

— *Исполнение обязанностей президента города Гданьска наверняка поглощает много времени. Но вы как бывший преподаватель и автор научных публикаций, наверно, заботитесь и о собственном интеллектуальном развитии. Каковы ваши политические взгляды? Какие мировоззренческие и философские направления, какие исторические школы вам близки?*

— Как у частного лица у меня, естественно, есть свои политические взгляды, которые выражаются хотя бы в том, что я — член «Гражданской платформы». Мои взгляды можно было бы резюмировать в определении «умеренный современный консерватор», а в экономических вопросах — «умеренный либерал». Но как самоуправленец я не руководствуюсь политическими взглядами. Вкратце можно было бы сказать, что мои политические взгляды, мое мировоззрение — это Гданьск. Поскольку инвестиции, развитие города не имеют политического или партийного билета. Этому городу я посвятил практически всю свою жизнь.

Времени на то, что вы определили как «интеллектуальное развитие», у меня не слишком много. К сожалению. Читаю я довольно много, если принять во внимание, что после работы, занимающей массу времени, я просматриваю еще целые стопки газет и еженедельников. Однако я стараюсь выгадать как можно больше времени на книги. Разброс читательских интересов у меня довольно большой. Охотнее всего я читаю такие книги, которые могут мне пригодиться в работе, т.е. социологические, исторические сочинения, а также работы из сферы современного управления.

Читать-то я читаю, но всё время имею к себе претензии, что посвящаю чтению так мало времени.

— *Портовые города славятся открытостью, толерантностью и мультикультурностью. Гданьск поддерживает такую традицию. Но, помимо этого, у него еще и сложная история. После 1945 г. большинство немецких жителей были выселены, а в их домах обосновались прибывшие с Востока польские репатрианты. Впрочем, вы сами родом из семьи, переселенной в 1946 г. из Вильно в Гданьск. А вообще, возможен ли симбиоз немецкого культурного наследия со славянским духом?*

— У Гданьска действительно сложная история. Идентичность нашего города строили поляки, немцы, голландцы, шотландцы, евреи. Мы не отмежевываемся от этого наследия. И гордимся большим вкладом в величие города таких бургомистров, как Фербер, Гроддек, Гралат или Леопольд фон Винтер. Гордимся тем, что здесь родился выдающийся писатель, лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс.

Стало быть, симбиоз возможен. Понятно, что в 40-х или 50-х годах это было сложно, но «время лечит раны». История города — это наша история, и нельзя относиться к ней избирательно.

— Президент Вроцлава Рафал Дуткевич в интервью для «Новой Польши» (9/2013) подчеркивал львовские традиции своего города. Существует ли сотрудничество между Гданьском и Вильнюсом? Как вы оцениваете польско-литовские отношения?

— Контактвов много. Потому что действительно: если Вроцлав — львовский, то Гданьск — виленский. Есть контакты рабочие, семейные... У более официальных гданьско-вильнюсских контактов долгая история. Замысел о курсах усовершенствования для учителей из польских школ в Литве возник в декабре 1992 г. Три месяца спустя в Гданьск приехала первая группа учителей с Виленщины. С 1994 г. городские власти Гданьска поддерживают эту образовательную деятельность в финансовом плане. В декабре 1992 г. в школы на Виленщине поехали первые праздничные посылки, подготовленные учениками школ Гданьского воеводства. Тогда родился также план сотрудничества в сфере усовершенствования учителей.

В феврале 1997 г., используя в качестве посредника Союз польских метрополисов, посольство РП в Вильнюсе переслало нам список литовских органов самоуправления, которые были заинтересованы в том, чтобы найти партнера и установить сотрудничество с польскими органами самоуправления. В июле 1997 г. Гданьск отправил лично мэру Вильнюса приглашение приехать в Гданьск по случаю празднования нового тысячелетия.

Однако наиболее показательным примером нашего сотрудничества служат проводящиеся уже много лет два фестиваля-близнеца: фестиваль Вильнюса в Гданьске и «Free Culture Gdańsk — Vilnius», иными словами, вильнюсский эквивалент гданьского мероприятия, популяризирующий культуру гданьских и польских деятелей искусства в Вильнюсе и в Литве. Это очень удачные мероприятия.

Два партнерские города выработали образцовые рамки сотрудничества и дружбы наперекор господствующим мнениям о польско-литовских отношениях. Фестиваль с самого начала был направлен на преодоление барьеров и реализацию таких проектов, которые объединяют, учат компромиссу и демократии, а вместе с тем позволяют творить без каких-либо художественных ограничений. Прекрасным примером этого служат заключительные концерты, в которых принимают участие прекрасные исполнители из обеих стран, представляющие всевозможные музыкальные жанры, стилистическая разнородность которых доходит до границ возможностей. От классической музыки до фолка, джаза, этно и рока в тяжелой его версии.

— Визитной карточкой Гданьска являются культурные фестивали, в т.ч. шекспировский фестиваль, фестивали «Streetwaves» и «Нарративы», «Европейский поэт свободы», «Найдено в переводе», фестиваль уличных театров «Фета», «Гданьск влечит музу», международный моцартовский фестиваль «Моцартиана», фестиваль «Solidarity of Arts», блог-форум «Гданьск», Гольдберговский фестиваль, «Грассомания». В каких из них вы участвуете охотнее всего?

— Да, мы сделали ставку на культуру. Гданьск — это город, в котором культура как фактор сбалансированного развития играет первостепенную роль. Она — источник самоидентификации жителей города. На протяжении нескольких лет благодаря реализации стратегии города и ежедневной активности субъектов культуры (учреждений, неправительственных организаций, художественных групп и одиночек-активистов) в пространстве Гданьска выросли крупные культурные мероприятия, в том числе фестивали, которые стали визитной карточкой нашего города. Они занимают важное место на карте польских и международных культурных мероприятий, став источником гордости горожан. И, что еще важнее, все это привело к тому, что Гданьск стал восприниматься как город культуры.

Я всегда стараюсь попасть на «Solidarity of Arts». Это на самом деле очень интересный фестиваль. Однако по мере возможности я стараюсь посещать все фестивали. Разумеется, я бываю не на всех мероприятиях, а стараюсь выбирать самые интересные, те, что кажутся мне самыми важными.

— В будущем году планируется открытие большого здания, где будет располагаться Европейский центр солидарности. Могли бы вы рассказать нашим читателям о целях и задачах этой организации?

— Мы хотим, чтобы новое здание Европейского центра солидарности стало агорой, местом встреч, где удастся хотя бы частично сохранить атмосферу августовской забастовки.

Центр находится рядом с площадью Солидарности, неподалеку от памятника Павшим судостроителям, а также от исторических ворот номер 2 Гданьской судоверфи им. Ленина и ее зала безопасности и гигиены труда, где 31 августа 1980 г. Межзаводской забастовочный комитет подписал соглашение с правительством ПНР. Сердцем Европейского центра солидарности будет новая постоянная выставка, посвященная феномену «Солидарности» и тем переменам, которые произошли под ее влиянием в Польше и Европе. Запланировано место для зала временных выставок, для библиотеки с читальным залом, медиатеки, архива, научно-исследовательского центра, учебно-образовательного центра, а также творческих мастерских для молодежи. Будет там и книжный магазин, и сувенирная лавка. Можно будет на месте, в тиши зимнего сада, выпить кофе.

У организаторов весьма честолюбивые планы, они хотят превратить Европейский центр солидарности в место встреч граждан, чувствующих себя ответственными за развитие демократии. Наша важная цель — пропагандировать идеи свободы и солидарности в авторитарных государствах.

— *Город Гданьск частично финансирует издание англоязычного ежеквартального журнала «New Eastern Europe», посвященного России и другим странам Центральной и Восточной Европы. Что склонило вас принять такое решение?*

— Среди польских городов именно на Гданьск его история и традиции вольного города налагают особые обязательства, ставя перед необходимостью высказываться по вопросам сотрудничества с Востоком. Именно отсюда в августе 1980 г. шло послание к братьям-славянам за восточной границей. Вместе с Европейским центром солидарности Гданьск хочет быть форумом диалога Востока и Запада. Этот журнал — единственное издание в мире, которое представляет на английском языке польскую точку зрения на Восточную Европу. За три года существования он успел заработать себе большой международный престиж и массу читателей во всем мире. Это хорошая инвестиция.

— *В конце я хотел бы спросить, как вы проводите свободное время. Спорт, книги, прогулки?*

— У мэров не бывает слишком много свободного времени. Два года назад я подсчитал, что в течение года у меня было шесть свободных суббот. А более-менее длительного отпуска, скажем, продолжительностью в несколько недель, у меня не было уже много лет. Поэтому каждую свободную минуту я стараюсь посвятить своей семье — жене и двум дочерям. Ну, а помимо этого — прежде всего книги и велосипед. Это позволяет мне расслабиться, придает мне сил для работы.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

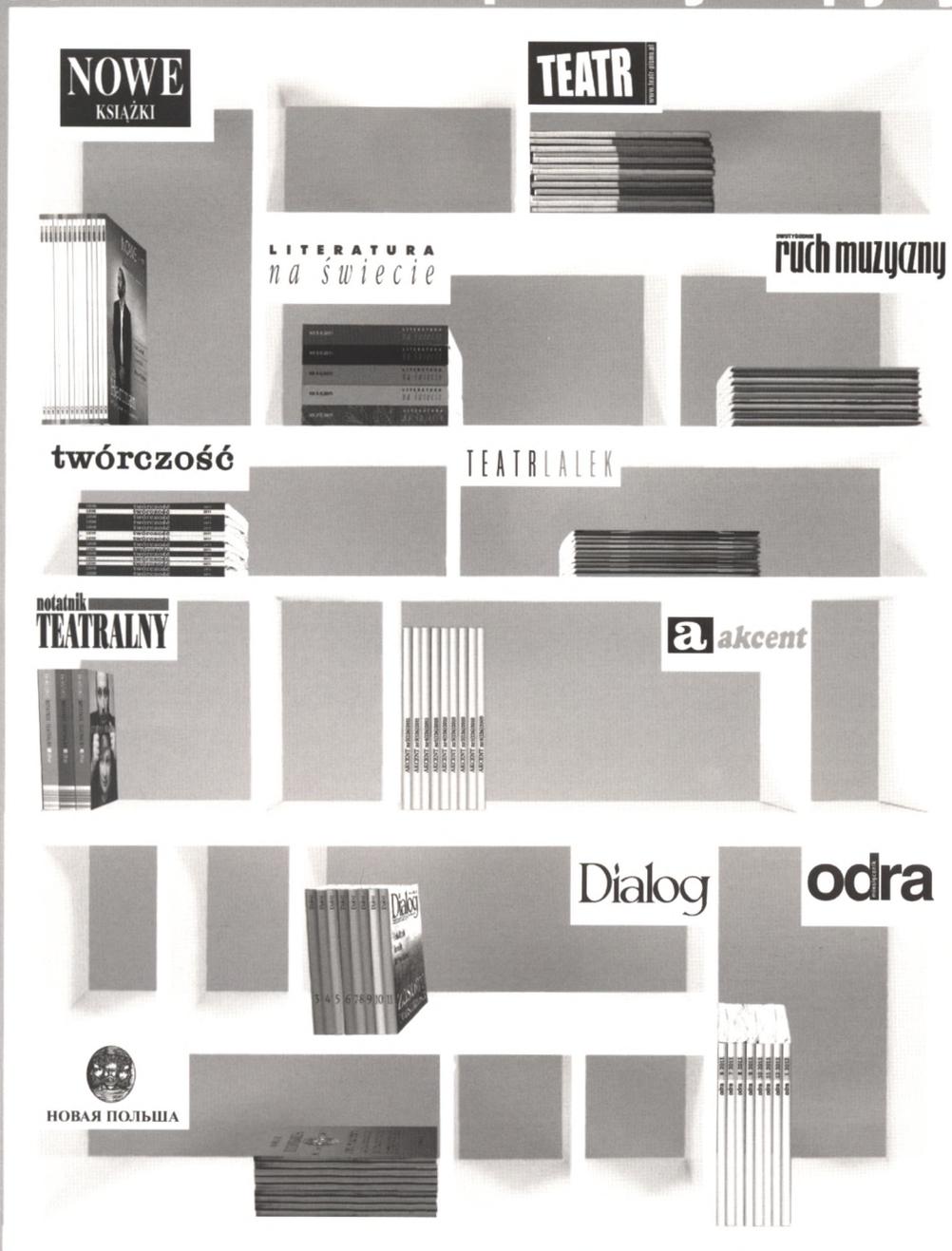
www.novpol.ru
www.novpol.org

INSTYTUT KSIĄŻKI

© POLAND

Достаточно протянуть руку

Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589

9 771508 558140 10